

Рецензируемый научный журнал
Номер 4 (36) 2022
Периодичность – 4 номера в год
Серия: История
Выпуск 10

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Чистобаева Н. С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Редакторы серии «История»

Кискидосова Т. А., Мамышева Е. П.,
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Ответственный секретарь

Субракова В. В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Редактор переводов

Мечтанова Д. И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Борисов А. А., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Дацышен В. Г., Институт демографических исследований РАН, Россия

Гергилев Д. Н., Сибирский федеральный университет, Россия

Курас Л. В., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

Нам И. В., Томский государственный университет, Россия

Раджабов К. К., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Узбекистан

Функ Д. А., Институт этнологии и антропологии им. Миклухо Маклая РАН, Россия

Цэдэндамбын Батбаяр, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Монголия

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия

ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»
Тел.: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru

Email: chistobaeva@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:

Бадаев В. Г.

Email: badaev@sayn-altai.ru

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова»
655017, Россия, г. Абакан, ул. Советская, 173

ISSN 2303-7488

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

Peer-reviewed academic journal
№ 4 (36) 2022
The journal is published quarterly
Series: History
Issue 10

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
History series editor

Tatyana A. Kiskidosova, Elena P. Mamysheva,
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Executive secretary

Viya V. Subrakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Translator-reviser

Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Andrian A. Borisov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Vladimir G. Datsyshen, Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University, Russia

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Iraida V. Nam, Tomsk State University, Russia

Kahramon K. Radjabov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Dmitry A. Funk, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Batbayar Tsedendambyn, Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Mongolia

Founders:

The Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Tel.: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru

Email: chistobaeva@sayan-altai.ru

Technical support:

Vladislav G. Badaev

Email: badaev@sayn-altai.ru

Printed in the Printing House Governmental Budget Research Institution of the Republic of Khakassia
«V. M. Torosov Khakass Book House» 173 Sovetskaya Str., Abakan, 655017, Russia

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098

© Министерство образования и науки

Республики Хакасия, 2022

© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Борисов А. А. Омская и Якутская области – новый этап в истории областного управления на кочевой периферии Российской империи (первая половина XIX в.)	3
Васильев А. Д. Некоторые аспекты учреждения степных дум в Енисейской губернии и Якутской области (1820-е гг.)	9
Воронцов Д. В., Дыня А. А. «От Перми до Перми»: обзор боевых действий на Восточном фронте Гражданской войны с ноября 1918 г. по июль 1919 г.	13
Кискидосова Т. А. Единственный путь: эго-документы о становлении революционерки П. И. Гедымин-Тюдешевой	23
Кривоногов В. П. Этноязыковые процессы у коренных малочисленных народов таежной зоны Средней Сибири и Присяянья	32
Медведева Н. Н. От пионерского движения – к волонтерскому (на примере Хакасии)	45
Печерский В. А. Партийные кадры городов и районов Хакасской автономной области в 1960-е гг.	51
Саая С. В. Становление международно-правового статуса тувинского государства в первой четверти XX в.	63
Троякова Ю. К. Литературно-художественная интеллигенция и власть в 1970–1980-е гг. (на примере Хакасии и Тувы)	72
Чертыков В. К. Публикация источников по истории Хакасско-Минусинского края в 50-е – 80-е гг. XIX в.	78
Хипхенов Г. И. Белое Черемхово (июль 1918 г.)	86

ПЕРСОНАЛИИ

Кискидосова Т. А. Кузьма Михайлович Патачаков: к 100-летию известного ученого	95
--	----

CONTENTS

Borisov A. A. Omsk and Yakutsk regions – a new stage in history of regional governance on nomadic periphery of the Russian empire (the first part of the 19th century)	3
Vasiliev A. D. Some aspects of the establishment of step dumas in Yenisei province and Yakutsk oblast (1820s)	9
Vorontsov D. V., Dynya A. A. "From Perm to Perm": overview of the fighting on the eastern front during the civil war from november 1918 to july 1919.	13
Kiskidosova T. A. The only way: ego-documents on the formation of revolutionary P.I. Gedymin-Tyudesheva	23
Krивonogov V. P. Ethno-language processes among the indigenous small-numbered peoples of the taiga zone in Central Siberia and the Sayan region	32
Medvedeva N. N. From the pioneer to the volunteer movement	45
Pechersky V. A. Party personnel of towns and districts of the Khakass autonomous region in the 1960 s.	51
Saaya S. V. Formation of the international legal status of the Tuvan state in the first quarter of the 20th century	63
Troyakova J. K. Literary and artistic intelligence and power in the 1970–1980s (by the example of Khakasia and Tuva)	72
Chertykov V. K. Publication of sources on history of the Khakass-Minusinsk region in the 50s – 80s of the 19th century	78
Hipkhenov G. I. White Cheremkhovo (july 1918)	86

PERSONALITIES

Kiskidosova T. A. Kuz'ma Mikhailovich Patachakov: on the 100th anniversary of the famous scientist	95
---	----

ОМСКАЯ И ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТИ – НОВЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА КОЧЕВОЙ ПЕРИФЕРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

А. А. Борисов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
ул. Петровского, 1, Якутск, 677000, Россия; email: a_a_borisov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8285-6421*

В статье речь идет об одном из важных периодов в истории областного управления первой половины XIX в. на кочевой периферии России в сравнительно-сопоставительном аспекте на материалах из истории Омской и Якутской областей. Образование областной формы управления в этих регионах было обусловлено необходимостью обеспечения внешней границы империи и интеграции улусной системы, покоившейся на кочевом образе жизни скотоводов Казахстана и Якутии.

Ключевые слова: областное управление, кочевая периферия, сопоставление, особенности, Российская империя, Омская область, Якутская область, первая половина XIX в.

OMSK AND YAKUTSK REGIONS – A NEW STAGE IN HISTORY OF REGIONAL GOVERNANCE ON NOMADIC PERIPHERY OF THE RUSSIAN EMPIRE (THE FIRST PART OF THE 19TH CENTURY)

A. A. Borisov

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences, 1 Petrovsky str., Yakutsk, 677000, Russia; email: a_a_borisov@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-8285-6421*

This article discusses one of the important periods in the history of regional administration of the first half of the 19th century on the nomadic periphery of Russia in a comparative aspect based on dates from the history of the Omsk and Yakutsk regions. The foundation of the regional form of governance in these regions was due to the need to establish the external border of the Empire and to integrate the ulus system, based on the nomadic way of life of pastoralists in Yakutia and Kazakhstan.

Keywords: regional administration, nomadic periphery, comparison, features, Russian Empire, Omsk Region, Yakutsk Region, the first half of the 19th century.

Введение

В истории государственного управления России в последней четверти XVIII в. появилась такая особая форма регионального управления, как область. По мнению специалистов, «область в государственном устройстве Российской империи представляла собой самостоятельное административно-территориальное образование, формируемое в соответствии с региональной политикой государства и создаваемое на присоединенных или приграничных территориях с целью постепенной интеграции последних в общеимперскую систему государственного устройства и местного управления с сохранением местных особенностей

управленческо-регулятивного характера, отражающих специфику геополитического положения, этнического состава населения, а также традиции социального управления и нормативного регулирования общественных отношений» [Васильев, 2016]. В данном определении нашли свое отражение такие понятия, как отдаленность территории, «вновь устраиваемая страна» (по В. И. Далю). Зачастую область создавалась на так называемой «кочевой периферии» империи, имевшей свои специфические черты. Степные и лесостепные пространства способствовали длительному сохранению кочевого образа жизни, основанного на скотоводческом хозяйстве, что обуславливало сохранение и особой системы потестарных

и политических отношений в кочевой среде, связанной с улусной организацией. Кроме того, численное преобладание такого населения (кочевых инородцев) также не позволяло вводить общеимперские порядки. Вышеназванные обстоятельства предопределили создание и длительное функционирование областной системы управления.

Областная форма управления

В начальный период истории областной системы управления, который относится к последней четверти XVIII в., было создано 24 области. К первой половине XIX в. их количество сократилось до 11 областей, однако поиски оптимальных вариантов управления привели к тому, что со второй половины XIX в. областная форма вновь получила широкое распространение, к началу XX в. было учреждено до 24 областей, среди которых сохранились и те, что возникли в первой половине столетия. К таковым относилась и Якутская область, на территории которой проживали якуты-скотоводы, объединенные в улусы. Более того, из центральной части области улусная система распространилась почти на всю ее территорию, в каждом из пяти округов (бывших уездов) возникли якутские улусы.

На одной из других территорий, где проживали кочевые тюрко-монгольские народы, областная форма управления вновь возникла и просуществовала в 1822–1838 гг. – на землях казахов Среднего жуза, она называлась Омской областью. По мнению специалистов, названный период был переходным, когда сосуществовали «традиционные хозяйственно-родовые отношения» – волости и *аулы* с территориальными округами и областью [Безвиконная, 2002].

По мнению Д.В. Васильева, «опыт показал, что образование Омской области, в составе которой должна была пройти адаптация казахов к общим для сибирских инородцев учреждениям, оказалось преждевременной мерой» [Васильев, 2016, с. 493]. В якутской историографии образование областного управления не получило специальной оценки с точки зрения исторической обусловленности [12]. На наш взгляд, указанный период явился значимым в истории взаимоотношений имперского центра и окраин, который представлял собой очередной этап интеграции кочевой периферии в состав Российской империи. В этой связи существует настоятельная необходимость обращения к данной проблеме, исполь-

зуя сравнительно-сопоставительный подход, с помощью которого будут охарактеризованы культурно-бытовые особенности якутского и казахского народов, а также проведено сравнение социальных и политических отношений, сложившихся в условиях воздействия на них государственной системы России. При этом будем иметь в виду и другие народы кочевой периферии, у которых действовала областная система.

Казахи и якуты

Казахи (по источникам XVIII в. – *киргиз-кайсаки*) и якуты – два кочевых народа, относящихся к тюркской языковой семье. Скотоводческое хозяйство в обоих случаях требовало разбивать хозяйственный цикл на зимники (*кыстау* – у казахов, *кыстыки* – у якутов) и летники (соответственно *джайлау* и *сайылык*).

И казахские, и якутские зимники располагались рассредоточенно. Однако казахи для зимников выбирали долины рек, например, таких как Сыр-Дарья, в то время как якуты избегали речных долин, предпочитая более укромные лесные елани – *аласы*.

Семейные кочевые группы (*аулы* и *ыалы*¹) казахов были самостоятельны в хозяйственном отношении, владея, прежде всего, скотом, зимниками и другими средствами воспроизводства скотоводческого хозяйства. Имело место имущественное неравенство: одни казахские хозяйства имели сотни и тысячи голов скота, другие – несколько десятков или еще меньше лошадей, коров или баранов, а то и вовсе не имели. Среди последних было больше представителей *карасуiek* (черной кости), их называли *карачу* (*караджи*), *каракиши* – простолюдины.

В среде якутов бедных людей называли *хара киси*, или *дыадангы киси*. У казахов – *койшычабаны*, чаще всего из числа невольников, которые происходили из иноплеменников, – *кулы* пасли скот. Среди якутов также в предыдущем столетии были рабы (холопы) – *боканы* или *кулуты*, также из числа иноплеменников или даже не якутов, которые также зачастую работали пастухами. Хотя, как признают специалисты, деление на *бай* (богатый) и *кедей* (бедный) было условным. Первых богачей казахи называли *биями*, а якуты – *баями*, выше их по статусу находились предста-

¹ Хотя казахский аул был в среднем более многочисленным и скорее соответствовал в более позднее время селению, сопоставимому с деревней, но семантически и в социальном, хозяйственно-экономическом плане он сравним с якутским *ыал*.

вители *ак-суйек* (белой кости), самые знатные из них носили титул султанов.

Якутская знать именовалась *тойонами*, среди которых выделялись в прошлом *дарханы* (термин, имеющий, вероятно, общие корни с монгольской средой), однако в изучаемое время термин уже не встречается¹. Русские казаки при первом соприкосновении с ними в предыдущем столетии применяли термин *тайша*, заимствуя его из практики взаимоотношений с калмыками-ойратами и бурятами. К рассматриваемому времени якутские *тойоны* именовались «князцами», среди которых выделялись главные, так называемые «улусные князцы».

Казахские султаны со своим улусом испокон веков перекочевывали на свои старинные *йурты* (по-якутски *сурт*) – наследственные пастбища. Кроме того, у них были весенние (*коктеу*) и осенние (*куз*²) местожительства. Якуты к тому времени уже, по-видимому, не знали подобных форм хозяйствования, но так называемые «весенники» назывались *саасыыр*. У крупных скотовладельцев имелись осенники – *оторы*, где скот докармливался перед уходом на зимники.

Казахи были многочисленным скотоводческим народом (от 500 тыс. до 1 млн чел.), который имел сложную потестарную организацию (Казахское ханство до начала XVIII в., затем несколько ханств). Смена ханов приводила к смутным временам, когда одновременно шла борьба за власть между несколькими претендентами – султанами, поддержанными различными группировками степной знати – *биев*. После смерти Тауке-хана в 1718 г. власть сосредоточилась в руках ханов трех жузов (сотен): *Улу жуз* (статус первого сохранялся за ним лишь формально), *Орта жуз*, *Киши жуз*. Все ханы происходили от разных ветвей Чингизидов, выбирались из числа султанов [Ермекбай, 2018, с. 336–344; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 324–328, 345–346, 348–355].

Деление на жузы было обусловлено природно-географическим разделением Казахстана на юго-восточную (Старший жуз), западную (Младший жуз) и восточную (Средний жуз) части [Асфендияров, 1935]. Площадь территории, занятой предками казахов, сопоставима с

размерами Якутии, но в Казахстане неизмеримо больше пространств, пригодных для скотоводства. В изучаемый период численность якутов едва достигала 130 тыс. человек, но политическая ситуация типологически была сходна с ситуацией в казахском обществе. Прежде всего, речь идет о раздробленности центральной части Якутии на улусы. Статус улуса получила бывшая Баягантайская волость, а от Борогонского улуса в 1816 г. отделился Дюпсинский улус, общее их количество дошло до семи.

На четыре разобщенных улуса разделились якуты, кочевавшие в бассейне р. Вилюй: Верхневилуйский, Вилуйский, Мархинский и Сунтарский. По одному одноименному улусу (по названию региона) возникло в юго-западной части Якутии в бассейне р. Олекма и на северо-востоке на средней Колыме.

Четыре улуса, еще более разрозненных, существовало в Верхоянье: Верхоянский, Жиганский, Усть-Янский, Эльгетский [Башарин, 2003]. Большая часть якутов была сосредоточена в одной Якутской области, тогда как казахское население лишь частично входило в состав административно-территориальных единиц, имевших центры в Оренбурге или в одном из сибирских городов.

Организация областного управления

В Омской области всего числилось 276 333 души: во внутренних округах – 41 805 душ, во внешних – 234 528 душ [Кеппен, 1840, с. 9]. На территории области оказались казахи Среднего жуза. Их земли были разделены на внешние и внутренние округа, состоявшие из 15–20 волостей, каждая из которых объединяла 10–12 аулов, насчитывавшие по 50–70 кибиток. Управлявшие ими окружные приказы в составе председателя – *ага* (старшего)³ султана в чине майора (VIII класс), двух русских и двух казахских заседателей – сопоставимы с окружными управлениями Якутской области, которые возглавлялись русскими исправниками. За основу организации округов в Омской области были взяты зимние кочевья. Кроме того, в окружном приказе принимал участие командир казачьего отряд (чего не было в округах Якутской области). Приказ ведал учетом народонаселения, занятой земли, караванной торговлей, что также характерно для якутских окружных управлений.

¹ Интересно, что среди тюркских народов башкир, казахов и татар вплоть до XVIII в. наиболее отличившихся на военной службе представителей знати, также и *батыров* (воинов) русские власти практиковали выдачу тарханных грамот, согласно которым получившие их люди получали особые привилегии.

² Сравните с якутским *куһун* – осень.

³ По-якутски *ага* – отец, старший. Сравните, например, *ага басылык* – старший глава.

Во главе волостей были поставлены наследственные волостные султаны (имели чин XII класса). Перевыборы этих султанов осуществлялись только с согласия Омского областного правления. Они исполняли предписания приказов. Во главе аулов избирались на три года аульные старшины, которых утверждали приказы [Ермекбай, 2018, с. 20–21; Центральная Азия, 2008, с. 48–51].

В состав Омского областного управления входили: областной начальник, областной совет (состоял из председателей частных областных управлений), областное правление (исполнительная и казенная экспедиции), областной суд, областной прокурор, а кроме того, казачий атаман, командир инженерных войск и обер-аудитор.

Для сравнения: одновременно оренбургский генерал-губернатор П. К. Эссен ввел в действие «Устав об оренбургских киргизах». Младший жуз был разделен на три части во главе с султанами-правителями, назначавшимися оренбургским военным губернатором. Султаны, имевшие помощников и военную команду, работали под контролем Пограничной комиссии, состоящей из председателя, четырех советников, четырех заседателей из числа казахов. Комиссия была наделена функциями губернского правления. С 1831 г. произошло разделение на участки-дистанции (расстояние между форпостами и крепостями) и старшинства (*аулы*) при создании Букевской орды, а к середине века было создано уже 54 дистанции. Бии и старшины получали при них должности [Быков, 2005; Центральная Азия, 2008, с. 51–53]. Образование дистанций – вынужденная мера правительств, приспособленная к кочевому образу жизни казахов и их улусной организации. Казахские дистанции также можно сопоставить

с якутскими наслегами, о которых мы будем писать ниже.

В отличие от Омской области, которая напрямую подчинялась генерал-губернаторам, Якутская область в рассматриваемый период находилась в составе Иркутской губернии. В области, разделенной на округа, числилось всего 85 462 ревизских души [Кеппен, 1840, с. 6]. В четырех малолюдных округах управление было ограничено исправником и секретарем. Самый крупный Якутский округ в составе своего окружного управления имел земский суд (исправник, три заседателя с канцелярией, архивариусом), окружное казначейство, землемерную часть, окружной суд, возглавлявшийся судьей с двумя заместителями и канцелярией [Полное собрание... 1830, с. 41–42]. Несмотря на то, что чиновники были русскоязычными, владение якутским языком было обязательным.

В якутских улусах (каждый насчитывал от 10 до 20 тыс. человек) власть осуществляли инородные управы, возникшие фактически с начала столетия в составе улусного головы, двух заместителей (кандидатов по голове) и писаря. Низшей формой управления были основанные еще в 1770-х гг. по территориальному принципу *наслеги* (от 100–200 до 3 тысяч человек). Эти *наслеги* соответствовали административным *аулам* казахов. В среде кочевых якутов не было постоянных населенных пунктов, и *наслеги* образовывались вокруг «ночлегов» князцов (старост), вокруг мест, где располагались их зимники (*кыстыки*). Один из таких князцов избирался, подобно казахским султанам, улусным головой, стоявшим во главе административного улуса, который соответствовал казахской волости тех лет (табл. 1).

Таблица 1

Окружное управление

Казахи (киргиз-кайсаки)	Якуты
Округ (15–20 волостей) окружной приказ: • председатель – старший султан в чине майора (VIII класс), • два российских заседателя (назначаемые), • два заседателя – два бия (выборные), • командир казачьего отряда	Округ (от 1 до 7 улусов) окружное управление: • исправник, • три заседателя
Волость (10–12 аулов) • наследственные волостные султаны (чин XII класса)	Улус (10–30 наслегов) инородная управа: • улусный голова, • два кандидата по голове
Аул (50–70 кибиток) • аульные старшины	Наслег (2–5 родов) • наслежные старосты

Сравнение областного уровня организации управления казахов и якутов свидетельствует о следующем (табл. 2). Для Якутского областного управления налицо более упрощенный состав. Если в Омском областном правлении имело место деление на экспедиции, то в Якутской области не было областного совета. Гораздо проще было и областное судопроизводство, но на уровне инородческого самоуправления все структуры

сопоставимы. Кроме того, Якутская область все еще была подчинена Иркутской губернии, что являлось исключением из принятых правил. Не случайно бывший первый омский областной начальник С.Б. Броневский, ставший впоследствии восточносибирским генерал-губернатором, сетовал, что Якутская область имела гораздо меньше самостоятельности, очевидно, сравнивая ее с Омской областью.

Таблица 2

[Полное собрание... 1830, с. 342–394; Сафронов, 1978]

Областное управление

Омская область	Якутская область
• областной начальник, • областной совет (председатели частных областных управлений, казачий атаман, командир инженерных войск, обер-аудитор), • областное правление (исполнительная и казенная экспедиции), • областной суд, • областной прокурор	• областной начальник, • областное правление (3 советника, канцелярия и архив), • медицинская часть, • землемерная часть, • стряпчий

Кроме того, в Омской области, в отличие от Якутии, были крупные воинские контингенты, что вызвало необходимость включения в Омский областной совет казачьего атамана и командира инженерных войск. К изучаемому времени Якутия формально не имела внешней границы, тем не менее якутский областной начальник совмещал гражданскую и военную власть. Он был командующим не только местной немногочисленной воинской команды, но и Якутского казачьего полка.

Краткое существование Омской области (1822–1838), по всей видимости, было обусловлено стремлением правительства «оцентризовать» (по выражению А.В. Ремнева) географию власти. Сложнее это было сделать на кочевой периферии, в XVIII столетии возникли Колыванская (1779–1782) и Томская (1782–1796) области, куда присоединилась часть земель Среднего жуза. Омск стал третьим областным центром, которому пытались подчинить данное улусное объединение казахов. Создание Пограничного управления в Омске в 1838 г. подтолкнуло власти искать другой центр, откуда можно было бы более эффективно управлять казахскими улусами. Им явился наконец г. Семипалатинск, который дал название новой области, куда вошли казахи Среднего жуза.

Якутская область раньше стабилизировалась и в плане определения границ, и с точки зрения областного центра, а также с формой организации низовых единиц управления (наследная система). Это был бесценный управленческий опыт.

По-видимому, правительство использовало его и на южной кочевой периферии.

Выводы

Россия проводила политику мягкой интеграции Степного края, основанной на принципе добровольности, которая базировалась на договорах между правителями степи и империей [Тебаев, 2009]. Это была последовательная подготовка к формированию новых административно-территориальных единиц в формате области.

Функционирование областной системы на кочевой периферии имело свои особенности. Улусная система организации власти существенно затрудняла интеграцию народов, населявших ее. Это обуславливалось стремлением кочевников в мирное время расселяться дисперсно и связанной с этим рыхлостью власти признанных кочевых лидеров (ханов, *тойонов*, князцов, султанов), кочевым образом жизни и культурно-бытовыми чертами.

Сравнительный анализ двух областных образований (Якутского, Омского) показал вариативность подобных форм организации управления на окраинах империи. В результате сопоставления структуры областного управления в Омской и Якутской областях выявлены как общие черты, так и ряд отличий. К общим чертам можно отнести, во-первых, окраинное положение и Омской области, и Якутии, во-вторых, трехступенчатую иерархию традиционных улусных структур,

а также децентрализацию управления кочевыми сообществами, в-третьих, схожесть структуры окружного управления в обеих областях.

Главное отличие Омского областного управления от Якутского заключалось в его пограничном положении, а также распространении на большее количество населения.

Литература

- Асфендияров С.Д.** История Казахстана с древнейших времен. Т. 1. Алма-Ата: Казахское краевед. изд-во, 1935. 259 с.
- Башарин Г.П.** История аграрных отношений в Якутии. В 2-х т. Т. I. М.: Арт-Флекс, 2003. 448 с.
- Безвиконная Е.В.** Административная политика самодержавия в Степном крае, 20–60-е гг. XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 333 с.
- Быков А.Ю.** Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества: 1731–1917 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. 484 с.
- Васильев Д.В.** Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.): дисс. ... д-ра ист. наук. Самара, 2016. 655 с.
- Дамбаева О.П.** Область в системе государственного устройства и управления Российской империи: XVIII – начало XX в.: дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006. 245 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/oblast-v-sisteme-gosudarstvennogo-ustroistva-i-upravleniya-rossiiskoi-imperii-xviii-nachalo> (дата обращения: 10.07.2019).
- Ермекбай Ж.А.** Западносибирская администрация и казахское самоуправление в первой половине XIX в.: новации и традиции // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «История». 2018. Т. 24. С. 18–27.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.** Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени / 3-е изд., исправл. и доп. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2009. 432 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.** Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, Рауан, 1992. 378 с.
- Кеппен П.И.** О числе жителей в России в 1838 году. Из Санкт-Петербургского месящеслова на 1840 год. СПб.: Тип. Академии наук, 1840. 18 с.
- Полное собрание** законов Российской империи с 1649 года. Т. 38. СПб.: Типогр. II отд-ния СЕИВК, 1830. 1353 с.
- Сафронов Ф.Г.** Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Изд-во «Наука», 1978. 260 с.

Тебаев Д.Б. Казахские жузы и российская политика на территории степного края во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 188 с.

Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

References

- Asfendiyarov S.D.** Istoriya Kazakhstana s drevneishikh vremen. T. 1. Alma-Ata: Kazakhskoe kraeved. izd-vo, 1935. 259 pp.
- Basharin G.P.** Istoriya agrarnykh otnoshenii v Yakutii. V 2-h t. T.I. Moscow: Art-Fleks, 2003. 448 pp.
- Bezvikonnaya E.V.** Administrativnaya politika samoderzhaviya v Stepnom krae, 20–60-e gg. XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2002. 333 pp.
- Bykov A.Yu.** Rossiiskaya pravitelstvennaya politika v stepnykh oblastiakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva: 1731–1917 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk. Saint-Petersburg, 2005. 484 pp.
- Dambaeva O.P.** Oblast' v sisteme gosudarstvennogo ustroistva i upravleniya Rossiiskoi Imperii: XVIII-nachalo XX vv. : dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 2006. 245 pp.
- Ermekbai Zh.A.** Zapadnosibirskaya administraciya i kazakhskoe samoupravlenie v pervoi polovine XIX v.: novatsii i traditsii. *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Seriya «Istoriya»*. 2018. T. 24. Pp. 18–27.
- Klyashtorny S.G., Sultanov T.I.** Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei: ot drevnosti k Novomu vremeni. / 3-e izd., ispravl. i dop. Saint-Petersburg: «Peterburgskoe vostokovedenie». 2009. 432 pp.
- Klyashtorny S.G., Sultanov T.I.** Letopis tryokh tysyacheletii. Alma-Ata, Rauan, 1992. 378 pp.
- Keppen P.I.** O chisle zhiteliei v Rossii v 1838 godu. Iz Saint-Peterburgskogo mesyatseslova na 1840 god. Saint-Petersburg: Tip. Akademii nauk, 1840. 18 pp.
- Polnoe sobranie zakonov** Rossiiskoi imperii s 1649 goda. T. 38. Saint-Petersburg: Tipogr. II otd-niya SEIVK, 1830. 1353 pp.
- Safronov F.G.** Russkie na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.: upravlenie, sluzhilye lyudi, krestyane, gorodskoe naselenie. Moscow: Izd-vo «Nauka», 1978. 260 pp.
- Tebaev D.B.** Kazakhskie zhuzy i rossiiskaya politika na territorii stepnogo kraya vo vtoroi polovine XVIII – pervoi chetverti XIX vv.: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2009. 188 pp.
- Tsentrlnaya Aziya** v sostave Rossiiskoi imperii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 464 pp.
- Vasil'ev D.V.** Organizatsiya administrativnogo upravleniya v Kazakhskoi stepi: gosudarstvennaya politika i regionalnye praktiki (XVIII – pervaya polovina XIX v.): dis. ... d-ra ist. nauk. Samara, 2016. 655 pp.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧРЕЖДЕНИЯ СТЕПНЫХ ДУМ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (1820-е гг.)

А. Д. Васильев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
ул. Петровского 1, Якутск, 677027, Россия; email: aysen_vasilev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4428-4856*

В статье рассматривается деятельность царских чиновников – енисейского губернатора А. П. Степанова и якутского областного начальника Н. И. Мягкова в учреждении степных дум на вверенных им территориях. Автор отмечает роль местных администраторов в развитии инородческого самоуправления в Енисейской губернии и Якутской области.

Ключевые слова: Устав об управлении инородцев, инородческое самоуправление, степная дума, А. П. Степанов, Н. И. Мягков, Енисейская губерния, Якутская область, Сибирь.

SOME ASPECTS OF THE ESTABLISHMENT OF STEP DUMAS IN YENISEI PROVINCE AND YAKUTSK OBLAST' (1820s)

A. D. Vasiliev

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, st. Petrovsky 1, Yakutsk, 677027,
Russia; email: aysen_vasilev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4428-4856*

The article deals with the activities of the tsarist officials – the Yenisei governor A. P. Stepanov and the Yakut regional head N. I. Myagkov in the establishment of steppe dumas in the territories entrusted to them. The author notes the role of local administrators in the development of foreign self-government in the Yenisei province and the Yakutsk oblast'.

Keywords: Charter on the management of foreigners, foreign self-government, steppe дума, A.P. Stepanov, N. I. Myagkov, Yenisei province, Yakutsk oblast', Siberia.

Введение

В 2022 г. исполняется 250 лет со дня рождения выдающегося российского реформатора Михаила Михайловича Сперанского и 200 лет его знаменитым сибирским реформам 1822 г. «Сибирское уложение» представляло целостный подход к управлению Сибирью и оказало существенное влияние на многие стороны жизни зауральского края вплоть до революции 1917 г.

Реформа состояла из 10 законопроектов: «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами». Особое место в реформе было уде-

лено вопросам управления коренных народов, которые легли в основу «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Документ «...закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России» [Дамешек, 2018, с. 352].

Одним из разработчиков «Устава» являлся «ученик» М. М. Сперанского, будущий декабрист, сибиряк, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов Г. С. Батеньков, который подчеркивал важность гуманистического подхода в отношении к сибирским инородцам: «Поднять уровень народа можно, любить его, сближаться с ним, внимать ему должно и вредно не предварять его и уходить от него далеко по естественному

преимуществу умственного труда» [Юшковский, 2012, с. 74].

На основании «Устава» в Сибири были учреждены степные думы – органы самоуправления инородцев «...на уровне больших территориальных групп, которые объединяли улусы и аймаки тюрко-монголоязычных и частично тунгусо-маньчжурских народов» [Борисов, 2011, с. 124]. Согласно «Уставу», степные думы должны были учреждаться именно у забайкальских бурят: «Многие роды, соединенные в одну общую зависимость, а именно: забайкальские буряты, имеют свою Степную думу. Сим учреждением заменяются так называемые конторы»¹. Однако впоследствии они появились и у других представителей коренных народов Сибири, в частности, у хакасов и якутов.

Согласно положениям «Устава», думам вменялись исключительно хозяйственные обязанности: 1) народоисчисление; 2) раскладка сборов; 3) правильный учет всех сумм и общественного имущества; 4) распространение земледелия и народной промышленности; 5) ходатайство у высшего начальства о пользах родовичей². Однако на практике на них были возложены более широкие полномочия [Борисов, 2011, с. 126–127].

Исследователями было уделено значительное внимание вопросам внедрения «Устава об управлении инородцев» в Сибири, тем не менее в данной статье предпринимается попытка историко-сравнительного изучения создания степных дум в Енисейской губернии и Якутской области через призму участия и роли в данном процессе енисейского губернатора А. П. Степанова и якутского областного начальника Н. И. Мягкова.

Основная часть

Во вновь образованной Енисейской губернии степные думы стали учреждаться с 1823 г. благодаря значительным усилиям либерального чиновника, енисейского гражданского губернатора Александра Петровича Степанова, уроженца Калужской губернии, участника Отечественной войны 1812 г., который являлся близким другом Г. С. Батенькова. Губернатор подчеркивал необходимость обеспечения благополучия сибирских народов: «Добрый и мудрый наш Государь и отец есть хозяин величайшего в свете государства. Бог благословил его землями, каких не было ни у Чингисхана, ни у Батыя, ни у Кучума. Земли

сии лежат на 14 000 верст в длину и на 5 000 верст в ширину. На таковом пространстве он изъявляет милости свои всем и каждому; но чтобы распорядиться оными, нужно ведать ему состоянием народов, богом ему верных» [Мамышева, 2011, с. 29]. В этой риторике звучали и его наставления: «Чем свободнее люди действуют, тем удобнее могут приобретать для себя и выгоды, и спокойствие» [История Хакасии... 1993, с. 255–256]. Среди хакасов были образованы Качинская, Койбалская, Соединенных разнородных племен и Кызыльская думы.

Схожая история по реализации «Устава» наблюдается и в другом сибирском регионе – Якутии. Однако здесь единственная дума была учреждена лишь в 1827 г., хотя вопросы об организации поднимались еще ранее. В 1824 г. Иркутский гражданский губернатор И. Б. Цейдлер побывал в г. Якутске и составил «Записку о предположениях по управлению Якутским краем», где говорилось о «систематическом злоупотреблении чиновников и отягощении якутов». Предлагалось для этого учредить степную думу в г. Якутске, где впредь должны были производиться все раскладки [Петухова, 2007, с. 47]. Однако в 1826 г. дума так и не была учреждена, причину этого авторы находят в «сопротивлении реформам на уровне местной царской администрации в лице областного правления и земского суда», представители местных органов управления препятствовали реализации положений «Устава», ссылаясь на то, что «реформы содержат в себе не только нововведения, но и ломку старого, устоявшегося порядка вещей» [Петухова, 2007, с. 52].

Большую роль в учреждении Якутской степной думы сыграл Николай Иванович Мягков, уроженец Псковской губернии, чиновник Адмиралтейства, который был назначен начальником Якутской области в декабре 1825 г. и приступил к исполнению обязанностей в июне 1826 г. Бывший областной начальник Якутии Д. Я. Рудаков вследствие долгой болезни скончался 5 ноября 1824 г., а бывший советник Якутского областного правления А. Н. Ачкасов, который исправлял должность начальника Якутской области, в связи с возрастными характеристиками не был в состоянии продолжать службу и был уволен на заслуженный отдых.

Первым делом новый областной начальник Якутии, увидев много нарушений на местах, начинает отстранять некоторых чиновников за злоупотребления властью и, подобно енисейскому губернатору, подбирает в свое окружение соответствующих людей. Так,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 38. № 29125.

² Там же.

например, приближенными Н.И. Мягкова становятся якутский родоначальник И.Е. Мигалкин, староста Н.О. Рыкунов, чиновниками по особым поручениям назначаются Ф.П. Булатов и А.Я. Уваровский. Первый – один из братьев Булатовых, о которых упоминал В.И. Вагин, подчеркивая их успешную служебную карьеру [Вагин, 1872, с. 139]. Второй – А.Я. Уваровский, автор известных «Воспоминаний», который о возвращении в Якутию писал: «Из желания добра к якутскому народу и отметив смелую и сильную позицию нового начальника, я возвратился в Якутск» [Уваровский, 1995, с. 146]. Соратниками А.П. Степанова становятся А.К. Кузьмин, поставленный во главе Минусинского округа, А.И. Мартос, сын Н.А. Степанов и В.И. Соколовский [История Хакасии... 1993, с. 255].

Вполне очевидно, что Н.И. Мягков и А.П. Степанов действовали в духе Г.С. Батенькова, который «старался использовать свое положение для подбора чиновников в сибирские учреждения, чтобы, внедрив в управление честных людей, подкрепить законы правильным их исполнением» [Брегман, 1989, с. 28].

Н.И. Мягков в 1827 г. составил «Правила для единообразного учреждения порядка по управлению в родовых и инородных управлениях Якутского округа», которые были направлены на упорядочение административной структуры многолюдного округа. Чуть позже были введены «Дополнительные правила для единообразного учреждения по управлению в родовых и инородных управлениях Якутского округа». «Правила» и «Дополнительные правила» организовали инородческое управление, структура которого была следующая: 1) низшее – родовое управление (наследное, объединяло роды); 2) среднее – инородная управа (улусное, объединяла наслеги); 3) высшее – степная дума (окружное, объединяла улусы) [Петухова, 2007, с. 57]. Организация инородческого самоуправления отличалась от хакасского и бурятского. К примеру, по своим размерам и внутренней структуре их степные думы соответствовали якутским инородным управам. Таким образом, Якутской степной думе было подчинено огромное количество населения в сравнении с другими думами – почти 100 тыс. человек [Борисов, 2011, с. 128–129].

В отношении учреждения Якутской степной думы в документе говорилось: «На основании Устава об инородцах учредить в городе Якутске, как центре всех сношений якутов, Степную думу. Главнейший предмет в учреждении оной есть ограждение посредством оной якутов от терпи-

мых ими ныне отягощений». З.И. Петухова отмечает, что «...областное правление и казначейство могли иметь дело непосредственно с якутами, пресекая злоупотребления чиновников» [Петухова, 2007, с. 16]. Исследователь отмечает, что организация думы немного облегчила положение якутов, к тому же способствовала развитию рыночных отношений [Петухова, 2007, с. 18].

Некоторую схожесть с «Правилами» и «Дополнительными правилами» имеет «Наставление Степной думе койбальских племен» А.П. Степанова. Степные думы у хакасов были созданы по настоянию губернатора, который специально предварительно отобрал у хакасов общественные приговоры с просьбой об их учреждении. Таким образом, отмечается, что А.П. Степанов организовал степные думы среди хакасов в обход «Устава» [Мамышева, 2008, с. 29]. На практике хакасским степным думами были переданы и функции судебных органов [Борисов, 2011, с. 127].

Как предполагает А.А. Борисов, положительный опыт хакасов «придал сил» в учреждении думы и в Якутии. Здесь в реализации положений «Устава» активное участие приняли представители якутской родовой знати, которые в последующие годы и вошли в состав Якутской степной думы. Так, в 1824 г. якутские депутаты И. Мигалкин, С. Кириллин, Н. Рыкунов съездили в г. Иркутск, где представили «О законах и обыкновениях, издревле судействуемых у якутов Якутской области и округа» [Петухова, 2011, с. 43].

Следует подчеркнуть еще одно сходство сибирских администраторов – это дружелюбное отношение Н.И. Мягкова и А.П. Степанова к первым революционерам – декабристам. Мягков, как и енисейский губернатор, проявлял сочувствие к декабристам, проживающим в якутской ссылке, всячески пытался облегчить их участь [Кубалов, 1925, с. 45–47]. «Дружелюбное отношение» Мягкова к декабристам отразилось в воспоминаниях и письмах «государственных преступников» М.И. Муравьева-Апостола и А.А. Бестужева-Марлинского. Б.Г. Кубалов отмечал, что якутский областной начальник видел «...в лице сосланных государственных преступников Краснокутского, Чернышева и Бестужева образованных, талантливых и воспитанных людей, способных внести оживление в общество и придать ему особый блеск» [Кубалов, 1925, с. 51]. О доброжелательном отношении к А.П. Степанову в своих мемуарах и письмах писали П. Ф. Шаховской, С. Г. Краснокутский, С. И. Кривцов, М. И. Пущин, Б. Ф. Раевский, Михаил и Николай Бестужевы, а также жены

декабристов – Е.И. Трубецкая, Полина Анненкова. Это стало поводом многочисленных доносов как на Степанова, так и на Мягкова, подаваемых в адрес центральной власти.

В 1831 г. енисейский губернатор и якутский областной начальник прекратили свое руководство сибирскими регионами. Возможно, отношение Н.И. Мягкова к декабристам послужило одной из основных причин его отзыва в Санкт-Петербург, аналогичные предположения имеются и по вопросу об отставке А.П. Степанова. Первым покинул пост енисейский губернатор. 26 апреля 1831 г. он оставил должность енисейского губернатора. Красноярцы жалели, что губерния лишилась талантливого руководителя, в память о нем был назван один из городских переулков [Бердников, 1995, с. 28]. 11 декабря 1831 г. Мягков покинул свою должность, а в 1832 г. якутские родоначальники направили в адрес М.М. Сперанского письмо с просьбой отозвать якутского областного начальника в Якутскую область: «Предоставлял самим управлениям рассматривать и разрешать по установлениям законным и тем совершенно водворил и улучшил благосостояние и спокойствие инородцев... с открытием при том в Якутске Инородной степной думы, навел на должную цель на пользу инородцев, что послужило восстановлением прав наших... некоторым неблагомыслящим из жителей города Якутска представясь невыгодностью для них, признано ими сделанными в противность якобы законов, возродило от них величайшее на него неудовольствие; но мы смеем думать, что все таковые неблагонамеренных к нам людей происки, возведенные на господина областного начальника Мягкова, вовсе несправедливы... приняв во внимание и милостивое уважение как о справедливо чувствуемых нами благодетельных действиях господина Мягкова, довести до Высочайшего сведения, и удостоить нас о последствии сего милостивым отзывом» [Петухова, 2007, с. 188–189]. А.Я. Уваровский позже в своих воспоминаниях писал: «Годы его работы якут считал своим счастьем. Прошло 15 лет, как сменился этот господин. Но все эти долгие года якут не забыл его, до сих пор он жив в воспоминаниях якутов» [Уваровский, 1995, с. 40].

Заключение

Таким образом, возможность реализации «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в среде якутов и инородцев Енисейской губернии была достигнута благодаря стараниям местных администраторов, незаурядных личностей, людей

либеральных взглядов – якутского областного начальника Н.И. Мягкова и енисейского губернатора А.П. Степанова. Для внедрения прогрессивных идей «Устава» в социально-экономическую жизнь хакасов и якутов российское правительство уделяло особое внимание кадровой политике в отношении формирования региональной администрации. Следует подчеркнуть, что в вопросах рекрутирования и направления в сибирские регионы чиновников центральная власть руководствовалась такими критериями, как их личные и деловые качества, которые явились, на наш взгляд, одними из решающих в вопросах реализации либеральных реформ 1822 г., в частности, в организации степных дум в Сибири.

Литература

- Бердников Л.П.** Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1995. 320 с.
- Борисов А.А., Дамешек Л.М.** Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия Политология. Религиоведение. 2011. №1 (6). С. 123–135.
- Вагин В.И.** Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Е.И. Канцелярии, 1872. Т. 1. 801 с.
- Дамешек Л.М.** Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.): монография. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Оттиск, 2018. Т. 2. 416 с.
- История Хакасии** с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993. 525 с.
- Кубалов Б.Г.** Декабристы в Восточной Сибири: очерки. Иркутск: Иркут. губерн. архивбюро, 1925. 216 с.
- Мамышева Е.П.** Хакасия: от степных дум – к автономии (1822–1930 гг.). Абакан: Изд. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. 124 с.
- Петухова З.И.** Якутская степная дума. Якутск: Көмүөл, 2007. 192 с.
- Уваровский А.Я.** Воспоминания. Якутск: Якут-Саха информ. агентство, 1995. 224 с.
- Юшковский В.Д., М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков:** поиски основ сибирских преобразований // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия История. 2012. № 2 (3). С. 72–79.

References

- Berdnikov L.P.** Vsy krasnoyarskaya vlast': Ocherki istorii mestnogo upravleniya i samoupravleniya (1822–1916). Fakty, sobytiya, lyudi. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe kn. izd-vo, 1995. 320 pp.

- Borisov A.A., Dameshek L.M.** Stepnye dумы Sibiri: istoricheskij opyt samoupravleniya v imperskoj sisteme vlasti. *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 2011. № 1 (6). Pp. 123–135.
- Dameshek L.M.** Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.): monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. Irkutsk: Ottisk, 2018. T. 2. 416 pp.
- Istoriya Hakasii** s drevnejshih vremen do 1917 g. Moscow: Nauka, 1993. 525 pp.
- Kubalov B.G.** Dekabristy v Vostochnoj Sibiri: ocherki. Irkutsk: Irkut. gubern. arhivbyuro, 1925. 216 pp.
- Mamysheva E.P.** Hakasiya: ot Stepnyh dum – k avtonomii (1822–1930 gg.). Abakan: Izd. Hakasskogo gos. un-ta im. N.F. Katanova, 2008. 124 pp.
- Petuhova Z.I.** Yakutskaya Stepnaya Duma. Yakutsk: Komyel, 2007. 192 pp.
- Uvarovskij A. Ya.** Vospominaniya. Yakutsk: Yakut-Saha inform. agentstvo, 1995. 224 pp.
- Vagin V.I.** Istoricheskie svedeniya o deyatelnosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 g. Saint-Petersburg: Tip. Vtorogo otd. Sobstv. E.I. Kancelyarii, 1872. T. 1. 801 pp.
- Yushkovskij V.D.** M.M. Speranskij i G. S. Baten'kov: poiski osnov sibirskih preobrazovanij. *Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Seriya Istoriya*. 2012. № 2 (3). Pp. 72–79.

DOI 10.52782/KRIL.2022.4.36.003

УДК 94 (470)

«ОТ ПЕРМИ ДО ПЕРМИ»: ОБЗОР БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ С НОЯБРЯ 1918 г. ПО ИЮЛЬ 1919 г.

Д. В. Воронцов¹, А. А. Дыня²

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, 83, Иркутск, 664074, Россия; email: vorontsov_uu@mail.ru;

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, 83, Иркутск, 664074, Россия; email: dynyaaa@mail.ru.

Статья рассматривает общий контекст Гражданской войны на востоке России. Для исследователя определенную трудность составляет неравномерность отражения событий в источниках, пропагандистская и историографическая инерция. Ревизия введенных в научный оборот источников и поиск новых – важная научная задача. Это позволяет преодолеть навязывавшийся советской пропагандой и отчасти усвоенный в историографии тезис о предопределенности победы большевиков. 18 ноября 1918 г. в Омске адмирал А. В. Колчак был провозглашен Верховным правителем. Главной целью он объявил создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности. Взятие Перми и оставление Уфы поставили перед белыми на востоке России проблему выбора направления главных усилий на весну 1919 г. В статье рассматривается общая логика военных планов, в динамике обрисовывается организационная структура и командный состав войск, приводится обобщающее описание хода боевых действий на Восточном фронте Гражданской войны с ноября 1918 г. по июль 1919 г. В развернутом виде приводятся малоизвестные оценки участника – генерала Ф. А. Пучкова, высказанные постфактум, в 1950 г., что именно отсутствие качественного отбора управленцев, развал глубокого тыла и огромный недостаток военного снаряжения ускорили поражение фронта и стали главными причинами провала всего Белого движения, если вообще успех был возможен в борьбе бедных окраин с могущественным центром.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, Урал, Красная армия, белые войска, А. В. Колчак, Пермь, боевые действия, хронология, численность войск.

«FROM PERM TO PERM»: OVERVIEW OF THE FIGHTING ON THE EASTERN FRONT DURING THE CIVIL WAR FROM NOVEMBER 1918 TO JULY 1919

D.V. Vorontsov¹, A.A. Dynya²

¹ Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov str., Irkutsk, 664074, Russia; email: vorontsov_uu@mail.ru;

² Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov str., Irkutsk, 664074, Russia; email: dynyaaa@mail.ru.

The article examines the general context of the Civil War in eastern Russia. For the researcher, a certain difficulty is the uneven reflection of events in the sources, propaganda and historiographical inertia. The revision of the sources introduced into scientific circulation and the search for new ones is an important scientific task. This makes it possible to overcome the thesis imposed by Soviet propaganda and partly assimilated in historiography about the predestination of the victory of the Bolsheviks. On November 18, 1918, Admiral A.V. Kolchak was proclaimed the Supreme Ruler in Omsk. He declared the creation of a combat-ready army, the victory over the Bolsheviks and the establishment of legality as the main goal. With the capture of Perm and the abandonment of Ufa, the whites in the east of Russia faced the problem of choosing the direction of the main efforts for the spring of 1919. The article analyzes the general logic of military plans, outlines the organizational structure and command structure of the troops in dynamics, provides a generalizing description of the course of hostilities on the Eastern Front during the Civil War from November 1918 to July 1919. The little-known assessments of the participant-General F.A. Puchkov, expressed after the fact, in 1950, are given in a detailed form, that it was the lack of high-quality selection of managers, the collapse of the deep rear and the huge lack of military equipment that accelerated the defeat of the front and became the main reasons for the failure of the entire White Movement, if at all success was possible in the struggle of the poor suburbs with the powerful center

Keywords: Russia, Civil War, Urals, Red Army, white troops, A.V. Kolchak, Perm, military operations, chronology, number of troops.

Для анализа этапов, отдельных аспектов или иных значимых деталей Гражданской войны в России крайне необходимо учитывать и предварительно обрисовывать общий стратегический контекст. Краткий обзор стратегических усилий «колчаковской армии» (формализуя под этим термином подчиненность Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку) в течение первой половины ее существования¹ будет в дальнейшем полезен как для предметного изучения боевой работы видов (армия, флот, авиация) и родов (пехоты (стрелков, егерей), кавалерии, артиллерии) колчаковских войск, их отдельных воинских соединений, так и реконструкции стратегических условий последующего этапа – боев непосредственно в Сибири, сначала – в Западной, а затем – в Восточной.

Предметное изучение военного строительства и боевых действий Гражданской войны в России дает наглядный и поучительный фактический материал. Реконструкция исторических деталей позволяет преодолеть навязывавшийся советской пропагандой и отчасти усвоенный в историографии тезис о предопределенности и предрешенности конечной победы большевиков, убедительно показать, что каждый эпизод, каждое решение способны привести к перелому и изменить финал. Состояние историографической разработки [Новицкий, 1940; Новицкий, 1951; Эйхе, 1960 и др.] рассмотрено в одной из наших более ранних публикаций [Воронцов, 2021]. Для исследователя определенную трудность составляют неравно-

мерность отражения событий Гражданской войны в источниках, пропагандистская и историографическая инерция, лишь преодолев которые можно выйти на подлинно научные обобщения. Ревизия введенных в научный оборот источников и поиск новых – важная научная задача.

Как пример приведем острые оценки белого участника Гражданской войны на востоке России генерала Ф.А. Пучкова (командира 8-й Камской стрелковой дивизии), сделанные им спустя три десятилетия после боев с его непосредственным участием: основной пробел в изучении Гражданской войны в России – почти полное игнорирование Восточного фронта одинаково как белыми, так и красными авторами, хотя совершенно по разным причинам. Если бы история Восточного фронта была написана и изучена с той же тщательностью (что и события на Южном фронте), то историкам Гражданской войны в России пришлось бы значительно изменить свои выводы и заключения. Но Восточный фронт оказался на положении пасынка; многое существенное из его истории изучено только поверхностно или совсем не затронуто. Основная причина этого пробела – недостаток или полное отсутствие фактического материала и гибель огромного большинства ответственных работников на этом фронте. Почти все архивы правительственных учреждений и воинских штабов были захвачены большевиками или были уничтожены, спасти удалось только немногие разрозненные записи участников. Большевики предпочитали замалчивать то, что происходило за Волгой и в Сибири, ибо характер событий и состав белых армий Восточного фронта легко мог опровергнуть самую злостную пропаганду красных о белых бойцах и мотивах всего Белого движения. Ко всему этому Восточный

¹ Вторую половину позволим себе датировать августом 1919 г. – мартом 1920 г., учитывая дальнейшее самоосознание ее остатков уже как «каппелевцев», не забывая сложение 4 января 1920 г. А.В. Колчаком полномочий, но отнеся усилия белых бойцов за январь – март к волевой инерции.

фронт, в отличие от Южного, был исключительно беден культурными силами, одинаково и в армии, и в правительственном аппарате, и в местной прессе. К тому же сам размах Белого движения, поднятого одновременно на огромном пространстве, затруднял точность и полноту хроники событий. Между тем опыт Восточного фронта заслуживал своевременной и полной записи происходящего и внимательного изучения¹.

Современные российские исследователи достигли явных успехов в исследовании операций Гражданской войны [Гагкуев, 2007; Кручинин, 2007; Новиков, 2018 и др.]. С максимальной детальностью определены обстоятельства многих сражений и боев. Например, крупный военный историк А. В. Ганин комплексно рассматривает действия колчаковских войск весной 1919 г. и выявляет факторы, обусловившие успех контрнаступления красных на Восточном фронте [Ганин, 2018].

18 ноября 1918 г. в Омске в результате военного переворота Директория была свергнута, а занимавший в ней пост военного министра адмирал А. В. Колчак был провозглашен Верховным правителем. Своей главной целью он объявил создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности. Эсеровская часть Директории была арестована, а затем выслана за границу. Последующие дни Колчак руководил подготовкой «Пермской операции», намеченной еще 9–10 ноября 1918 г., когда он в качестве военного министра посетил Екатеринбург – штаб одноименной группы белых численностью около 40 000 бойцов во главе с Р. И. Гайдой. Общий замысел был в следующем: наступлением через Пермь на Вологду и Котлас соединиться с архангельской группой белых войск.

Советское правительство, организовав вытеснение летом – осенью 1918 г. белых от Волги к Уралу, успокоилось за судьбу Восточного фронта, ранее представлявшего смертельную опасность большевистскому режиму, и основное внимание переключило на Южный фронт, на операции в междуречье Дона и Волги.

На Урале действовала 3-я армия красных под командованием М. И. Лашевича, насчитывавшая около 24 тыс. штыков и сабель. Удар по левому флангу этой армии у станции Кушва к концу ноября был нанесен Екатеринбургской группой. 28 ноября 1918 г. «Отряд сибирских правитель-

ственных войск генерала Вержбицкого» тремя колоннами начал наступление. 30 ноября к боевым действиям приступил 1-й Средне-Сибирский корпус, атаковавший противника двумя группами и двумя отрядами. Ко 2 декабря Кушвинский район был полностью очищен от красных. В ходе последующих ожесточенных боев менее чем через месяц, 24–25 декабря, Пермь перешла в руки белых. В городе и окрестностях было захвачено 21 000 пленных и большие военные трофеи: 60 орудий, 100 пулеметов, два бронепоезда, 297 паровозов, 4 000 вагонов различного имущества, а также зимовавшие на Каме пароходы и баржи.

Практически одновременно на южном участке Восточного фронта 31 декабря 1918 г. 5-я красная армия овладела Уфой. Иначе говоря, успех «восточных» белых на севере нейтрализовался поражением на юге. В стратегическом отношении Уфа была важнее Перми: ее оставление белыми позволяло красным развернуть успешное наступление на Оренбург и занять его 22 января 1919 г. С другой стороны, военные заводы в Перми и ее пригороде Мотовилихе стали первыми военными предприятиями, оказавшимися под контролем колчаковской власти, а их значение для снабжения белых войск трудно переоценить.

Со взятием Перми и оставлением Уфы перед белыми на востоке России встала проблема выбора направления главных усилий на весну 1919 г. Развивать ли успех Гайды под Пермью и наступать на рубеж Казань – Вятка – Котлас, пробиваясь на соединение с войсками Е. К. Миллера? Или же, отбив Уфу, двигаться к Самаре, Саратову, Царицыну, навстречу белым на юге? Постфактум, уже после Гражданской войны, представители эмигрантской историографии развернуто подчеркивали преимущества южного варианта, отмечая важность создания общего фронта с Деникиным, освобождения от красных Оренбургской и Уральской (казацких) областей и смежных территорий с антибольшевистски настроенным населением, захвата зерновых районов и т. д. [Ганин, 2008, с. 66]. Если учесть, что из центра России через Урал в Сибирь вели три железные дороги (одна шла через Вятку, Глазов, Пермь в Екатеринбург, вторая – от Казани через Сарапул также в Екатеринбург, третья проходила через Симбирск и Самару, затем две ветки соединялись на станции Чишмы, откуда путь продолжался на Уфу и Челябинск), то белым приходилось разделять силы даже не на два, а на три основных направления, если и не для наступления, то для отражения красных контрударов. Маневренный

¹ Пучков Ф. Забытый фронт // Русская жизнь. 1950. 25 ноября.

характер Гражданской войны вынуждал противников концентрировать силы и планировать действия именно вдоль железнодорожных магистралей. Недаром штабы 3-й, 2-й и 5-й красных армий в начале 1919 г. располагались в Глазове, Сарапуле и Уфе [Новиков, 2018, с. 35].

Начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего, располагавшейся в Омске, был генерал Д. А. Лебедев, 36-летний офицер, выпускник 1911 г. Академии Генерального штаба. 30 сентября 1915 г. он, как старший адъютант штаба 24-го армейского корпуса, действовавшего в составе 3-й армии, был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Награда была дана ему за то, что в бою 22 апреля 1915 г. у Змигорода (ныне Жмигруд в Южной Польше), получив от командира корпуса К. Г. Некрасова приказание подчинить себе все части, расположенные в районе Змигорода, в высшей степени искусно использовал слабые силы заслона, надолго задержал наступление значительных сил германцев, благодаря чему части корпуса успели отойти. Летом – осенью 1917 г. Лебедев был в числе ближайших соратников Л. Г. Корнилова, которым затем и был послан в Сибирь. Таким образом, за плечами начальника штаба Ставки был существенный опыт военного командования, политической борьбы и антибольшевистского подполья.

С января 1919 г. Колчак разграничил полномочия. Действующую армию и резервы в ближайшем тылу подчинили начальнику штаба Верховного главнокомандующего Лебедеву. Войска в «дальнем» тылу, восточнее р. Тобол, были переданы в ведение нового военного министра, генерала Н. А. Степанова.

Произошла и реорганизация всех вооруженных сил на востоке России. У Омского правительства появилось три отдельные армии, действовавшие на фронте протяженностью около 1 400 км. Первая – Сибирская армия, в которую вошла Екатеринбургская группа во главе с Р. И. Гайдой. Вторая, Западная армия, созданная из Камской и Самарской групп бывшей Народной армии Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), была возглавлена генералом М. В. Ханжиным. 24 апреля 1919 г. в составе этой армии была сформирована Южная группа под началом генерал-майора П. А. Белова. Южнее группы Белова находилась Отдельная Оренбургская армия (командующий А. И. Дутов), а юго-западнее ее – Отдельная Уральская армия (командующие Н. А. Савельев, В. С. Толстов).

11 февраля 1919 г. А. В. Колчак провел в Челябинске совещание с участием командующих

отдельных армии (Сибирской, Западной и Оренбургской) Гайды, Ханжина и Дутова и начальников их штабов. На нем обсуждалось весеннее генеральное наступление, предполагалось начать его в апреле и главный удар направить против 5-й армии красных в районе Уфы.

Как нами уже отмечалось, в начале 1919 г. командование Красной армии основное внимание сосредоточило на наступлении на Дону и Украине, считая Восточный фронт второстепенным. У красных на востоке были сильные фланговые группировки – на северном участке 53-тысячной армии Гайды противостояли две армии красных, которые насчитывали около 50 000 человек; на южном – три армии из 36 000 бойцов теснили далеко на восток армию Дутова (около 14 тысяч человек), вынудив ее 21 января оставить Оренбург, а 27 февраля – Орск.

На севере красные остановили и так медленное наступление Сибирской армии на Глазов: здесь шли ожесточенные бои, когда некоторые населенные пункты многократно переходили из рук в руки. Сами красные попытались прорваться на Кунгур, стремясь отрезать выдвинувшиеся за Пермь соединения белых, но смогли продвинуться всего на 20–40 верст.

В центре Восточного фронта 5-я армия в 11 000 бойцов занимала позиции против Западной армии численностью до 40 000 человек.

Всего же к концу 1918 г. войска Колчака насчитывали около 200 000 человек. Большинство составляла молодежь 1898–1899 гг. рождения, мобилизованная указом еще Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. Остальные – казаки и добровольцы. Однако из всех имевшихся сил на фронте против Красной армии действовало около половины. Формирование частей затруднялось хронической нехваткой простейшего вооружения и обмундирования.

Развивая сюжет про комплектование, уместно вернуться к свидетельству Ф. А. Пучкова: «На востоке было много отличного от юга России: самое возникновение движения и зачастую его мотивы, состав широких слоев участников и его возглавление. На юге движение было начато старшим командным составом старой армии и первое время питалось почти исключительно офицерством и городской молодежью, деревня держалась в стороне, рабочие в лучшем случае были нейтральны, и даже рядовое казачество долгое время оставалось в нерешительности.

За Волгой и в Сибири освободительное движение почти повсюду началось снизу. Вне казачьих областей основой движения было крестьянство,

хозяйственно крепкое и в огромном большинстве никогда не знавшее крепостного права, в частности, в Прикамском районе, в Вятской и Пермской губерниях бывших крепостных было не более 3%. В Сибири опорой восстания стали старо-селы, и большевики могли рассчитывать только на недавних переселенцев, анархически настроенных и еще не изживших принесенный ими из центра России яд крепостничества.

В начальный период борьбы на Восточном фронте наибольший удар – и моральный, и физический – большевики получили от стихийного восстания рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Поддержанные крестьянами окрестных сел, мятежные заводы выставили до 40 000 бойцов, храбро дравшихся и продержавшихся самостоятельно свыше двух месяцев...

Однако главной опорой Белого движения на Востоке стало крестьянство. В обширном земельном районе между р. Камой и Уралом восстания и ожесточенные бои с красными начались еще до чешского выступления. Подобная ситуация сложилась и во многих районах Сибири. Вначале крестьянские формирования носили вид чисто местной охраны, но позднее большинство их охотно влилось в регулярные части молодой белой армии. Выступление чехов дало в руки восставших железнодорожную магистраль, что позволило объединить все движение.

Из среды крестьян белая армия получила первых и самых надежных добровольцев. Они ответили охотно и дружно на первые частные мобилизации, а позднее и на общую. В Сибири первая мобилизация дала до 200 тыс. надежных бойцов. В четырех восточных уездах Уфимской губернии в течение восьми месяцев был собран рядовой состав одного из лучших корпусов белой армии. Здесь удавалось успешно мобилизовать в ряды даже в районах, занятых большевиками, причем крестьянская молодежь сотнями являлась на сборные пункты, проходя через красный фронт. Тесное взаимодействие и полное взаимное доверие между деревней и молодыми воинскими частями, родившееся в первые дни борьбы с красными, сохранилось до самого отхода белых армий за Урал. Картина эта, однако, менялась к худшему в районах, ближайших к Волге: мобилизация, объявленная здесь Самарским Комучем, определенно не удалась.

Начало движения в казачьих областях, особенно в Оренбургском, носило в значительной мере такой же "низовый" характер. Во главе восставших станиц в большинстве оказался младший командный состав или просто рядовые

казаки, и только позднее объединенные действия восставших округов перешли в руки старшего командного состава.

Первые формирования белых бойцов на Восточном фронте больше, чем где-либо, напоминали всенародное ополчение. Во главе их стояли почти исключительно местные люди, представители местной сельской интеллигенции. В отрядах, собранных по р. Каме, только один из ста офицеров был кадровым. Характер этот сохранился в значительной мере и в регулярных частях: в молодой белой армии офицеры военного времени зачастую командовали отдельными частями.

"Демократизация" армии шла и выше. Когда в начале 1919 г. на Среднем Урале развернулась 3-я армия в составе трех корпусов, во всех ее штабах оказалось четыре офицера Генерального штаба, вместо положенных 30-ти – 35-ти...

В своей пропаганде большевики не любят оперировать Восточным фронтом. Огромное движение против "рабоче-крестьянской" власти было поднято именно крестьянами и рабочими, при почти полном отсутствии "специальных" интересов и помещиков, мечтавших о реставрации и возврате ограбленного достояния...

Земская Русь взялась за оружие, защищая свой участок земли, свой дом, семью и вековой быт, свою церковь и мечеть. Одновременно она выразила горячий протест против насилия и грубого вмешательства красных во всю местную жизнь. Крестьянство "либеральных" губерний – Пермской и Вятской – привыкло само вести свои дела, принимая широкое участие в работе земства; казачество всегда жило своим внутренним строем; хозяйственная жизнь Сибири развивалась широко без всякого вмешательства извне...

Мусульманское население Приуралья почти полностью пошло за Белым движением, защищая свой быт и свою веру. В татарских и башкирских деревнях первые организованные отряды белой армии наблюдали любопытные картины: население само судило и наказывало захваченных большевиков, сообразно с характером их преступлений. Среди обвинений, своеобразно формулированных, были представлены все нарушения законов, охранявших семью, религию и частную собственность. Наибольшей каре подвергалась категория преступников, именовавшихся "большие женские большевики"...»¹.

В течение 1919 г. объявленные правительством Колчака призывы удвоили численность

¹ Пучков Ф. Забытый фронт. Русская жизнь. 1950. 25 ноября.

вооруженных сил, доведя ее до 400 000 человек. Так, 4 марта был объявлен призыв городского мужского населения 18–35 лет с образованием не меньше 4 классов, 8 апреля – молодежи, родившейся в 1897 г., в 1900 г. и в январе – марте 1901 г., 8 июля – мобилизованы родившиеся в апреле – декабре 1901 г., 9 августа – все горожане 18–43 лет. Следует отметить, что, несмотря на количественный рост личного состава, на фронте в разные месяцы 1919 г. удалось задействовать от трети до половины в связи с проблемами снабжения, с нарастающим партизанским движением в тылу и дезертирством.

При этом, несмотря на обещанную поддержку и возросший размах иностранной интервенции, войска Колчака сражались против регулярной Красной армии практически в одиночку, без прямой помощи союзников и чехословаков. Исключение составляли две кратковременно действовавшие боевых части: английская бригада и французское подразделение. Чехословаки на фронт так и не вернулись, но взяли на себя охранную службу в тылу. Они были союзниками антибольшевистских («белых») русских сил, но стремились прежде всего живыми вернуться домой, в Чехословакию. Г.К. Гинс подчеркивал в 1921 г.: «Роковая затяжка Гражданской войны произошла из-за оставления чехами фронта в период, когда силы красных легко могли быть сломлены. Развал тыла в немалой степени обязан пассивности интервентов в отношении к внутренним большевикам...» [Гинс, 1921, с. 587–588]. Схожие оценки давал и генерал К.В. Сахаров, публиковавшийся с 1923 г. [Сахаров, 1923].

В течение февраля 1919 г. на Урале ни красные, ни белые масштабных действий не предпринимали. Пожалуй, единственное исключение – осада с 20 февраля левофланговыми частями Сибирской армии белых г. Оса, на левом, восточном берегу Камы. Обе стороны активно готовились к весеннему наступлению. Командование красных директивой от 21 февраля планировало 5 марта развернуть силами 1-й армии наступление от Орска на Верхнеуральск и Троицк, 5-й армии – от Уфы на Челябинск, а войсками 3-й и 2-й армии – от Осы и Оханска через Пермь на Екатеринбург [Новицкий, 1951, с. 36].

Сибирская армия, упредив противника, атаковала 4 марта. Форсировав замерзшую Каму, белые заняли уездные города Оханск (7 марта) и Оса (8 марта). Боевые колонны двинулись к станциям Кузьма и Кез, угрозой окружения вынудив красных отходить к Глазову. За неделю

боев белые продвинулись на 80–90 км. 1 апреля 1919 г. 2-я красная армия начала отход за Каму. В ходе дальнейшего наступления 8–13 апреля левофланговые части Сибирской армии последовательно заняли Воткинский завод, Сарапул, Ижевский завод, пленив до 5000 красных. Южная группа Сибирской армии пробивалась к Елабуге и Мамадышу, к Казанской губернии...

21 марта у д. Усть-Кожва в среднем течении Печоры произошла встреча роты 25-го Сибирского Тобольского стрелкового полка с ротой Мезенско-Печорского района Архангельского белого правительства [Таскаев, 1997, с. 78]. Событие имело исключительно символическое значение, поскольку произошло почти в 1000 км от железной дороги Глазов – Пермь, вдоль которой или южнее развернулись основные сражения.

5 марта под Уфой соединения 5-й красной армии, как и планировали, атаковали белую Западную армию, которая сама уже приготовилась к наступлению. Во встречных боях перевес оказался на стороне белых, а внезапный удар, нанесенный 6 марта в левый фланг красных, вынудил их к поспешному отходу. Под натиском частей Западной армии 8 марта пал Бирск, 13 марта – Уфа, 14 марта – стратегически важная станция Чишмы. Основные силы красных были отеснены от железной дороги к югу, что вынудило проводить опасные фланговые марши для возвращения на магистраль.

22 марта белые разъезды захватили Мензелинск, но 27 марта их выбили прибывшие части 2-й Красной армии. Однако 5 апреля белые снова заняли этот уездный город. В тот же день белые овладели уездными Стерлитамаком и 6 апреля Белебеем¹, а затем и восточными (Бугульминский и Бугурусланский) уездами Самарской губернии. К середине апреля красных отеснили на ближайшие подступы к Оренбургу, белые планировали его быстрый штурм, который так и не состоялся. Оренбуржцы заняли Орск и Актюбинск, перерезав Оренбург-Ташкентскую железную дорогу. Уральцы захватили Лбищенск, взяли в осаду Уральск и организовали рейды на север, на Волгу.

В 20-х числах апреля части Западной армии заняли южный берег Камы, едва не доходя до ее впадения в Волгу, при этом у Набережных Челнов было захвачено до 20 пароходов и полусотни барж. 26 апреля белыми были заняты Чистополь и Сергеевск, последнее позволило двинуться на

¹ Это ознаменовало занятие колчаковскими войсками всей территории Уфимской губернии.

станцию Кротовка, где находился штаб 5-й Красной армии.

В белом лагере весеннее наступление колчаковских армий пафосно именовали «Полет к Волге». Спустя полгода, в октябре 1919 г., сам А. В. Колчак письменно подчеркивал, что начало конца власти большевиков положено все-таки им. Весеннее наступление, начатое в самых тяжелых условиях и с огромным риском, явилось первым ударом по Советской республике, давшим возможность Деникину оправиться и начать в свою очередь разгром большевиков на юге. За март – апрель 1919 г. войска Колчака с боями заняли огромную территорию в 300 000 кв. км с обширными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами, с населением более пяти миллионов человек, что в 1,5 раза увеличило численность россиян под управлением колчаковского правительства.

Противники отчетливо осознали, что исход борьбы между белой и Красной армиями решается на пространстве от р. Камы до оренбургских степей. Но в планы воюющих сторон свои коррективы внесли погодные условия, к середине апреля наступила распутица. Кроме того, началось быстрое вскрытие рек, ранее легко переходимых по льду. Дружно разлились все, даже небольшие ручейки, а ранее накатанные твердые проселочные дороги превратились в непролазную грязь. Задерживались обозы с боеприпасами, летним обмундированием, сапогами, крайне необходимыми на смену в «Полете к Волге» изношенным валенкам. Запаздывали еще непривычные к пешим переходам роты пополнения, нарушалась связь между штабами – наступление замедлилось, а кое-где и прекратилось совсем.

Наступившую южнее Камы распутицу приходилось учитывать и наступающим по всем направлениям белым, и планирующим контрудары красным. Центральный комитет большевиков 7 апреля объявил Восточный фронт главным, решающим. «Все на Колчака!» – гласил лозунг советского правительства в эти дни. 10 апреля красные войска Восточного фронта разделились на две группы: Северную и Южную. Первую под началом В. И. Шорина составили 2-я и 3-я армии, вторую во главе с М. И. Фрунзе – Туркестанская, 1-я, 4-я и 5-я.

Одновременно красное командование приступило к срочному усилению центра Восточного фронта, отзывая для него значительные силы с правого (южного) фланга, из-под Уральска и Оренбурга, а также выделив дополнительные резервы из центра России. Было изменено коман-

дование 5-й армии, новым командующим был назначен М. Н. Тухачевский.

По подходящим к Волге белым частям Западной армии Южная группа красных подготовила сильнейший контрудар из района Бузулука на север, на Бугуруслан и далее на Бугульму, рассчитывая отрезать от Уфы главные силы противника. Преимуществом красных являлся контроль над железной дорогой Оренбург – Бузулук – Самара, позволявшей быстро маневрировать силами.

Белые были утомлены двухмесячным наступлением, в ходе которого части Западной армии оказались разбросаны на фронте в 450 км. Действия их соединений перестали быть согласованными, часть недавно призванных бойцов не отличалась ни боевым духом, ни лояльностью, готовая в случае малейших неудач перейти на сторону красных.

Роковыми для войск Колчака оказались два события: 26 апреля на р. Салмыш, севернее Оренбурга, и 1 мая у д. Кузьминовское, южнее станции Сарай-Гир. 21 апреля части 4-го Оренбургского армейского корпуса генерал-майора А. С. Бакича начали переправу через р. Салмыш в 40 км севернее Оренбурга. Из-за нехватки паромов и контратак красных форсирование проходило очень медленно и не было закончено. Переправившиеся же части белых были атакованы полками 20-й, 24-й и 31-й стрелковых дивизий красных, развернувшими встречные бои в юго-западном направлении. 26 апреля красным удалось сбросить белых в Салмыш, захватив до 1 500 пленных, 3 орудия, 20 пулеметов, обозы с боеприпасами.

Это поражение отвлекло внимание белого командования от Бузулука, где красные изготовились к главному контрудару. Стабилизация положения под Оренбургом позволила Фрунзе привлечь отсюда дополнительные силы и 28 апреля 1919 г. начать контрнаступление Южной группы. Поначалу белые упорно отражали атаки, но полностью остановить противника не смогли.

Вечером 1 мая восстал только что прибывший на фронт из резерва Украинский курень (полк) имени Тараса Шевченко (1 100 человек). В Челябинске, где (из проживавших в Сибири украинцев) формировалась эта часть, солдаты полка были тайно распропагандированы коммунистами и анархистами. В мятеж на фронте удалось вовлечь и отдельные роты 41-го Уральского и 46-го Исетского стрелковых полков [Кручинин, 2018, с. 6]. Перебив офицеров, около 3 000 солдат с оружием, обозами и захваченной артиллерией ушли к красным. Эта измена деморализовала соседние части, начался их беспорядочный отход.

События 1 мая под Сарай-Гиром многие белые генералы называли первопричиной поражения на Восточном фронте.

1 мая части Западной армии отошли к Бугу-руслану, а 4 мая оставили его. Становилось ясно, что силами, имеющимися на данный момент в армии Ханжина, противника, рвущегося к Уфе, не остановить. Не получавшая пополнения чуть ли не с начала весеннего наступления, она была измотана и истощена. В связи с этими обстоятельствами белые сочли единственным выходом срочную отправку на фронт резервного Волжского корпуса генерала В. О. Каппеля.

Мартовские успехи на фронте и реплики командования убедили неоднородный личный состав резервных частей, что им (не ранее июня) предстоит участвовать в развитии успеха на непосредственных подступах к Москве, где окончательно следовало разгромить красных [Симонов, 2015, с. 79]. Однако реальность оказалась разочаровывающей, крах иллюзий, наряду с переходами к красным соседних частей, негативно отразился на боеспособности 1-го Волжского корпуса.

Согласно директиве начальника штаба Верховного главнокомандующего, со 2 мая 1919 г. 1-й Волжский армейский корпус (1199 офицеров, 167 военных чиновников, 23 027 солдат при 172 пулеметах и 46 орудиях) был включен в состав Западной армии. Началась перевозка по железной дороге в район Белебея, причем в авангарде была отправлена 3-я Симбирская стрелковая дивизия, имевшая наибольшую долю бывших красноармейцев. 6–8 мая она выгрузилась юго-западнее Белебея на станции Приютово, получив задачу подготовить контрудар в помощь отходящей 12-й Уральской дивизии. 10–11 мая наступающие красные вышли к позициям симбирцев, а 11 мая у д. Чегодаево (Троицкое) 10-й Бугульминский стрелковый полк практически целиком перешел к красным. Белым пришлось отменить контрудар и начать отход к станции Шафраново. Остальные части Волжского корпуса вынуждены были выгружаться поэшелонно в непосредственной близости от противника, зачастую под сильным ружейным и пулеметным огнем.

Вступившая в бой 13-я Казанская стрелковая дивизия получила задачу оборонять Белебей. Авангард соединения в бою 12 мая у станции Абдулино поддержали два бронепоезда и Уфимский гусарский полк. Красные атаковали двумя стрелковыми (из 24-й дивизии) и одной кавалерийской бригадами. В 50-м Арском стрелковом полку полковника Н. П. Сахарова одна рота пере-

шла на сторону противника. Вечером 13 мая Верховный правитель А. В. Колчак прибыл на станцию Аксаково и наблюдал за выгрузкой частей 13-й Казанской дивизии. Ему доложили об измене 10-го Бугульминского полка, что произвело на адмирала очень тяжелое впечатление [Новиков, 2022, с. 293].

16 мая белые войска начали отходить к Уфе. Таким образом, «Волжский корпус, на создание которого было потрачено столько сил и энергии, в короткое время хотя и не был совсем уничтожен, но был сильно потрепан и уже не представлял той грозной силы, какой мог бы быть, если бы все было проведено планомерно... После больших усилий Каппель собрал измотанные и полууничтоженные части Волжского корпуса на реке Белой» [Вырыпаев, 2007, с. 301].

Несмотря на тяжелое поражение белых на Самарском направлении, на севере наступление продолжалось. Так, на Симбирском направлении Западную армию отделял от Волги суточный переход. Сибирская армия на правом берегу Камы захватила г. Елабугу и отбросила красных за р. Вятку. 14 мая белым даже удалось на время переправиться на ее правый берег. Но 25 мая 2-я армия красных перешла в наступление в направлении Елабуги и Сарапулы. Последним успехом Сибирской армии на севере стало взятие 2 июня и удержание до 13 июня Глазова – на пути от Перми к Вятке.

К концу мая развернули наступление по двум направлениям: вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги и в разрыв между Западной и Сибирской армиями. Несогласованные действия привели к тому, что когда Западная армия уже отступала по всему фронту, Сибирская развивала наступление. Когда наступательный резерв последней закончился, армия оказалась сначала в изоляции, а затем спешно бросилась догонять Западную армию, ушедшую далеко на восток.

В результате фронт был прорван, противник наседал на части Западной армии. Упорный характер носила оборона г. Стерлитамака и рубежа р. Белой. Оборону вел правый фланг Южной армии, успешно отражая атаки красных и даже на некоторых участках переходя в наступление. Но 23 мая под ударами красных белые части оставили город и ушли на другой берег реки. Уральские казаки, напротив, активно наступали, в первой половине мая перерезав все дороги из Бузулука в Уральск и разбив ряд красных частей. К 30 мая белые разъезды достигли той самой станции Кротовка, что в 67 км восточнее Самары.

Такие успехи месяцем ранее означали бы окружение трех красных армий, теперь же было слишком поздно.

Красные активно продолжили наступление через коридор, образовавшийся между двумя армиями – Сибирской и Западной. 7 июня они заняли Ижевский завод, 11 июня – Воткинский. Чтобы остановить наступление красных, Колчак решил объединить усилия обеих армий, для чего Западную армию передал в оперативное управление генералу Гайде. Гайда издал приказ, в котором в грубой форме обвинил в незнании военного дела и в причинах поражения все командование во главе с Ханжиным. Следом за приказом на имя Колчака поступили рапорты оскорбленных офицеров.

20 июня Р. Гайда был вызван в Омск, где во время разговора с адмиралом открыто заявил, что он не может оставаться на службе в армии Колчака, так как не согласен с распоряжениями Ставки и лично генерала Дитерихса. В этот же день генерал Гайда был уволен, временно командование Сибирской армией перешло к начальнику ее штаба генералу Б.П. Богословскому. Обиженный Гайда пожелал вернуться в Чехословакию.

Должность главнокомандующего Восточным фронтом занял генерал-лейтенант М. К. Дитерихс (при сохранении за Колчаком полномочий Верховного главнокомандующего). Командующим Западной армией был назначен генерал-майор К.В. Сахаров. 21 июня части 2-й красной армии при поддержке Волжской флотилии форсировали Каму под г. Оса и двинулись на Кунгур.

К 23 июня рубеж расположения колчаковских войск проходил на подступах к Уральску, Бузулуку и Оренбургу, далее через Стерлитамак, станцию Аша (между Уфой и Златоустом), Осу, Оханск и несколько западнее Перми.

После долгих споров и обсуждений по инициативе Дитерихса была разработана стратегия отступления, глубокого отхода. Оставшиеся на фронте арьергардные части должны были планомерно сдерживать противника. Часть соединений выводилась с передовой для отдыха, приведения в порядок и пополнения.

Один за другим последовали указы Верховного правителя: сначала о мобилизации беженцев в возрасте от 18 до 37 лет, затем – о призыве на военную службу мужчин городского населения от 18 до 43 лет на территории Омского и Иркутского военных округов. В начале сентября было объявлено о мобилизации деревенской интеллигенции и буржуазии. Попутно с этим омская власть энергично мобилизовала сибирское каза-

чество, используя авторитет войскового атамана генерала Иванова-Ринова.

Таким образом, несмотря на сопротивление населения Сибири, не желающего воевать, властям удалось создать новые части и новые соединения: в районе городов Ишима и Тобольска – две бригады и два отряда из беженцев прифронтовой полосы, в Омске – три стрелковые дивизии, на территории Семипалатинского, Петропавловского и Кокчетавского уездов – 15 казачьих полков.

Отступление всех трех армий вполне укладывалось в намеченный срок, кое-где они даже пытались задержать противника, правда, ненадолго. 1 июля Сибирская армия оставила Пермь, 13 июля Западная армия покинула Златоуст. Медленнее всех пока отступала Южная армия. Сибирская армия начала быстро терять боеспособность, 14 июля сдала Екатеринбург. Тем самым обнажился правый фланг Западной армии, и Ставке вновь срочно пришлось проводить реорганизацию. Приказом от 22 июля две армии, отступившие в Сибирь, преобразовались в три неотдельные армии, образовавшие Восточный фронт белых. Сибирская армия разделилась на две армии: 1-ю под командованием генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева и 2-ю во главе с генерал-лейтенантом Н.А. Лохвицким. Западная армия стала называться 3-й армией под командованием генерал-майора К.В. Сахарова.

Колчак поддержал предложение генералов Сахарова и Лебедева дать большое сражение под Челябинском. Предполагалось «заманить» в город 5-ю армию Тухачевского, затем окружить ее и уничтожить. Дитерихс был категорически против, но обстоятельства заставили его на время покинуть штаб Верховного главнокомандующего, чтобы проследить за процессом отступления 1-й и 2-й армий. Воспользовавшись этим, Лебедев и Сахаров смогли убедить адмирала начать операцию, в которой участие приняли 3-я армия и Южная армия Белова.

Приведем слова самого Колчака, сказанные 25 июля: «Генерал Дитерихс был... за отход без боя от Челябинска, но я приказал дать бой. Это – риск, в случае неудачи мы потеряем армию и имущество. Но без боев армия все равно будет потеряна из-за разложения. Я решил встряхнуть армию...» [Зырянов, 2006, с. 508].

Таким образом, 24 июля белые сдали Челябинск, но плохо подготовились к временной сдаче города. Вначале удачное (25 июля) наступление Уфимской группы генерал-майора С.Н. Войцеховского не получило помощи с севера от Уральской

группы генерал-майора В.Д. Космина, отступавшей под натиском красных. Волжская группа генерал-майора В.О. Каппеля не смогла обойти город с юга, также натолкнувшись на сопротивление. 29 июля красные возобновили наступление. 3-я армия с большими потерями откатывалась в Зауралье, к Ишиму и Тоболу, части, оставшиеся в окружении, попали в плен. 4 августа красные взяли Троицк, и связь с Омском утратила Южная армия генерал-майора П. А. Белова.

Снятие советским правительством с Восточного фронта части войск и переброска их на Южный и Петроградский фронты, а также срочные меры Омской Ставки и военного министерства позволили предотвратить крах белых в начале августа 1919 г.

Новые изменения в Ставке начались с увольнения Лебедева с должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. С 12 августа военным министром становится генерал-лейтенант А.П. Будберг, на должность начальника штаба ждали приезда крупного военного теоретика, генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Ставка как командная инстанция была упразднена, армии получили статус «неотдельных». Все заботы и обязанности по снабжению войск переходили ко вновь организованному штабу командующего Восточным фронтом.

Таким образом, проведенное исследование позволяет проверить гипотезу Ф.А. Пучкова о том, что отсутствие качественного отбора, развал тыла и огромный недостаток (обусловленный противостоянием сельскохозяйственной сибирской окраины с промышленным центром России) многих элементов военного снаряжения ускорили поражение белых на Восточном фронте.

Литература

- Воронцов Д.В.** Эволюция советской историографии Гражданской войны (на материалах востока России) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 245–254.
- Вырыпаев В.О.** Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М.: НП «Посев», 2007. С. 221–336.
- Гагкуев Р.Г.** Генерал Каппель // Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М.: НП «Посев», 2007. С. 12–127.
- Ганин А.В.** Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. №3. С. 63–74.
- Ганин А.В.** Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Изд-во «Пятый Рим», 2018. С. 251–308.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. 606 с.

Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия, 2006. 635 с.

Кручинин А.М. 12-я Уральская стрелковая дивизия в борьбе на востоке России. 1918–1920 гг. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2012. №20. С. 5–26.

Новиков П.А. Боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии белых войск // Вестник гуманитарного образования, Вятка. 2018. №2. С. 31–38.

Новиков П.А. «Храбрый из храбрых»: самый молодой колчаковский генерал: генерал-майор Н.П. Сахаров // Добровольцы: сб / сост., прим. Р.Г. Гагкуев, В.Ж. Цветков; предисл. В.Ж. Цветков. М.: НП «Посев», Информационное агентство «Белые воины», 2022. С. 279–302.

Новицкий Ф.Ф. Контрнаступление Фрунзе на Восточном фронте // Михаил Васильевич Фрунзе. Полководческая деятельность: сб. ст. М.: Воен. изд-во, 1951. С. 29–68.

Новицкий Ф. Контрудар по Колчаку (1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 10. С. 29–55.

Сахаров К.В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918–1920). Мюнхен, 1923. 325 с.

Симонов Д.Г. К истории формирования 1-го Волжского армейского корпуса генерала В.О. Каппеля // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Вып. 6. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 68–82.

Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957. 368 с.

Таскаев М.В. Печорский фронт в 1919 году // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. №4. С. 74–98.

Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март – апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М.: Воениздат, 1960. 295 с.

References

- Eiche H. Ch.** Ufimskaya avantyura Kolchaka (mart – april' 1919 g.). Pochemu Kolchaku ne udalos prorravatsya na soedinenie k Volge na soedinenie s Denikinym. M.: Voenizdat, 1960. 295 pp.
- Gagkuev R. G.** General Kappel. In: Kappel i kappelevtsy. 2-e izd., ispr. i dop. M.: NP «Posev», 2007. Pp. 12–127.
- Ganin A. V.** Vrazdrob ili pochemu Kolchak ne doshel do Volgi? *Rodina*. 2008. №3. Pp. 63–74.
- Ganin A. V.** Sem «pochemu» rossiiskoi Grazhdanskoi voyny. M.: Izd-vo «Pyatyi Rim», 2018. Pp. 251–308.
- Gins G. K.** Sibir, soyuzniki i Kolchak. Povоротnyi moment russkoi istorii. 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva). Pekin, 1921. 606 pp.

- Kruchinin A.M.** 12-ya Uralskaya strelkovaya diviziya v borbe na vostokey Rossii. 1918–1920 gg. *Belaya armiya. Beloe delo*. Ekaterinburg. 2012. № 20. Pp. 5–26.
- Novikov P.A.** Boevoi put' 3-i Irkutskoi Sibirskoi strelkovoi divizii belykh voisk. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, Vyatka. 2018. № 2. Pp. 31–38.
- Novikov P.A.** «Khrabreishii iz khrabrykh»: samyi molodoi kolchakovskii general: general-maior N.P. Sakharov. In: *Dobrovoltsy: sb / sost., prim. R.G. Gagkuev, V.Zh. Tsvetkov; predisl. V.Zh. Tsvetkov*. M.: NP «Posev», Informatsionnoe agentstvo «Belye voyny», 2022. Pp. 279–302.
- Novitskii F.F.** Kontrnastuplenie Frunze na Vostochnom fronte. In: *Mikhail Vasilevich Frunze. Polkovodcheskaya deyatelnost': Sb. st. M.: Voennoe izdatelstvo*, 1951. Pp. 29–68.
- Novitskii F.** Kontrudar po Kolchaku (1919 g.). *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 1940. № 10. Pp. 29–55.
- Sakharov K.V.** Belaya Sibir' (Vnutrennyaya voyna 1918–1920). Myunkhen, 1923. 325 pp.
- Simonov D.G.** K istorii formirovaniya 1-go Volzhskogo armeiskogo korpusa generala V.O. Kappelya. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke: sb. nauch. st. / nauch. red. V.I. Shishkin*. Vyp. 6. Novosibirsk: Parallel', 2015. Pp. 68–82.
- Spirin L.M.** Razgrom armii Kolchaka. M., 1957. 368 pp.
- Taskaev M.V.** Pechorskii front v 1919 godu. *Belaya armiya. Beloe delo*. Ekaterinburg, 1997, № 4. Pp. 74–98.
- Vorontsov D.V.** Evolyutsiya sovetskoi istoriografii Grazhdanskoi voyny (na materialakh vostoka Rossii). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2021. T. 17. № 3. Pp. 245–254.
- Vyrypaev V.O.** Kappel'evtsy. In: *Kappel' i kappel'evtsy*. 2-e izd., ispr. i dop. M.: NP «Posev», 2007. Pp. 221–336.
- Zyryanov P.N.** Admiral Kolchak, verkhovnyi pravitel Rossii. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 635 pp.

DOI 10.52782/KRIL.2022.4.36.004

УДК 94 (571.51)

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ: ЭГО-ДОКУМЕНТЫ О СТАНОВЛЕНИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ П.И. ГЕДЫМИН-ТЮДЕШЕВОЙ

Т. А. Кискидосова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, г. Абакан, 655017, Россия; email: tak_74@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1031-835X

В статье проведено историко-биографическое исследование детства и юношества первой хакасской женщины-революционерки П. И. Гедымин-Тюдешевой. Основным источником стали эго-документы, включающие ее воспоминания и автобиографию. Выявлены основные причины и обстоятельства изменения мировоззрения, а также перехода Прасковьи Иннокентьевны к революционной деятельности.

Ключевые слова: П. И. Гедымин-Тюдешева, эго-документы, воспоминания, автобиография, социал-демократы, типография, революция.

THE ONLY WAY: EGO-DOCUMENTS ON THE FORMATION OF REVOLUTIONARY P.I. GEDYMIN-TYUDESHEVA

T. A. Kiskidosova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: tak_74@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1031-835X

The article presents a historical and biographical study of the childhood and youth of the first Khakass woman revolutionary P. I. Gedymin-Tyudesheva. The main source became ego-documents, which include her memoirs and autobiography. The main causes and circumstances of the change of worldview, as well as the transition to Praskovya Innokentievna's revolutionary activities, are revealed.

Keywords: P.I. Gedymin-Tyudesheva, ego-documents, memoirs, autobiography, Social Democrats, printing house, revolution.

Прасковья (Парасковья) Иннокентьевна Гедымин-Тюдешева известна как первая хакасская революционерка, участница трех русских революций, политический и общественный деятель. В исторической литературе и периодической печати значительное внимание уделялось ее участию в революционном движении [Добров, 1962; Патачаков, 1990 и др.]. Деятельность и роль П. И. Гедымин-Тюдешевой в развитии Хакасской автономной области на посту полномочного представителя в высших партийных органах страны в начале 1930-х гг. изучены в ряде работ исследователей [Мамышева, 2000; Она же, 2009; Папина, 2012 и др.].

В статье предпринимается попытка реконструировать детство и юность П. И. Гедымин-Тюдешевой с целью выявления основных причин изменения ее мировоззрения, отказа от традиционных ценностей и вовлечения в революционное движение. Основным источником статьи послужили эго-документы, которые играют немаловажную роль в исследовании деятельности исторической личности. Эго-документы включают такие виды исторических источников личного характера или происхождения, как «воспоминания», «автобиография», «дневник» и др. В воспоминаниях, написанных от первого лица, присутствует субъективность, но в этом и проявляется специфика исторического источника, в котором «сохранилось живое непосредственное восприятие автором действительности» [Мамышева, 2009, с. 99]. Прасковья Иннокентьевна начала писать воспоминания в 1960-е гг. по настоянию журналиста С. К. Доброва. Она являлась очевидцем и участником известных исторических событий, современницей многих известных людей.

В Национальном архиве Республики Хакасия хранятся воспоминания П. И. Гедымин-Тюдешевой в фонде Р-658 «С. К. Добров. Заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза журналистов СССР, главный редактор "Ленин чолы"»¹ и печатная автобиография П. И. Гедымин-Тюдешевой в двух вариантах в фонде П-890 «Коллекция документов личного происхождения»². Если в первом варианте автобиографии можно найти информацию о частной жизни революционерки, то из второго варианта она изъята, он был переписан, подвергся существенной редакции, в него были внесены дополнения и изменения. Значи-

тельная часть второй автобиографии посвящена революционному движению и деятельности конкретных революционеров. Наряду с автобиографиями в фонде представлен «Биографический очерк о П. И. Гедымин-Тюдешевой», подготовленный М. В. Шкатовой в 1965 г.³ Воспоминания, автобиография и письма П. И. Гедымин-Тюдешевой являются важным историческим источником, требующим дальнейшего детального изучения. Архивные материалы о хакасской революционерке неоднократно использовались историками в качестве источника, однако отдельные периоды ее жизни не попали в исследовательское поле и не были детально освещены и осмыслены.

Прасковья Тюдешева родилась 7 октября 1883 г. в с. Табат Минусинского уезда Енисейской губернии, в бедной хакасской семье Иннокентия (Икена) и Марфы Тюдешевых. Ее отец в поисках заработка устроился конюхом на прииски Кузнецова в Кызасе. Мать работала кухаркой в семье аскизского священника Василия Ефимьевича Суховского. При этом Марфа не только готовила еду для поповской семьи, но и выполняла некоторые работы по домашнему хозяйству: ухаживала за скотом, доила корову и т. д. На долю Паши с раннего детства выпала тяжелая участь. Мать тяжело заболела и умерла, когда ей было всего четыре года, и некоторое время девочка жила с родными тетками Анной и Елизаветой, также находившимися в услужении у Суховского. Вскоре за осиротевшей Пашей приехал вернувшийся с приисков отец и увез ее в Табат.

До восьми лет девочка скиталась с отцом, окончательно ослепшим от трахомы, по людям в поисках заработка. Нередко отчаявшемуся Икену с малолетней дочкой приходилось побираться среди родственников. Позднее Паша попала в русскую крестьянскую семью в с. Бея. Она нянчилась с хозяйскими детьми во время уборки урожая. В другое время девочка пасла гусей и уток, выполняла различные работы по хозяйству. Паше приходилось работать за себя и за отца, чтобы прокормиться и приобрести одежду. Возможно, дальнейшая ее жизнь, как и жизнь многих хакаских бедняков, протекала бы без изменений в рутине и батрачестве, но через несколько лет случайно крестьянский дом посетил священник Василий Суховской, узнавший дочку бывшей кухарки. Много лет спустя Прасковья Иннокентьевна писала: «...хозяйка сказала батюшке, что приютила сиротку, дочку Марфы, а отец скитается

¹ Национальный архив Республики Хакасия (далее – НАРХ). Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 121.

² НАРХ. Ф. П-890. Оп. 1. Д. 23, 24.

³ Там же. Д. 25.

тут же слепенький. Батюшка был "под мухой", расчувствовался и сказал, что "Марфа была честная стряпка и Пашутку он возьмет на воспитание". При этом поп Василий пообещал хозяйке, что выучит грамоте приемную дочь. Таким образом, совершенно случайно Прасковья вновь вернулась в дом отца Василия, но уже в качестве воспитанницы. Кроме нее, в семье жили другие приемные дети: мальчик Сеня и две сестры Маша-большая и Маша-маленькая. По всей вероятности, священник Суховской был спокойным и незлым человеком, его хакасы прозвали «чахсы абыс», что означало «добрый поп». Прасковья Иннокентьевна считала, что в его семье к ней с добротой относился только священник, тогда как все другие члены его семьи – матушка Александра Софроньевна, ее дочь и зять – постоянно придирались и не упускали случая упрекнуть за малейшую провинность¹.

Негативные отзывы оставлены о матушке Александре Софроньевне, относившейся с пренебрежением к «инородцам». Она все время попрекала девочку, которую взяли из жалости, и постоянно напоминала, что при плохой учебе ее отправят в улус пасти скот. Особенно унижительными для Паши были поручения хозяйки: доносить на родных теток, следить, чтобы они не воровали молоко или муку. Обычно девочка докладывала, что «не воруют», и в ответ слышала, что «у тебя правды не найдешь, так же как у змеи ног не увидишь». Матушка была твердо убеждена, что у «татар воровство в крови, а неблагодарная Пашка только и знает, что покрывает своих родственников». Среди членов поповской семьи в отношении воспитанницы многократно повторялась любимая всеми ими поговорка: «Сколько волка ни корми, он все в лес глядит». Окружавшие люди напоминали Паше, что она должна быть во всем благодарна благодетелям и прежде всего батюшке с матушкой: «Мыть им ноги и пить эту воду»². Все нравоучения и несправедливые упреки обижали, ранили и ожесточали обделенного лаской ребенка. Очевидно, что поручение следить за своими родственниками, выслуживание перед хозяевами были явно не для гордой Паши. Имея бунтарский характер, она выполняла свои обязанности по дому, однако на фоне повседневной жизни постепенно назревал протест, вначале тихий, затем с возрастом усиливавшийся.

Прасковья заметила, что троих приемных детей прикрепили к кухне и только ее определили при доме. Вероятно, среди всех воспитанников Паша выделялась сообразительностью и определенными способностями, кроме родного языка, девочка хорошо владела русским. Ей доверяли выполнять простую крестьянскую работу, но чаще всего использовали в качестве переводчика. Отец Василий брал девочку с собой, когда встречался с прихожанами. Нередко ей приходилось слышать упреки от хакасов, что она, как дочь «инородца», нисколько не жалеет своих единоплеменников и переводила священнику дословно, не уменьшая действительности³.

Спустя годы Гедымин-Тюдешева, придавая своей автобиографии идеологическую окраску, отмечала, что «миссионер, собирая сирот в своем доме, имел со стороны высшего духовного начальства поощрения за ревностно насаждаемое православие, а заодно располагал бесплатной рабочей силой»⁴. Однако можно подвергнуть сомнению подобную запись, как не соответствовавшую действительности. Во-первых, приемные дети были взяты по личной инициативе священника, и в реальности он не имел за это никакого вознаграждения. Во-вторых, ее саму не использовали в качестве батрачки, не принуждали к тяжелым работам, а напротив, устроили на учебу в Аскизскую начальную школу. Таким образом, миссионер В.Е. Суховской, отмечая ее способности, проявлял в отношении девочки только заботу. Он относился к тем миссионерам, которые отбирали способных «инородческих» детей для учебы, с целью подготовить из них будущих священников и учителей. Все детство Паши, получившей воспитание в семье миссионера, прошло под влиянием христианского учения, православных традиций, набожности.

В Аскизской начальной школе способная Прасковья стала лучшей ученицей. В то время в ее стенах сначала учителем, а позднее директором школы работал Никифор Тимофеевич Потемкин. Он считался одним из лучших педагогов в Минусинском уезде, дал знания нескольким поколениям хакасских детей. Аскизская школа отличалась достижениями в вопросах обучения русскому языку «инородцев», не знавших до школы ни одного русского слова. Некоторые ее выпускники стали учителями: К. Самрин, В. и И. Катановы, М. Катанова, К. Тодышев, А. Селигеева и др. [Мохов, Мохова, 2009, с. 51].

¹ Там же. Д. 24. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 1.

После окончания Прасковьей Аскизской начальной школы отец Василий при материальной поддержке семьи золотопромышленников и меценатов Кузнецовых способствовал продолжению ее учебы в Минусинской женской прогимназии. Поступление «инородки» в среднее учебное заведение было неординарным явлением, тем более что девочка была из бедной семьи и поступила по протекции сельского попа. В ее автобиографии об отношении к учебе в прогимназии прослеживается некоторая противоречивость. С одной стороны, П.И. Гедымин-Тюдешева писала, что «училась хорошо и ей хотелось учиться». Но, с другой стороны, в документе сохранились сведения о том, что в третьем классе ее оставили на второй год и среднее учебное заведение она не окончила¹.

Учеба в минусинской прогимназии воспринималась Прасковьей как столкновение с доселе незнакомым образом жизни. Истинная причина ее нежелания учиться заключалась в том, что в прогимназии Паша впервые столкнулась с ярко выраженным проявлением национализма. Среди учениц класса она была единственной «инородкой», оказавшейся в унижительном положении. Некогда общительная девочка превратилась в изгоя, с которым никто не хотел дружить. По собственным ее высказываниям, в прогимназии ей предстояла «веселая житуха», потому что «ни одна девочка не хотела со мной не просто дружить, но и сидеть за одной партой». Причину нежелания сидеть рядом на занятиях и общаться с татаркой одноклассницы объясняли тем, что от нее «несет кониной». На этом злословия не заканчивались, они продолжались и во внеучебное время. Паша с шестью другими ученицами прогимназии жила в доме купчихи Лыткиной, где, по ее словам, тоже «было весело». Ее кровать стояла у самой двери, подальше от всех. В банный день «девочки не желали мыться вместе с татаркой», они прогоняли ее к прислуге. Пренебрежение и брезгливость одноклассниц психологически травмировали Пашу, вызвали протест, что, безусловно, накладывало отпечаток на формирование ее мировоззрения. Повседневные унижения и несправедливость способствовали рассуждениям четырнадцатилетнего подростка о том, что она «сделана из татарского теста и ей с русскими не по дороге». Не выдержав унижительного к себе отношения, Прасковья бросила учебу в прогимназии, она мечтала вернуться в свой родной бельтирский улус, где ей было бы

лучше среди своих сородичей. Учеба в прогимназии оставила у нее недобрую память, поэтому в автобиографии и воспоминаниях этот трехлетний период ее жизни в Минусинске излагался очень коротко и сухо. Не упоминались начавшаяся повседневная жизнь сельчанки в городе, учителя прогимназии, одноклассницы, преподаваемые предметы и т.д. Можно было полагать, что первоначально у девочки было сильное желание учиться, но позднее она отказалась от продолжения учебы, испытав огромное разочарование от пренебрежительного отношения сверстниц. Однако благодаря стараниям отца Василия девочка оставила мысли о родном Табате, Паша вернулась в Аскиз к прежней жизни в доме миссионера. Она возобновила свою переводческую деятельность, сопровождая священника Суховского по улусам².

Прасковья Иннокентьевна отмечала, что с возвращением в Аскиз закончилось ее детство, «закончилась беспросветная жизнь "кухонной барышни" и поповской воспитанницы». Прасковья выполняла всю простую сельскую работу, которая была привычна для нее с раннего детства: доила коров, убирала сено и др. Опыт тяжелой крестьянской жизни пригодился ей спустя много лет. Находясь в 1920-х гг. в командировке в одном из колхозов Иркутской губернии, Прасковья Иннокентьевна услышала от доярок упрек в адрес горожан, приезжающих из города, много говорящих, но не имеющих представления, как доить коров. Услышав такие рассуждения, она вызвалась пойти на дойку. Вот как Гедымин-Тюдешева вспоминала об этом случае: «Дали мне корову строптивую. Выдержала экзамен и выдала, несмотря на строптивость коровки. Утром поехала на поля. Здесь также выдержала экзамен и вершила зарод. Это мужская работа. Авторитет уполномоченного был на высоте, но за это на мне не было живого места: болели руки, ноги, спина»³. Подобная история характеризует сильный и упрямый характер Прасковьи Иннокентьевны, сформировавшийся за годы ее участия в трех революциях, Гражданской войне и имела опыт работы в чрезвычайной комиссии.

После прогимназии у Паши впервые появились близкие по духу друзья-сверстники. Даже в преклонном возрасте она помнила их имена: Ваня Тютеев, Гоша и Ганя Чугуневы. Интересно, что подростки, чувствуя социальную несправедливость, мечтали уничтожить попов,

¹ НАРХ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ НАРХ. Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 121. Л. 1 об.

которые «дурят головы» неграмотным «ино-родцам». Друзья сделали исключение только для В. Суховского, поскольку за батюшкой закрепи-лась хорошая репутация среди хакасов. Наряду с наивными планами «уничтожения ненавистных попов» ребята мечтали стать учителями, чтобы заниматься просвещением своего народа. Ваня и Гоша отправились получать образование в Красноярской духовной семинарии за казенный счет. Они влились в семинарскую среду, которая не стала для них препятствием для включения в революционную борьбу. Позднее стало известно, что из дружеской четверки профессию педагога удалось получить только Гане. Праско-вья Иннокентьевна отмечала, что судьба рас-кидала всех друзей по разным уголкам страны и она не знала, как в дальнейшем сложилась их судьба¹.

В Аскизе Прасковья приобрела и взрослых друзей из политических ссыльных. Она познако-милась с ссыльным социал-демократом Сонки-ным, сыгравшим значительную роль в изменении мировоззрения девушки. В автобиографии Геды-мин-Тюдешева отвела много внимания их знаком-ству, его влиянию на ее взгляды. Сонкин, врач по профессии, получил право на занятие лечеб-ной практикой и оказался в семье священника. Матушка поведала ему историю «неблагодарной Пашки, которую хотел выучить отец Василий, но девчонка не стала учиться». Сонкин, общаясь с подростком, отмечал ее любознательность и спо-собности. Он посоветовал ей послушаться отца Василия и продолжить образование. Одновре-менно Прасковья вела с политическим ссыльным доверительные беседы, в том числе и разговоры о несправедливости, присущей современному им обществу. В воспоминаниях Гедымин-Тюдешева отмечала, что до встречи с Сонкиным она не могла здраво судить о социальных различиях в обществе².

Кроме Сонкина, друзьями из политссыльных стали девушка Архангельская с толстой русой косой и Наум в черной рубашке. Как позже узнала Прасковья, они вели «негласное» наблюдение за воспитанницей священника. Позже друзья при-знались ей, что часто видели Пашу в грустном раздумье, поэтому они заинтересовались ее жиз-нью. Основываясь на наблюдениях, они пришли к выводу, что девочка «с характером, любозна-тельная, неглупая, но чем-то угнетенная». Полит-ссыльные часто вели разговоры с подростком,

разъяснили наивной на тот момент девочке, что такое социальное неравенство и разница между классами³. Не вовлекая ее в политические беседы, которые, по их мнению, были преждевременными для ее возраста, товарищи внушили ей идею о необходимости продолжения учебы, чтобы в дальнейшем реально помочь своему народу⁴.

Василий Суховской, серьезно озабоченный судьбой Паши, не оставлял надежду отправить ее на учебу и сделать полезной обществу. Крас-ноярская женская фельдшерская школа давала возможность женщинам получить медицинскую профессию. При общей нехватке специалистов в больницах и лечебницах фельдшеры пользова-лись большим спросом. Основными критериями при приеме в учебное заведение были наличие необходимого образования (не менее 4 классов гимназии, или диплом об окончании епархиаль-ного училища, или свидетельство сельской учи-тельницы) и возраст (не моложе 17 лет)⁵. У Паши не было соответствующего образования для поступления в фельдшерскую школу, поэтому, судя по автобиографии, ей пришлось сдать экстерном экзамены в прогимназию и получить заветное свидетельство. К. М. Патачаков, ссыла-ясь на архивные материалы, утверждал, что по решению Красноярского епархиального училища в 1901 г. П. Тюдешевой после окончания третьего класса женской прогимназии разрешили рабо-тать учителем в церковно-приходской школе в с. Синявино [Патачаков, 1990, с. 38]. Известно, что в синявинской школе Прасковья проработала год, выпускные экзамены в прогимназии она сдала экстерном. Получение диплома об оконча-нии учебного заведения, наличие свидетельства сельского учителя открыли ей дорогу для посту-пления в фельдшерскую школу. В 1902 г. она поступила в Красноярское фельдшерское учи-лище [Патачаков, 1990, с. 38].

Жизнь в Красноярске означала для нее сво-боду, самостоятельность и возможность обре-сти себя. Прасковья, вспоминая свою студенче-скую жизнь, писала, что «получала стипендию 10 руб. и была страшно счастлива»⁶. Практиче-ские занятия проводились в аптеке и при амбула-тории в лечебнице. Ученицы курировали больных в городских больницах, хирургическом бараке, вели акушерские приемы в родильном отделении больницы. Если практической стороне уделялось

¹ НАРХ. Ф. П-890. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

² Там же. Л. 3.

³ НАРХ. Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

⁴ НАРХ. Ф. П-890. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

⁵ Енисей. 1902. 22 августа.

⁶ НАРХ. Ф. П-890. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

значительное внимание, то теоретическая часть была значительно слабее. По этой причине некоторые предметы по теории исключили из программы, что сказывалось на общей подготовке выпускниц¹.

Но Паше не удалось глубоко окунуться в учебный процесс, на втором курсе она сблизилась с революционно настроенной молодежью. Дружба с ними ее стала интересовать больше, чем учеба. Еще со времен народничества в России была подготовлена целая система «по затягиванию» молодежи в революцию посредством правильного знакомства с литературой по социальным вопросам [Милевский, 2012, с. 67]. В фельдшерском училище действовало несколько молодежных кружков, занимавшихся изучением «Капитала» К. Маркса. Появились близкие по духу верные друзья, которым не важны были ни ее национальность, ни ее социальное происхождение. Они интересовались популярными в молодежной среде идеями социал-демократической партии и мечтали стать борцами за светлое будущее человечества. В кружке у нее были два прозвища – Татарочка, прочно закрепившееся на долгие годы, и Тюдяшка. Сама П.И. Гедымин-Тюдешева на склоне лет считала, что Красноярская фельдшерская школа стала не только местом медицинского познания, но в ней «появились и росли молодые революционные силы». Она считала, что именно там ей открылась «дорога, по которой шли люди, отдавшие все за счастье человечества»².

Свое внеучебное время Прасковья вместе с другими членами кружка стала посвящать общению, сводившемуся к чтению и обсуждению монументального труда классика марксизма. По утверждению самой Гедымин-Тюдешевой, «горячие споры не давали продвинуться дальше 40 страниц». В кружок вошли ученицы фельдшерской школы: Шура Дубровинская, Виктория Шуваева, Елена Прейсман, Лия Пандре (Люся Шумяцкая), сестры Бродские и др. Всего в революционные кружки входили 54 человека. К девушкам примкнули молодые рабочие железнодорожного депо: Алеша Рогов, Костя Кузнецов, Федя Журавлев и др. Позднее в их ряды влились революционеры Борис Шумяцкий и «дядя Нос» (А.К. Пайкес), ставшие через много лет крупными государственными партийными деятелями. С их появлением молодежь оживилась, вышла из замкнутого состояния. Борис Шумяцкий разъяснил ученицам, что для начала им необхо-

димо было подготовиться к чтению серьезной литературы, заявив им: «Вы начали читать "Капитал" не с того, что нужно вам». Молодой человек рекомендовал девушкам начинать читать политическую литературу, листовки, революционные брошюры. Он, рабочий-слесарь, происходивший из еврейской многодетной семьи бедного ремесленника, приехал в Красноярск из Читы, устроился в железнодорожное депо и занимался подпольной революционной работой. Борис получил только домашнее образование, но при этом обладал широким кругозором, потому что много читал и занимался самообразованием. П.И. Гедымин-Тюдешева охарактеризовала Б. Шумяцкого очень волевым и инициативным товарищем. Она отмечала: «Благодаря своей вдумчивости и выдержанности он никогда не действовал спонтанно и резко»³.

Возможно, эта характеристика субъективна и не совсем соответствовала исторической действительности, но лидерские качества и необыкновенная харизма Бориса Захаровича Шумяцкого проявлялись еще в юные годы. Отношения с ним у Прасковьи были дружескими, он вдохновлял ее на революционную борьбу, об этом свидетельствуют строки: «В тяжелые дни моей жизни он дважды приходил на помощь, согрел мою душу, вдохнул надежду на борьбу». О родстве и близости душ говорит и история, когда она дала Борису прозвище Конь, надолго закрепившееся в кругу друзей. Она заметила, что во время быстрой ходьбы он «задышался и в сопровождении сильных вздохов переходил в хрип»⁴. В своей журналистской деятельности Борис Шумяцкий в некоторых публикациях изредка подписывался под псевдонимом Конь, что свидетельствовало о самоиронии и чувстве юмора этого уникального человека.

Одним из светлых воспоминаний Прасковьи Иннокентьевны о красноярском периоде стали походы друзей на Качинскую гору. Взобравшись на вершину в вечернее время, они с интересом наблюдали за красивыми видами города. В темноте мерцали огни фонарей с керосиновыми лампами. В их дружеской компании прогулки получили название «слушать голоса ночи». Каждый из участников по-своему реагировал на «голоса». Например, кто-нибудь приближение поезда объяснял «близостью революции», остановку поезда – «революция в России задержалась», уход поезда – «революция движется дальше за границу». Если в вечернем небе замечали паде-

¹ Енисей. 1904. 1 октября.

² НАРХ. Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 121. Л. 24.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 10.

ние звезды, то считали, что «закатилась звезда самодержавия». Сама Прасковья Иннокентьевна утверждала, что этот «совершенно детский бред на деле был таким чистым и хорошим»¹. У наивной в то время молодежи были общие мечты о свершении революции и наступлении социальной справедливости. Они, наполненные марксистскими идеями, верили в победу мирового пролетариата. Постепенно, с приобретением опыта и знаний, происходило их формирование как зрелых революционеров.

Во время слушания «голосов ночи» в тишине каждый ловил «свой звук». Прасковья Иннокентьевна упоминала, что лично она молчала и уносила своими мыслями в аскизские степи, где «орошала степь, сеяла пшеницу, строила школы, больницы и т. д.». Ее мечты, непосредственно связанные с революцией, были направлены на преобразование родной земли. Она зафиксировала в воспоминаниях разговор ее друзей и собственные размышления: «Люся спросила: "Что притихла, Татарочка?" На что Соломон предположил: "Не мешай ей мечтать о Минусе". Тут же рассудительный Борис отвечал: "Ты не шути. Минусинск, или Минуса, – это историческое место для нашей Татарочки. Не потому что там живут ее родичи, а потому что там отбывал ссылку Ленин". Хороши были "голоса ночи". Сколько было хороших светлых мечтаний и разговоров. Уходили поодиночке, каждый в своей думе»².

На Качинской горе во время слушания «голосов ночи» эрудированный Борис Шумяцкий рассказывал друзьям о Парижской коммуне и Союзе рабочих, пересказывал революционные брошюры. Именно тогда у него проявился талант блестящего пропагандиста и агитатора³. Никто из слушателей не мог предугадать, что спустя несколько десятилетий он на посту председателя Государственного управления кинофотопромышленности будет открыто выступать за реконструкцию советского кино на основе американского опыта, пропагандировать идею создания советского Голливуда.

Однако слушаниям «голосов ночи», проводимых втайне от старших товарищей, был положен конец. Руководители, узнав, что, вопреки строгой конспирации, молодые люди собирались на горе, провели с ними строгую беседу. Прасковья отметила, что больше всех досталось ей и Борису. Николай-большой (Николай Баранский), выска-

зывая свои замечания, обратился к Татарочке: «Я тебя считал самой умной. А ты потащила на гору». Самолюбивая Прасковья, не оставшись в долгу, ответила: «Считай теперь дурой, а нам ведь хочется отдохнуть от твоей конспирации». С грустью Гедымин-Тюдешева вспоминала, что «так закончились эти походы в горы»⁴. Затем наступили будни подпольной работы, которые заставили их всех повзрослеть.

Революционно настроенные молодые люди искренне стремились «выжечь каленым железом буржуазные предрассудки» у себя и своих товарищей. Показательна история с Люсей Пандре, одной из подруг Прасковьи. Люся происходила из еврейской семьи канского купца, окончила Красноярскую женскую гимназию и, как казалось ее революционным соратникам, с детства привыкла к шикарной жизни. Все знали об их отношениях с Борисом Шумяцким, за которого она впоследствии вышла замуж. Прасковья Иннокентьевна отмечала, что Бориса все любили и считали, что он, будучи потомственным пролетарием, погрязнет в буржуазной семье Люси. Все говорило о респектабельности молодой девушки: она не знала ни в чем отказа, «жила в богато обставленной отдельной комнате, ее отец ходил в бобровой шапке и шубе с большим воротником». Как призналась сама Гедымин-Тюдешева, никто из друзей не знал, что Люся Пандре в целях конспирации должна была производить впечатление обеспеченной барышни. Ее хорошо обставленная меблированная комната с двумя выходами имела большое значение для нелегальной работы. Люся редко появлялась среди учениц фельдшерской школы, носила исключительно дорогие наряды, и компанию ей составлял Николай-большой. Тогда все друзья по кружку со свойственной им пролетарской психологией решили заняться перевоспитанием Люси, задумав рассекретить ее квартиру. Молодые люди стали приходить к ней в гости на чай, при этом парни, пришедшие с работы в депо, не смывали грязь с рук, с огромным удовольствием вытирались белоснежными полотенцами хозяйки. Потом она сама все долго отстирывала, не отдавая прачке из-за конспирации. Бедную Люсю отправляли в самые отдаленные места и при этом требовали быстрого выполнения поручений. Ей приходилось снимать туфли на высоких каблуках и босиком бежать до назначенного пункта. Также Люсе поручали ответственное задание – пронести листовки в депо, пробираясь в угольном вагоне паровоза. Сама Прасковья Иннокентьевна

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 57 об.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Там же. Л. 57.

вспоминала, что случайно проговорила об этих «издевательствах» Николаю-большому и все участники получили от него хорошую взбучку, запомнившуюся ей на всю жизнь¹.

Спустя полвека Прасковья Иннокентьевна, остановившись на красноярском периоде своей жизни, писала в мемуарах: «Когда-нибудь сяду и крепко подумаю о прошлом, хорошем. А надо это сделать, может, что и получится»². Она ностальгировала по юношеским годам и окружавшим ее людям, складывается впечатление, что это были лучшие годы ее жизни.

Дальнейшая революционная деятельность Прасковьи была тесно связана с работой в технической группе Красноярского комитета РСДРП. Она занималась хранением нелегальной литературы, распространением прокламаций и листовок. В ночь с 6 на 7 сентября 1903 г. последовал арест большой группы революционеров, в их числе была и Татарочка [Революционный подвиг... 1972, с. 93]. В Красноярском комитете оказался провокатор Александр Белов, сдавший всех участников и типографию. Прасковья провела в тюрьме три месяца и была освобождена, поскольку ее вина не была доказана. Из фельдшерского училища ее исключили из-за политической неблагонадежности, выход на свободу способствовал окончательному решению Татарочки заниматься революционной деятельностью.

Последующие годы были связаны с нелегальной деятельностью, арестом, трехлетней каторгой и шестилетней ссылкой. У нее был накоплен огромный опыт революционной деятельности. С 1921 по 1926 г. она работала в ВЧК в Иркутске, Верхнеудинске и Троицкосавске. С 1930 г. являлась полномочным представителем Хакасской автономной области при Президиуме ВЦИК в Москве [Революционный подвиг... 1972, с. 95]. С 1933 по 1935 г. она вновь находилась на руководящей партийной работе в Хакасии. В последующие годы работала в Кирове, Прибалтике. В 1948 г. переехала в Москву, где и осталась до конца своей жизни.

Вспоминая своих красноярских друзей-революционеров, Гедымин-Тюдешева отмечала трагичность судьбы многих из них. Алексей Рогов, пройдя каторгу, тяжело заболел и умер от туберкулеза. Константин Кузнецов погиб, сражаясь с белогвардейцами в Енисейской тайге. Борис Шумяцкий (Конь) и Вавила Рогов стали жерт-

вами репрессий в 1930-е гг. По поводу последних Прасковья Иннокентьевна писала, что «они были замучены в застенках культа личности». Люся Пандре (Шумяцкая), пережившая сталинские застенки, серьезно подорвала здоровье. Прасковья Иннокентьевна, подводя итоги, отмечала, что многие лучшие друзья и борцы, преданные партии Ленина, рано ушли из жизни. В то же время некоторые ее товарищи, испугавшись преследований и тюрьмы, отошли от борьбы еще до первой русской революции. Как выразилась сама автор мемуаров, «ушли попутчики революции», и, соответственно, связь с ними прервалась навсегда³.

Трогательно звучат строки мемуаров революционерки: «Всегда приятно ворошить воспоминания и уйти мыслями в далекое прошлое, услышать забытые, далекие голоса. Сколько их, товарищей, встречи с ними когда-то согрели душу бедной девочки-батрачки, научили любить жизнь и бороться за счастье человечества»⁴. По воспоминаниям одной из ее современниц, персональной пенсионерки Матильды Шкатовой, Прасковья Иннокентьевна «первоначально производила впечатление замкнутого, сурового человека». Однако в общении с людьми она всегда была «приветливым и отзывчивым товарищем». На своем трудном жизненном пути П.И. Гедымин-Тюдешева пережила тюрьмы, ссылки, каторгу, которые не сломили ее волю⁵.

Таким образом, эго-документы о жизни и деятельности П.И. Гедымин-Тюдешевой раскрывают основные причины прихода ее к революционной деятельности. Трудное сиротское детство, бедность, жизнь в чужом доме из милости, социальное неравенство, а также сильное потрясение, перенесенное в прогимназии, способствовали изменению мировоззрения еще в подростковый период. Но было бы неверным представлять Прасковью несчастной жертвой сложившихся обстоятельств. Как показала вся ее дальнейшая жизнь, она оказалась жизнестойкой и целеустремленной личностью. Дух времени, политические события, общественное окружение, изменившееся мировоззрение подтолкнули девушку сделать собственный выбор и двигаться по единственно верному, на ее взгляд, революционному пути.

¹ НАРХ. Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 121. Л. 3 об.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Там же. Л. 29.

⁵ НАРХ. Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

Литература

References

- Добров С.К.** Пламенная революционерка // Жизнь, отданная народу (историко-биографические очерки). Абакан: Хакаское отд. Красноярского кн. изд-ва, 1969. С. 69–75.
- Мамышева Е.П.** Документы региональных архивов о деятельности представительства Ойротской и Хакасской автономных областей (1924–1938 гг.) // Вестник Челябинского ун-та, 2009. №28 (166). История. Вып. 34. С. 96–101.
- Мамышева Е.П., Шаповал Е.Ю.** Документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) о деятельности представительства Хакасской автономной области при ВЦИК РСФСР в 1930–1932 гг. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. №2 (34). С. 149–155.
- Мамышева Е.П.** Личные воспоминания П.И. Гедымин-Тюдешевой как источник изучения ее биографии // История Хакасии в партийных и комсомольских документах. Абакан: ХРИПКО и ПРО, 2000. С. 26–29.
- Милевский О.А.** Рождение русской Жанны Д'Арк (к вопросу о формировании революционного мировоззрения С.Л. Перовской) // Вестник Сургутского гос. ун-та. 2021. №4 (19). С. 63–72.
- Мохов А.Н., Мохова Л.А.** Краткие очерки истории народного образования Хакасии. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 2009. 210 с.
- Папина О.В.** Роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии в 1923–1941 гг. Абакан: Хакасский техн. ин-т – филиал Сибирского фед. ун-та, 2012. 154 с.
- Патачаков К.М.** «Наа чуртас үчүн» («За новую жизнь»). Абакан: Хакаское отд. Красноярского кн. изд-ва, 1990. 144 с.
- Революционный подвиг сибиряков.** Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1972. С. 93–95.
- Dobrov S.K.** Plamennaia revoliutsionerka. In: Zhizn', otdannaia narodu (Istoriko-biograficheskie ocherki). Abakan: Khakasskoe otd. Krasnoiarского kn. izd-va, 1969. Pp. 69–75.
- Mamysheva E.P.** Dokumenty regional'nykh arkhivov o deiatel'nosti predstavitel'stva Oirotskoi i Khakasskoi avtonomnykh oblastei (1924–1938 gg.). *Vestnik Cheliabinskogo un-ta*, 2009. №28 (166). Istoriya. Vyp. 34. Pp. 96–101.
- Mamysheva E.P., Shapoval E.Iu.** Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii (GARF) o deiatel'nosti predstavitel'stva Khakasskoi avtonomnoi oblasti pri VTsIK RSFSR v 1930–1932 gg. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk*. 2019. №2 (34). Pp. 149–155.
- Mamysheva E.P.** Lichnye vospominaniia P. I. Gedymin-Tiudeshевой kak istochnik izucheniia ee biografii. In: Istoriia Khakasii v partiinykh i komsomol'skikh dokumentakh. Abakan: KhRIPKO i PRO, 2000. Pp. 26–29.
- Milevskii O.A.** Rozhdenie russkoi Zhanny D'Ark (k voprosu o formirovani revoliutsionnogo mirovozzreniia S. L. Perovskoi). *Vestnik Surgut'skogo gos. un-ta*. 2021. №4 (19). Pp. 63–72.
- Mokhov A.N., Mokhova L.A.** Kratkie ocherki istorii narodnogo obrazovaniia Khakasii. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo, 2009. 210 pp.
- Papina O.V.** Rol' zhenshchin v sotsial'nom i kul'turnom razviti Khakasii v 1923–1941 gg. Abakan: Khakasskii tekhn. in-t – filial Sibirskogo fed. un-ta, 2012. 154 pp.
- Patachakov K.M.** «Naa churtas uchun» («За новую жизнь»). Abakan: Khakasskoe otd. Krasnoiarского kn. izd-va, 1990. 144 pp.
- Revoliutsionnyi podvig sibirskikh.** Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1972. Pp. 93–95.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ СРЕДНЕЙ СИБИРИ И ПРИСАЯНЬЯ

В. П. Кривоногов

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 82, Красноярск, 655017; email: victor950@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1255-2366

В таежной зоне Средней Сибири, а также в Присянье проживает ряд коренных малочисленных народов: чулымцы, кеты, западные эвенки, тофалары, сойоты. В 1985–2018 гг. среди них проводились исследования современных этнических процессов, которые включали в себя массовые опросы по репрезентативной выборке. Для эвенков и сойотов была разработана 25-процентная выборка, остальные были опрошены со 100-процентным охватом, причем среди чулымцев и тофаларов исследования были проведены 4 раза с интервалом в 10 лет, среди кетов – три раза, среди эвенков – дважды с интервалом в 20 лет. В ходе исследований и опросов значительное внимание было уделено языковым процессам. В статье рассмотрены этноязыковые процессы у названных пяти этносов.

Ключевые слова: эвенки, кеты, чулымцы, тофалары, сойоты, массовый опрос, языковые процессы.

ETHNO-LANGUAGE PROCESSES AMONG THE INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES OF THE TAIGA ZONE IN CENTRAL SIBERIA AND THE SAYAN REGION

V. P. Krivonogov

Siberian Federal University, 82 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 655017; email: victor950@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1255-2366

A number of indigenous small-numbered peoples live in the taiga zone of Central Siberia and Sayan Region: the Chulymcs, Kets, Western Evenks, Tofalars, Soyots. In 1985–2018, studies of modern ethnic processes were conducted among them, which included mass surveys on a representative sample. A 25 % sample was developed for the Evenks and Soyots, the rest were interviewed with 100 % coverage, wherein among the Chulymcs and Tofalars, studies were conducted 4 times with an interval of 10 years, among the Kets – 3 times, among the Evenks – twice with an interval of 20 years. In the course of research and surveys, considerable attention was paid to language processes. The article considers the ethno-language processes of these five ethnic groups.

Keywords: Evenks, Kets, Chulymcs, Tofalars, Soyots, mass survey, language processes.

Введение

В 1985–2020 гг. автором проводились исследования современных этнических процессов у малочисленных коренных народов Средней Сибири. Широко использовался метод интервальных исследований, когда исследования проводились по единой методике через разные промежутки времени (через 10, 20 лет и т. д.). Исследования проводились среди чулымцев и тофаларов, сойотов и кетов, а также среди западных (красноярских) эвенков [Кривоногов, 1997а, 1997б, 1998а, 1998б, 2001а, 2008а, 2008б, 2020]. Значительную часть исследований составляло изучение языковых процессов. Языки малочисленных народов находятся

в зоне риска, так как в процессе глобализации значение крупных языков возрастает, а малочисленных – уменьшается. У некоторых народов языки находятся на грани исчезновения или даже вообще исчезли. В статье представлены результаты исследований языковых процессов у пяти народов Средней Сибири таежной зоны и Присянья. Для наиболее малочисленных народов опрос произведен со 100-процентным охватом этноса на основной этнической территории (кеты, чулымцы, тофалары), для других разработана 25-процентная выборка (эвенки, сойоты). Метод интервальных исследований использован для четырех из названных народов. У тофаларов и чулымцев исследо-

вания прошли четыре раза с интервалом в 10 лет, у кетов – три раза, у эвенков – два раза с интервалом в 20 лет. Интервальные исследования позволяют наиболее объективно показать динамику происходящих изменений.

Западные эвенки

Численность эвенков в Красноярском крае, по переписи населения 2010 г., определена в 4,4 тыс. человек [Кривоногов, 2018с, с. 11], большая часть (3,6 тыс.) проживает на территории Эвенкийского муниципального района (бывшего Эвенкийского округа с центром в п. Тура). Здесь только 4 поселка можно назвать однонациональными (Эконда, Чуринда и др.), а смешанных – около двух десятков [Кривоногов, 2001с, с. 102].

Материалы последних переписей населения указывают на явную тенденцию к снижению показателя по родному языку. По переписи 1979 г., по округу назвали эвенкийский язык родным 86,1 % эвенков, в 1989 г. – 73,7 %, а в 2010 г. – 44,0 %. В это время знание русского языка приблизилось к 100 % [Кривоногов, 2001b, с. 242; 2001a, с. 99–101; 2001с, с. 103]. Результаты наших исследований в 1997 и 2017 гг. подтверждают, что русский язык стал доминирующим в речевом поведении эвенков.

В 1997 г. только эвенкийский язык родным признали 31,3 % эвенков, в равной мере два языка – русский и эвенкийский – 7,2 %, только русский – 61,5 %. К настоящему времени ситуация еще больше усугубилась: только эвенкийский язык признали родным 14,0 % опрошенных эвенков, одновременно два языка – 19,8 %, только русский – 66,2 %. Число эвенков с родным русским языком увеличилось не очень значительно, увеличилось число тех, кто признал оба языка родными.

Те, кто считает эвенкийский язык родным, порой редко пользуются им в жизни, об этом говорят показатели по основному языку общения. В 1997 г. число тех, для кого эвенкийский язык был основным разговорным, составило лишь 4,3 %. В настоящее время их практически не осталось – 0,4 %. Сократилось число и тех, кто в равной степени использует оба языка, с 16,8 % до 10,7 %. Для остальных 88,9 % (20 лет назад – 78,9 %) основным разговорным является русский язык.

Степень владения эвенкийским языком за 20 лет значительно снизилась (табл. 1). В два раза упала доля тех, кто владеет им свободно (с 31,1 % до 15,1 %), постепенно приближается к половине доля тех, кто вообще его не понимает (за 20 лет с 34,2 % до 41,3 %).

Таблица 1

**Степень владения эвенками эвенкийским языком
(по данным опросов, в %)**

Годы	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1997	31,1	4,4	9,2	21,1	34,2
2017	15,1	6,0	12,2	25,4	41,3

Снижение наблюдается как в эвенкийских поселках, так и в смешанных, в первых показатели степени владения языком выше (табл. 2).

Таблица 2

**Степень владения эвенками эвенкийским языком в населенных пунктах
(далее НП) разного национального состава
(по данным опроса, 2017 г., в %)**

Типы НП по нац. составу	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
Эвенкийские	24,7	14,0	12,9	20,4	28,0
Смешанные	18,4	4,6	17,4	22,0	37,6
Русские	10,1	3,6	9,7	28,6	48,0

Динамика этого показателя по возрастным группам однозначно указывает на сокращение числа молодежи и детей, которые им владеют (табл. 3). Практически среди детей не осталось

тех, кто владеет эвенкийским языком свободно, а 85,2% детей до 10 лет его попросту не понимают, несмотря на обучение ему в школе (20 лет назад таких было 71,3 %).

Таблица 3

**Степень владения эвенками эвенкийским языком в разных возрастных группах
(по данным опроса, 2017 г., в %)**

Возраст	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
70 и старше	81,8	18,2	—	—	—
60–69	70,6	17,6	5,9	5,9	—
50–59	53,2	6,4	6,4	29,8	4,2
40–49	25,0	11,3	27,3	18,2	18,2
30–39	14,9	10,5	20,9	32,8	20,9
20–29	1,2	5,9	15,5	41,7	35,7
10–19	—	1,4	13,9	29,2	55,5
До 10	—	0,9	1,9	12,0	85,2

Из других языков в некоторой степени распространён якутский, так как якуты – соседний народ, с которым эвенки довольно давно контактируют. Однако общее число знакомых с языком невелико, чаще это члены смешанных якутско-эвенкийских семей. Всего 1,8% из числа опрошенных знакомы с якутским языком, но свободно владеющие им нам не встретились.

В каких ситуациях используются два основных языка в семье и вне ее? Относительно чаще используется эвенкийский язык в общении с родителями, но во всех ситуациях русский язык преобладает над эвенкийским. И за 20 лет снижение показателей произошло в общении во всех ситуациях (табл. 4).

Таблица 4

**Использование эвенками основных языков региона в разных ситуациях
(по данным опросов, в %)**

Используют в общении	Язык общения					
	1997 г.			2017 г.		
	эвенкийский	эвенкийский и русский	русский	эвенкийский	эвенкийский и русский	русский
С родителями	23,9	28,1	48,0	6,7	33,3	60,0
С братьями и сестрами	15,7	13,2	71,1	2,9	16,7	80,4
С друзьями	3,8	25,3	70,9	1,7	14,0	84,3
С супругами	12,0	27,6	60,4	2,0	18,4	79,6
С детьми	4,4	22,1	73,5	0,5	16,1	83,4
На работе	5,2	22,2	72,6	1,6	20,1	78,3

Эвенкийский язык имеет письменность и довольно давно введен в программу школ [Андреева, Стручков, 2015, с. 20–23; Кривоногов, 2001а, с. 75–76; Кривоногов, 2018с, с. 20–23]. В настоящее время 81,3% опрошенных школьников и взрослых заявили, что изучали эвенкийский язык в школе, в том числе 20,8% в начальных классах, 53,3% – до 9-го класса, а 8,2% – в старших клас-

сах. Но, несмотря на данную статистику, эвенков, умеющих читать и писать на родном языке, относительно немного, и число их явно снижается. В 1997 г. из числа школьников и взрослых (7 лет и старше) 37,0% заявили, что могут писать и читать по-эвенкийски, 20,1% – только читать, в 2017 г. – соответственно 29,3 и 20,3%.

Что касается русского языка, то с ним нет проблем – 20 лет назад умели читать и писать по-русски 96,4%, сейчас – 99,4% (остальные 0,6% только читают). Только глубокие старики не умели читать и писать по-русски, но за 20 лет их не стало.

Изучение эвенкийского языка в школе не спасает его носителей от языковой ассимиляции, дети языком почти не владеют. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что основы родного языка закладываются не в школе, а в семье, и не с семи лет, а с самого рождения. Однако в семье эвенкийский язык почти перестал использоваться, что и привело к вышеприведенным результатам.

Кеты

Кеты проживают на обширной территории по среднему Енисею и его притокам, в 21 населен-

ном пункте, в большей части из которых кеты составляют меньшинство по отношению к местным русским [Кривоногов, 1998а, с. 9–13; 2003, с. 13–17]. Лишь в трех поселках (Келлог, Суломай и Мадуйка) доля кетов превышает половину. Исследования среди кетов проведены в 1991, 2001 и 2014 гг., со 100-процентным охватом [Кривоногов, 1998а, с. 3; 1998с, с. 7–8; 1999, с. 163–165; 2003, с. 3–4; 2016а, с. 152].

Главное отличие в характере расселения кетов за 23 года – концентрация в районном центре и уменьшение их в кетских поселках [Кривоногов, 2016а, с. 153]. Как это сказалось на развитии этноязыковых процессов? Переписи показывают постоянное падение показателя по родному языку, уже в 1979 г. показатель упал до 61,5% [Численность и состав населения СССР... 1985, с. 90]. Наши исследования дали еще более скромные результаты (табл. 5).

Таблица 5

Родной язык кетов

Годы	Языки		
	кетский	кетский и русский	русский
1991	32,0	3,0	65,0
2001	19,1	3,4	77,5
2014	11,2	2,7	86,1

Быстрое и постоянное падение языкового показателя указывает на то, что этот процесс носит необратимый характер. Но даже те, кто еще помнит кетский язык, используют его редко или не

используют его вообще. Показатели по основному языку общения явно ниже, чем по родному языку (табл. 6).

Таблица 6

Основной разговорный язык кетов (по данным опроса 1991 г., в %)

Годы	Языки		
	кетский	кетский и русский	русский
1991	4,4	9,4	86,2
2001	1,5	5,5	93,0
2014	0,5	3,8	95,7

Всего 4,3% еще используют кетский язык в общении, да и то в основном наряду с русским. Остальные 95,7% используют в общении только русский язык. В 1991 г. использующих кетский

язык было больше – 13,8%, хотя и это, конечно, очень низкий показатель. Степень владения кетским и русским языками показана в таблицах 7 и 8.

Таблица 7

Степень владения кетами кетским языком (по данным опросов, в %)

Годы	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1991	21,9	7,6	12,5	23,1	34,9
2001	12,8	4,2	11,7	20,6	50,7
2014	5,5	3,9	6,5	13,1	71,0

Таблица 8

Степень владения кетами русским языком (по данным опросов, в %)

Годы	Степень владения русским языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1991	95,8	2,8	1,2	0,1	0,1
2001	98,3	1,5	0,2	—	—
2014	99,8	0,2	—	—	—

О динамике этого показателя можно судить не только сравнивая результаты разных исследований, но и сравнивая ситуацию в разных возрастных группах (табл. 9).

Таблица 9

Степень владения кетским языком в разных возрастных группах кетов (по данным опроса 2014 г., в %)

Возраст	Степень владения кетским языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
70 и ст.	50,0	—	16,7	8,3	25,0
60–69	38,2	3,0	14,7	23,5	20,6
50–59	20,0	18,2	14,5	25,5	21,8
40–49	9,9	9,0	12,7	31,5	36,9
30–39	0,8	4,6	14,0	21,7	58,9
20–29	—	—	3,7	12,2	84,1
10–19	—	—	—	1,8	98,2
До 10	—	—	—	—	100,0
Итого	5,5	3,9	6,5	13,1	71,0

Падение показателя в самой младшей возрастной группе явно указывает на ближайшую перспективу.

Насколько активно используются основные языки региона в разных ситуациях? Об этом говорят данные таблицы 10.

Таблица 10

Использование кетами основных языков региона в разных ситуациях (по данным опроса 2014 г., в %)

Используют в общении	Языки		
	кетский	кетский и русский	русский
С родителями	5,9	11,5	82,6
С супругами	1,9	5,9	92,2
С братьями и сестрами	1,7	5,0	93,3
С детьми	—	7,2	92,8
На работе	—	7,7	92,3

Чулымцы

Во всех сферах общения использование кетского языка стремительно падает, использует его незначительное меньшинство.

В конце XX в. была предпринята попытка внедрения кетского языка и письменности в программу начальных классов школ ряда кетских поселков (Келлог, Бакланиха и др.). Однако языку обучались дети, которые к началу обучения совершенно не владели кетским языком, сплошь были русскоязычными, поэтому восстановления позиций этого языка не произошло, слишком далеко зашел процесс языковой ассимиляции. Кетским языком не владеют не только учащиеся, но и поколение их родителей, поэтому языковая ассимиляция приняла необратимый характер.

Чулымцы проживали по среднему Чулыму [Томилов, 1987, с. 145–176], сейчас их территория несколько сократилась, они проживают в нескольких поселках в пределах Тюхтетского района Красноярского края и Тегульдетского района Томской области. Поселки, смешанные по национальному составу, русских в этом регионе в несколько раз больше, чем аборигенов. Лишь в двух посёлках доля чулымцев превышает половину населения [Кривоногов, 1994, с. 24–25; 2002, с. 256–257; 2008b, с. 19–23]. Такой характер расселения предопределяет и языковые процессы, чулымский язык быстро уходит из жизни и заменяется русским [Кривоногов, 1998b, с. 144–145; 2007, с. 107–110; 2017, с. 45–57]. Все меньше чулымцев признают его родным, используют его в реальной жизни еще меньше (табл. 11, 12). Сейчас признали его родным 6,7% чулымцев, а используют его в общении всего 0,5%.

Таблица 11

**Родной язык чулымцев
(по данным опросов, в %)**

Годы	Родной язык		
	чулымский	чулымский и русский	русский
1986	44,5	2,0	53,5
1996	23,8	1,3	74,9
2006	8,1	3,7	88,2
2016	5,2	1,5	93,3

Таблица 12

**Основной разговорный язык чулымцев
(по данным опросов, в %)**

Годы	Основной разговорный язык		
	чулымский	чулымский и русский	русский
1986	4,9	7,1	88,0
1996	1,7	3,3	95,0
2006	0,3	1,5	98,2
2016	—	0,5	99,5

Данные по родному языку согласуются с данными по степени владения чулымским языком (табл. 13). В 1986 г. менее трети чулымцев свободно владели этим языком, а к настоящему

времени таких осталось лишь 3,0%. Что касается русского языка, то им овладели практически все чулымцы (табл. 14).

Таблица 13

**Степень владения чулымцами чулымским языком
(по данным опросов, в %)**

Годы	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1986	31,6	5,3	6,3	23,3	33,5
1996	16,0	3,8	8,5	21,3	50,4
2006	6,3	1,2	6,1	18,6	67,8
2016	3,0	1,7	4,4	14,6	76,3

Таблица 14

**Степень владения чулымцами русским языком
(по данным опросов, в %)**

Годы	Владеют русским языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1986	92,7	5,1	2,2	—	—
1996	96,6	2,4	1,0	—	—
2006	98,9	0,8	0,3	—	—
2016	99,5	0,2	0,3	—	—

Показатели по степени владения чулымским языком, распределенные по возрастным группам, указывают на то, что не только среди детей, но

и среди лиц среднего возраста владеющих языком практически нет (табл. 15).

Таблица 15

**Степень владения чулымским языком в разных возрастных группах чулымцев
(по данным опроса 2016 г., в %)**

Возраст	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
70 и ст.	50,0	3,8	7,7	15,4	23,1
60–69	7,4	9,3	13,0	44,4	25,9
50–59	—	4,2	13,5	36,5	45,8
40–49	1,3	—	5,2	22,1	71,4
30–39	—	—	—	7,4	92,6
20–29	—	—	—	—	100
10–19	—	—	—	—	100
До 10	—	—	—	—	100

В абсолютных показателях число свободно владеющих чулымским языком упало до 18 человек. Все они пожилого возраста, что указывает на ближайшую перспективу.

Русский язык преобладает не только в общении с другими национальностями, но и внутри чулымских семей. Чаще используют чулымский

язык в общении со своими родителями, однако и эти показатели упали ниже 15% (табл. 16). В других ситуациях вообще использование чулымского языка упало до 1–3% от числа опрошенных. В младших возрастных группах этот язык не используется вовсе.

Таблица 16

**Использование чулымцами основных языков региона в разных ситуациях
(по данным опроса 2016 г., в %)**

Используют в общении	Языки		
	чулымский	чулымский и русский	русский
С родителями	3,0	11,5	85,5
С супругами	0,3	3,3	96,4
С братьями и сестрами	0,7	2,4	96,9
С друзьями	–	0,7	99,3
С детьми	–	0,6	99,4
На работе	–	0,2	99,8

Чулымский язык бесписьменный, его разработке и введению в программы школ в советский период препятствовало то, что чулымцы числились тогда хакасами. В то же время хакасский литературный язык весьма далек от местных диалектов, да никто и не пытался его здесь внедрять. В настоящее время введению языка в программы школ мешает дисперсный характер расселения чулымцев (в большинстве поселков чулымцы составляют незначительный процент населения), так и далеко зашедшие процессы языковой ассимиляции (на этом языке не говорят не только дети, но и поколение родителей этих детей).

Тофалары

Исследования в трех тофаларских поселках, находящихся в Саянах на юге Нижнеудинского района Иркутской области, Алыгджере, Нерхе и Верхней Гутаре, проводились четырежды: в 1985, 1995, 2005 и 2015 гг. [Кривоногов, 1987, с. 81; 2008а, с. 3–4; 2018а, с. 1274–1275]. Каждый раз опросом охватывалось 100 % тофаларского населения. Несмотря на некоторое преобладание тофаларов в численности в своей горной стране, все же все три поселка – смешанные по национальному составу (в Алыгджере тофаларов несколько менее половины, в двух других около

2/3), и языком межнационального общения является русский язык. Четыре последовательных опроса показали непрерывное снижение всех показателей по тофаларскому языку (табл. 17). Уже перепись 1979 г. показала, что родным языком признают тофаларский немногим более половины тофаларов по Иркутской области – 53,6 % [Численность и состав населения СССР... 1985, с. 93]. С 1990-х гг. изучение тофаларского языка было включено в программу начальных классов, но ситуация не изменилась. Тофаларский язык быстро уходит из жизни и заменяется русским [Кривоногов, 1998с, с. 34–37; 2016b, с. 130–136; 2018а, с. 1286–1291]. Тофалары не признают его родным, мало применяют его в своей речи (табл. 18). В настоящее время лишь 5,9 % тофаларов признали его родным, а используют его в общении всего 0,5 %. Если в 1985 г., во время первой экспедиции ученых в Тофаларию, тофаларская речь была слышна на улицах поселков, в магазине и т. д., то в 2015 г., в последний приезд исследователей, ее ни разу не удалось услышать. В Верхней Гутаре два последних оленевода – братья Холямоевы, Валерий и Вячеслав, которые хорошо знают язык, – признались, что в тайге, около своего стада, они общаются между собой на тофаларском языке, но когда посещают поселок, оба сразу же переходят на русский.

Таблица 17

**Родной язык тофаларов
(по данным опросов, в %)**

Годы	Родной язык		
	тофаларский	тофаларский и русский	русский
1985	29,9	5,0	65,1
1995	16,1	5,3	78,6
2005	8,3	4,5	87,2
2015	3,3	2,6	94,1

Таблица 18

**Основной разговорный язык тофаларов
(по данным опросов, в %)**

Годы	Основной разговорный язык		
	тофаларский	тофаларский и русский	русский
1985	6,9	6,8	86,3
1995	2,8	4,8	92,4
2005	0,3	1,2	98,5
2015	—	0,5	99,5

Между тремя поселками есть небольшие различия в уровне знания тофаларского языка, но они не принципиальны, и снижение показателя наблюдается от опроса к опросу во всех поселках.

Показатели по родному языку согласуются с данными по степени владения тофаларским

языком (табл. 19). В 1985 г. свободно владел тофаларским языком только один из четырех, а к настоящему времени таких осталось лишь 3,3%. Что касается русского языка, то им овладели практически все тофалары.

Таблица 19

**Степень владения тофаларским языком
(по данным опросов, в %)**

Годы	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1985	25,1	8,7	7,9	18,7	39,6
1995	14,4	5,1	9,0	18,4	53,1
2005	9,2	3,3	7,1	15,5	64,9
2015	3,3	1,5	5,0	12,2	78,0

Показатели по степени владения тофаларским языком, распределенные по возрастным группам, указывают на то, что не только среди детей, но и

среди лиц среднего возраста владеющих языком практически нет (табл. 20).

Таблица 20

**Степень владения тофаларским языком в разных возрастных группах
(по данным опроса 2015 г., в %)**

Возраст	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
70 и старше	66,7	33,3	—	—	—
60–69	29,3	12,2	14,6	24,4	19,5
50–59	9,9	4,2	22,5	33,8	29,6
40–49	1,9	—	13,2	32,1	52,8
30–39	—	0,8	2,4	16,3	80,5
20–29	—	—	0,9	7,3	91,8
10–19	—	—	—	1,5	98,5
До 10	—	—	—	—	100

В абсолютных показателях число свободно владеющих тофаларским языком упало до 22 человек. Носители языка находятся в пожилом

возрасте, они опасаются, что с их уходом судьба языка будет предрешена.

Русский язык преобладает как в общении с представителями других национальностей, так и внутри тофаларских семей. Чаще всего тофаларский язык используется в общении с родителями, однако и эти показатели упали ниже 10 %

(табл. 21). В других ситуациях использование тофаларского языка упало до 1–2 % от числа опрошенных. В младших возрастных группах этот язык не используется вовсе.

Таблица 21

**Использование чулымцами основных языков региона в разных ситуациях
(по данным опроса 2016 г., в %)**

Используют в общении	Языки		
	тофаларский	тофаларский и русский	русский
С родителями	1,8	6,8	91,4
С супругами	0,3	1,8	97,9
С братьями и сестрами	0,8	2,6	96,6
С друзьями	–	3,9	96,1
С детьми	–	0,7	99,3
На работе	–	1,7	98,3

Введение изучения тофаларского языка в начальных классах к концу советского периода не смогло изменить ситуацию, эти меры оказались запоздалыми и недостаточными для изменения ситуации в лучшую сторону.

Сойоты

Сойоты проживают в основном в Окинском районе на крайнем западе Бурятии и составляют в этом районе немного менее 40 % населения, остальные – буряты (иных национальностей, в том числе русских, менее 2 %). В одном из четырех поселений (бывших сельсоветов) района (именуемом Сойотским) сойоты составляют большинство, в остальных трех сойоты в меньшинстве, там больше бурят. Характер расселения в районе смешанный, в основном буряты и сойоты живут вперемешку в одних и тех же поселках [Кривоногов, 2018b, с. 35–36; 2020, с. 44–45].

Сойоты еще век назад почти полностью забыли свой язык [Кривоногов, 2018b, с. 33; Кривоногов, 2020, с. 47–49; Павлинская, 2002; Петри, 1927] и стали бурятоязычными. Одновременно шло усвоение, в основном через школу, русского языка, и к концу XX в. сойоты стали двуязычными, свободно владея бурятским и русским языками. Согласно нашему опросу, 93,9 % сойотов назвали родным бурятский язык, 5,7 % – сразу два языка, бурятский и русский, и 0,4 % – русский. В последнем случае речь идет о тех немногих сойотах, чье детство прошло вне Бурятии.

Основной разговорный язык у 83,3 % опрошенных сойотов (то есть язык, который исполь-

зуют чаще) бурятский, одинаково интенсивно сразу два языка используют 14,0 %, 2,7 % чаще пользуются русским.

Степень владения сойотами бурятским языком исключительно высока, 97,7 % опрошенных владеют им свободно, 1,5 % – с некоторыми затруднениями и лишь 0,8 % – со значительными затруднениями (в последнем случае речь идет о детях, которые родились за пределами Бурятии). Не встретилось ни одного сойота, который бы вообще не понимал бурятский язык (табл. 22). Русский язык для большинства сойотов – не родной, а второй, и степень владения им несколько ниже, чем бурятским. Однако большинство – 72,6 % – опрошенных владеют им свободно. Еще 20,5 % владеют им с некоторыми затруднениями, 4,9 % – со значительными затруднениями, 0,4 % – только понимают, но не говорят и 1,5 % – совсем не владеют. Хуже всего владеют русским языком старики (старше 70 лет – 40 % владеют им свободно, 60 % – с затруднениями), а также дошкольники, которые еще не начали изучать русский язык [Кривоногов, 2018c]. Лучше всего владеют русским языком в районном центре, где концентрируется максимальное количество специалистов с высшим образованием (здесь владеют русским языком свободно 84,9 % сойотов, частично – 14,3 %, не владеют совсем – 0,8 %). В Сойотском поселении, где в основном занимаются сельским хозяйством, показатели ниже (владеют свободно 59,7 %, частично – 37,8 %, не владеют совсем – 2,5 %).

Таблица 22

**Степень владения бурятским языком в разных возрастных группах сойотов
(по данным опроса, в %)**

Возраст	Степень владения языком		
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями
70 и старше	100	—	—
60–69	96,4	3,6	—
50–59	100	—	—
40–49	100	—	—
30–39	100	—	—
20–29	100	—	—
10–19	96,3	1,9	1,8
до 10	94,4	3,7	1,9

Таблица 23

Степень владения русским языком в разных возрастных группах сойотов (по данным опроса, в %)

Возраст	Степень владения русским языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
70 и стар.	46,7	46,7	6,6	—	—
60–69	60,7	35,7	3,6	—	—
50–59	67,8	28,6	3,6	—	—
40–49	75,0	16,7	8,3	—	—
30–39	72,2	27,8	—	—	—
20–29	93,3	6,7	—	—	—
10–19	88,9	9,3	1,8	—	—
До 10	61,1	18,5	11,1	1,9	7,4

В разных сферах общения сойоты используют либо исключительно бурятский язык, либо (реже) два языка – русский и бурятский. Лишь единицы используют только русский язык. В последнем случае это чаще всего те, кто провел детство за пределами Бурятии, в русской среде. При общении со своими родителями 80,2% опрошенных сойотов используют бурятский язык, 18,3% – русский и бурятский и лишь 1,5% – русский. Русский язык или два языка используют в основном дети, чаще – в районном центре. При общении с братьями и сестрами 82,9% используют бурятский язык, 15,1% – два языка, 2,0% – русский язык. В общении с друзьями 59,5% используют бурятский язык, 36,4% – два языка, 4,1% – русский язык. В разговоре со своими супругами используют в основном только бурятский язык – 84,0%, два языка – 15,2%, в основном русский – 0,8%. В общении со своими детьми бурятский язык используют 69,7%, два языка – 28,0%, русский язык – 2,3%. Гораздо шире русский язык используется на производстве. С коллегами по работе говорят в основном по-бурятски 34,7%, на двух языках – 59,6%, на русском – 5,7%. Как видим,

в общении внутри семьи преобладает бурятский язык, во внешнем общении – на работе, с друзьями – расширяется использование русского, растет значение двуязычия.

В 1990-е гг., в процессе восстановления сойотской идентичности, была сделана попытка реанимации давно забытого сойотского языка. Лингвистами была разработана письменность, подготовлены учителя, и началось преподавание в школе Сойотского поселения. Тем не менее в настоящее время нет практически ни одного сойота, который бы в результате этих мер свободно овладел языком. Нашлись лишь единицы, которые после прохождения курса сойотского языка в школе смогли определить свою компетенцию как «владею со значительными затруднениями» (знают несколько десятков слов, несколько фраз, но связно говорить не научились) и «понимаю, но не говорю» (понимание также весьма относительное – понимание ограниченного количества слов). Всего по выборке (старше 7 лет) 1,1% опрошенных (степень компетенции детей определяли родители) оценили свои знания как «владею со значительными затруднениями», 5,0%

остановились на варианте ответа «понимаю, но не говорю». Остальные 93,9% совсем не владеют сойотским языком. Так как сойотский язык был внедрен не во все школы района, а лишь в Сойотском поселении, имеет смысл обратиться к компетенции только тех, кто учил этот язык в школе. Через обучение языку в школе прошли 18,3% всех сойотов старше 7 лет. Однако изучать – не значит овладеть. Из тех, кто прошел курс языка в школе, лишь 4,9% посчитали, что владеют этим языком со значительными затруднениями, еще 22,0% начали немного понимать, а 73,2% признались, что этим языком не овладели совсем. Те, кто в какой-то степени овладел сойотским языком, нигде его не используют, кроме уроков сойотского языка в школе. Тем не менее 12,4% опрошенных старше 7 лет отметили, что научились немного читать на сойотском языке (53,7% от числа тех, кто учил сойотский язык в школе, и 3,3% тех, кто не учил). Показатели неплохие, более половины тех, кто учил язык, вроде бы научились читать. Однако, как выяснилось, есть расхождения между понятиями «читать» и «понимать» текст. Некоторые респонденты признались, что несложные тексты из учебника они, в принципе, могут прочитать, а вот понять – далеко не всегда или не полностью. Так что на самом деле успехи в обучении сойотскому языку намного скромнее.

В школах района идет обучение детей и на русском, и на бурятском языках. Среди опрошенных сойотов обнаружилось лишь 10,3%, не изучавших по разным причинам бурятский язык в школе, остальные учили его в начальных классах – 5,2%, до 9 класса – 7,1%, до 11 класса – 77,4%. В результате 92,0% сойотов старше 7 лет могут читать и писать на бурятском языке, 4,9% – только читать и лишь 3,1% не могут читать и писать на этом языке (те, кто школьные годы провели вне Бурятии). А вот русской письменностью владеют практически все (99,6% старше 7 лет могут писать и читать, 0,4% – только читать).

Подводя итоги, можно говорить о далеко зашедших процессах языковой ассимиляции у всех народов означенного региона, причем у сойотов эта ассимиляция завершилась еще в первой половине XX в. Попытки возродить сойотский язык через школу пока что не привели к заметным результатам. Число владеющих свободно своим языком среди детей упала до нуля, и лишь часть детей эвенков владеет им с большим затруднением. Введение родных языков в программы школ у тофаларов, кетов (в начальных классах) и эвенков (вплоть до старших классов) проблемы с языком не решает. Главной причиной языковой

ассимиляции стал смешанный характер расселения, который превратился в реальность для малочисленных народов после перехода к оседлости в середине XX в. Оседание в поселках в условиях значительного преобладания иноязычного населения сделало невозможным прежний уровень использования родных языков. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что языковая ассимиляция в среде исследуемых народов приняла необратимый характер.

Литература

- Андреева Т. Е., Стручков К. Н. О функционировании эвенкийского литературного языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 20–23.
- Кривоногов В. П. К современной этнической ситуации в Тофаларии // Советская этнография. 1987. № 5. С. 81–89.
- Кривоногов В. П. Этническая ситуация на Среднем Чулыме // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 22–31.
- Кривоногов В. П. Русскоязычные метисы? // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997а. С. 148–161.
- Кривоногов В. П. Языковая трансформация у коренных народов Средней Сибири // Россия и Восток: традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Омск, 1997б. С. 174–179.
- Кривоногов В. П. Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та, 1998а. 88 с.
- Кривоногов В. П. Изменения в этнической ситуации на Среднем Чулыме // Этносоциальные процессы в Сибири. 1998б. Вып. 2. С. 138–146.
- Кривоногов В. П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та, 1998с. 320 с.
- Кривоногов В. П. Этнические процессы у кетов // Россия: исследования по социально-политической истории, историографии и демографии. Красноярск: Универс, 1999. С. 161–191.
- Кривоногов В. П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та, 2001а. 107 с.
- Кривоногов В. П. Трансформация культуры эвенков // География на службе науки, практики и образования. Красноярск, 2001б. С. 238–246.
- Кривоногов В. П. Изменения в этнических процессах у западных эвенков в конце XX века // Исторический ежегодник. Спец. выпуск. 2001. С. 101–103.
- Кривоногов В. П. Чулымские тюрки // Народы Западной и Средней Сибири: культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002. С. 251–277.

- Кривоногов В.П.** Кеты: десять лет спустя (1991–2001 гг.). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та, 2003. 200 с.
- Кривоногов В.П.** Изменения в культуре и этнические процессы у чулымцев // Енисейская провинция. 2007. №3. С. 104–111.
- Кривоногов В.П.** Тофалары: три шага в будущее. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та, 2008а. 198 с.
- Кривоногов В.П.** Чулымцы в начале XXI века. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та, 2008b. 147 с.
- Кривоногов В.П.** Этнические процессы у кетов в начале XXI века (опыт интервальных исследований) // Вестник Томского гос. ун-та. 2016а. №6 (44). С. 152–161.
- Кривоногов В.П.** Современные тофалары (опыт интервальных исследований) // Новые исследования Тувы. 2016b. №3. С. 122–145.
- Кривоногов В.П.** Чулымцы в XXI веке (опыт интервальных исследований) // Северные архивы и экспедиции. 2017. №3. С. 44–60.
- Кривоногов В.П.** Оленные люди, живущие возле озера Байкал: процессы этнокультурной идентичности современных тофаларов // Журнал Сибирского фед. ун-та. Гуманитарные и социальные науки. 2018а. Т. 8. №11. С. 1274–1300.
- Кривоногов В.П.** Современные этнические процессы у сойотов // Северные архивы и экспедиции. 2018b. Т. 2. №4. С. 33–43.
- Кривоногов В.П.** (в соавт.). Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры: монография / А.Е. Амосов, М.И. Букова, Е.А. Евсеенко [и др.]. Красноярск: СФУ, 2018с. 246 с.
- Кривоногов В.П.** К вопросу об этнической самоидентификации сойотов Бурятии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. №4 (28). Серия: История. Вып. 8. С. 43–50.
- Павлинская Л.В.** Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2002. 259 с.
- Петри Б.Э.** Оленеводство у карагас. Иркутск: Типография изд. «Власть труда», 1927. 44 с.
- Томилов Н.А.** Чулымские тюрки в конце XVI – первой половине XIX в. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1987. С. 145–176.
- Численность и состав населения СССР:** по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1985. 366 с.
- Chislennost i sostav naseleniya SSSR:** po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 g. Moscow: Finansy i statistika, 1985. 366 pp.
- Krivanogov V.P.** K sovremennoi etnicheskoi situatsii v Tofalarii. *Sovetskaya etnografiya*. 1987. №5. Pp. 81–89.
- Krivanogov V.P.** Etnicheskaya situatsiya na Srednem Chulyme. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1994. №3. Pp. 22–31.
- Krivanogov V.P.** Russkoyazychnye metisy? In: *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti*. Novosibirsk: Izdatelstvo In-ta arkheologii i etnografii Sib. otd. Ros. acad. nauk, 1997a. Pp. 148–161.
- Krivanogov V.P.** Yazykovaya transformatsiya u korennykh narodov Srednei Sibiri. In: *Rossiya i Vostok: traditsionnaya kul'tura, etnokulturnye i etnosocialnye protsessy*. Omsk, 1997b. Pp. 174–179.
- Krivanogov V.P.** Kety na poroge III tysyacheletiya. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta, 1998a. 88 pp.
- Krivanogov V.P.** Izmeneniya v etnicheskoi situatsii na Srednem Chulyme. In: *Etnosotsialnye processy v Sibiri*. 1998b. Vyp. 2. Pp. 138–146.
- Krivanogov V.P.** Etnicheskie processy u malochislennykh narodov Srednei Sibiri. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta, 1998c. 320 pp.
- Krivanogov V.P.** Etnicheskie processy u ketov / Krivanogov V.P. In: *Rossiya: issledovaniya po socialno-politicheskoi istorii, istoriografii i demografii*. Krasnoyarsk: Univers, 1999. Pp. 161–191.
- Krivanogov V.P.** Zapadnye evenki na rubezhe tysyacheletii. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta, 2001a. 107 pp.
- Krivanogov V.P.** Transformatsiya kultury evenkov. In: *Geografiya na sluzhbe nauki, praktiki i obrazovaniya*. Krasnoyarsk, 2001b. Pp. 238–246.
- Krivanogov V.P.** Izmeneniya v etnicheskikh protsessakh u zapadnykh evenkov v kontse XX veka. In: *Istoricheskii ezhegodnik. Spec. vypusk*. 2001c. Pp. 101–103.
- Krivanogov V.P.** Chulymskie tyurki // *Narody Zapadnoi i srednei Sibiri: kul'tura i etnicheskie protsessy*. Novosibirsk: Nauka, 2002. Pp. 251–277.
- Krivanogov V.P.** Kety: Desyat let spustya (1991–2001 gg.). Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta, 2003. 200 pp.
- Krivanogov V.P.** Izmeneniya v kulture i etnicheskie protsessy u chulymtsev. *Eniseiskaya provintsiya*. 2007. №3. Pp. 104–111.
- Krivanogov V.P.** Tofalary: tri shaga v budushchee. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta, 2008a. 198 pp.
- Krivanogov V.P.** Chulymtsy v nachale XXI veka. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta, 2008b. 147 pp.
- Krivanogov V.P.** Etnicheskie protsessy u ketov v nachale XXI veka (opyt intervalnykh issledovaniy). *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*. 2016a. №6 (44). Pp. 152–161.

References

- Andreeva T.E., Struchkov K.N.** O funktsionirovanii evenkiiskogo literaturnogo yazyka. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. №7–2. Ch. II. Pp. 20–23.

- Krивonogov V.P.** Sovremennyye tofalary (opyt intervalnykh issledovaniy). *Novye issledovaniya Tuvy*. 2016b. №3. Pp. 122–145.
- Krивonogov V.P.** Chulymsy v XXI veke (opyt intervalnykh issledovaniy). *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 2017. №3. Pp. 44–60.
- Krивonogov V.P.** Olennyye lyudi, zhivushchie voze ozera Baikal: protsessy etnokulturnoi identichnosti sovremennykh tofalarov. *Zhurnal Sibirskogo fed. un-ta. Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*. 2018a. T. 8. №11. Pp. 1274–1300.
- Krивonogov V.P.** Sovremennyye etnicheskie protsessy u soiotov. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 2018b. T. 2. №4. Pp. 33–43.
- Krивonogov V.P.** (v soavt.). Novyye proekty dlya vozrozhdeniya evenkiiskogo yazyka i kultury: monografiya / Amosov A.E., Bukova M.I., Evseenko E.A. [i dr.]; Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo fed. un-ta, 2018c. 246 pp.
- Krивonogov V.P.** K voprosu ob etnicheskoi samoidentifikatsii soiotov Buryatii. *Nauchnoye obozrenie Sayano-Altaya*. 2020. №4. Pp. 43–50.
- Pavlynskaya L.V.** Kochevniki golubyykh gor. Sudba traditsionnoy kultury narodov Vostochnykh Sayan v kontekste vzaimodeystviya s sovremennostyu. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Evropeiskii Dom», 2002. 259 pp.
- Petri B.E.** Olenevodstvo u karagas. Irkutsk: Tipografiya izd. «Vlast truda», 1927. 44 pp.
- Tomilov N.A.** Chulymskie tyurki v kontse XVI – pervoi polovine XIX vv. In: Problemy proiskhozhdeniya i etnicheskoi istorii tyurkskikh narodov Sibiri. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gos. un-ta, 1987. Pp. 145–176.

DOI 10.52782/KRIL.2022.4.36.006
УДК 94 (571.513)"19"

ОТ ПИОНЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ – К ВОЛОНТЕРСКОМУ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАСИИ)

Н. Н. Медведева

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, пр. Ленина, 92, Абакан, 655017, Россия;
email: medvedevann18@mail.ru

Волонтеры – это настоящие люди,
в которых не погибла человечность.
(Из ответов анкетированных студентов
ХГУ им. Н. Ф. Катанова).

В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников рассматривается эволюция волонтерского движения в современной России, начиная со скаутов. Основное внимание уделено становлению Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, ее роли в патриотическом воспитании советских школьников. Пионеры, называвшие себя тимуровцами, стали непосредственными предшественниками современных волонтеров. Деятельность пионеров-тимуровцев рассматривается на примере Хакасии.

Ключевые слова: пионерское движение, тимуровское движение, волонтерское движение, Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина, Хакасия.

FROM THE PIONEER TO THE VOLUNTEER MOVEMENT

N. N. Medvedeva

N. F. Katanov Khakass State University, 92 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russia; email: medvedevann18@mail.ru

Based on archival materials and published sources, the article examines the evolution of the volunteer movement in modern Russia, starting with scouts. The main attention is paid to the formation of V. I. Lenin All-Union Pioneer Organization, its role in the patriotic education of Soviet schoolchildren. The pioneers, who called themselves the Timurovites, became the immediate predecessors of modern volunteers. The Pioneers-Timurovites' activities are considered on the example of Khakassia.

Keywords: pioneer movement, Timur movement, volunteer movement, V. I. Lenin All-Union Pioneer Organization, Khakassia.

В 2022 г. свою вековую дату со дня основания отмечает Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина – самая массовая детская организация, просуществовавшая в Советском Союзе не один десяток лет. Однако следует помнить, что у советских пионеров были предшественники в лице скаутов. Главная цель скаутского движения, оформившегося в Англии на рубеже XIX–XX вв., – воспитать у подрастающего поколения преданность своей стране.

В деятельности скаутских групп широко использовались игровые моменты в виде торжественных красочных церемоний, романтических и привлекательных для подростков. Свою программу европейские скауты осуществляли через сборы, соревнования, экскурсии, походы, ежегодные лагерные сборы, участие в благотворительной деятельности.

Возникновение скаутских организаций в дореволюционной России относится к 30 апреля 1909 г., когда в пригороде Санкт-Петербурга был создан первый отряд русских скаутов «Бобер». Создателем движения русских скаутов был Олег Иванович Пантюхов – российский офицер, автор «Памятки юного разведчика». Преподаватель Александровского юнкерского военного училища Григорий Алексеевич Захарченко, написавший первую книгу о русских скаутах, создал скаутинг в Москве и ввел в оборот новый термин «разведчик» вместо не совсем понятного слова «скаут» [Медведева, Федоров, 2019, с. 11–12].

Скаутское движение в России стало очень популярным среди подростков, уже в 1917 г. в 143 городах насчитывалось 50 тыс. скаутов, их программа во многом напоминала аналогичную программу европейских скаутов. В ходе революционных событий 1917 г. в рядах российских скаутов произошел раскол: значительная их часть выступила на стороне Белого движения – это были так называемые «белые» скауты, другая часть поддержала сторонников большевизма – «красные» скауты [Медведева, Федоров, 2019, с. 11–12].

В годы Гражданской войны российские скауты помогали разыскивать бездомных детей, организовывали отряды детской милиции и оказывали социальную помощь. Скаутское движение, просуществовавшее в Советской России до 1926 г., при новой власти было обречено на уход с исторической арены по идеологическим причинам. Скаутизм, по мнению большевиков, – буржуазное явление, неприемлемое для советских детей. Однако идеи скаутинга оказались настолько привлекательными для школьников

страны Советов, что, кардинально изменив его идеологию, партийное руководство рекомендовало использовать скаутские методы воспитания в форме пионерского движения. Эту идею горячо поддержала Н. К. Крупская – видный партийный и общественный деятель, педагог-марксист.

Первые пионерские отряды появились в феврале – апреле 1922 г. в разных промышленных районах Москвы. 19 мая 1922 г. II Всероссийская конференция РКСМ (Российского коммунистического союза молодежи) приняла решение о повсеместном создании пионерских отрядов. Этот день стал отмечаться советскими детьми как день рождения пионерской организации. В первые годы ее существования пионеры, как и скауты, совместно с комсомольцами боролись с беспризорностью, участвовали в коммунистических субботниках, помогали в уборке урожая, собирали средства на строительство детских домов.

В Хакасии, которая в дореволюционный период входила в состав Минусинского уезда Енисейской губернии, скаутского движения не существовало, о скаутах, вероятнее всего, значительная часть местного населения и не знала. Причины тому были разные: отдаленность от центра страны, отсутствие подготовленных педагогических кадров, низкий уровень образования и, как следствие, – отсутствие интереса к политике и политизированным организациям.

По мере укрепления Советской власти на местах происходили серьезные изменения в русле большевистской идеологии. 24 июля 1925 г. ЦК РКП(б) принял специальное постановление «О пионерском движении», призванное активизировать создание детских политизированных организаций, которые, по мнению советского руководства, должны были укрепить завоевания Октября. Коммунистам и комсомольцам рекомендовалось развивать пионерское движение, «продолжая планомерное расширение организаций преимущественно за счет деревни и детей коренных национальностей нацобластей» [Директивы... 1959, с. 13]. Указанное постановление способствовало быстрому росту численности пионеров во всех национальных регионах СССР, в том числе и в отдаленной Хакасии. Накануне Великой Отечественной войны Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина объединяла в своих рядах 10 млн детей в возрасте 10–15 лет, поддерживавших, скорее всего, еще неосознанно в силу возраста, идеологию правящей партии под контролем Ленинского комсомола [Медведева, Федоров, 2019, с. 16].

Пионерские отряды в Хакасии оформились в начале 1920-х гг. Один из первых отрядов численностью в 15 человек был организован уже в июне 1922 г. в Черногорских коях. В с. Чебаки Ширинского района отряд юных пионеров с общим числом 60 человек был создан в 1925 г. В январе 1927 г. в Хакасии уже насчитывалось 45 пионерских отрядов, которые объединяли 1 146 пионеров [Медведева, 2020, с. 258].

Но пионерское детство советских школьников было отнюдь не беззаботным. Вступая в ряды этой организации и повязывая красный галстук, 10-летние ребята клялись быть верными Родине, чтить идеи коммунизма, любить Отечество, брать пример с героев войны и труда, быть интернационалистами. Стране, строившей прогрессивное социалистическое общество, нужны были идейные, ответственные, высоконравственные люди, думающие в первую очередь о благополучии Родины. Поэтому пионеры должны были, наряду со взрослыми, участвовать в социалистическом строительстве. В предвоенные годы «юные помощники строительства социализма» в Абакане безвозмездно трудились на закладке парка «Орленок», ставшего любимым местом отдыха горожан, на строительстве железнодорожного клуба, выезжали на уборку урожая, вели атеистическую работу, т.е. выполняли большую общественно полезную работу.

С началом Великой Отечественной войны вся страна жила, ориентируясь на партийный лозунг «Все для фронта! Все для Победы!». Дети не остались в стороне от общей трагедии, сплотившей все население СССР. Примером самоорганизации школьников, нацеленных на безвозмездную помощь людям, нуждавшимся в ней, стала тимуровская команда из повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда». Так развернулось патриотическое движение, участники которого в условиях военной реальности отошли от игровых моментов, характерных для начального этапа становления тимуровского движения. Советские школьники без шалости, по-взрослому рассматривали тимуровскую работу как свой личный вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков. Летом 1941 г. она охватила практически всю страну, став феноменом общественно-политической жизни. Хакасия не осталась в стороне от общесоюзной акции создания тимуровских отрядов на базе школ автономной области. Руководство этим процессом осуществлял Абаканский городской комитет ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи, или комсомол). Горком комсомола ежедневно предоставлял соз-

даваемым тимуровским командам адреса фронтовиков, семьям которых нужна была помощь тимуровцев [Мамышева, Медведева, 2020, с. 143]. Тоталитарная система жестко контролировала всю общественно-политическую жизнь страны и не могла допустить, чтобы детское и подростковое движение развивалось на принципах самоорганизации, без партийно-комсомольского надзора. Среди активных тимуровцев выделялись команды абаканских школ № 1, № 2, № 10, № 11, № 30 [Медведева, Федоров, 2019, с. 30].

Вклад советских школьников, объединенных в тимуровские команды, в дело разгрома фашизма колоссален, неслучайно в современном обществе поднимается вопрос о необходимости принятия федерального закона «Дети войны», который бы четко определил статус целого поколения советских людей, рожденных в предвоенное и военное время (с 22 июня 1928 г. по 3 сентября 1945 г.) [Мамышева, Медведева, 2020, с. 142].

Длительное время в общественном сознании советских людей понятие «тимуровец» ассоциировалось с понятием «пионер», а тимуровское движение отождествлялось с пионерским. В настоящее время благодаря новейшим исследованиям по данной проблеме внесены четкие определения в понятия «пионерское движение» и «тимуровское движение».

Доктор исторических наук, профессор В. А. Кудинов в своей диссертации «Общественные организации детей и молодежи в России в XX веке» доказывает, что, хотя тимуровское движение и называлось пионерским, пионером-тимуровцем к началу войны был лишь каждый четвертый из 20 миллионов детей пионерского возраста. Он приводит данные о том, что из-за формализма в организации работы многие дети массово выходили из рядов пионерии, но вместе с тем продолжали участвовать в тимуровском движении. К 1945 г., по его данным, тимуровцами в СССР были порядка 3 млн школьников [Кудинов, 1994, с. 172].

Другой исследователь А. Н. Балакирев приводит статистику, характеризующую отношение детей к пионерии и тимуровцам на примере Бурятии: там за годы войны количество пионеров сократилось в 5 раз, но при этом численность тимуровских организаций, напротив, увеличилась в 3 раза и достигла 25 тыс. человек [Балакирев, 2014, с. 21]. Такое положение дел отмечалось не только в Бурятии, но и в других регионах страны.

В 1940-е гг. повсеместно в рядах тимуровцев было немало детей, которые не являлись членами

пионерской организации. Это происходило, скорее всего, из-за тяжелейших условий военного времени, когда у наставников – комсомольцев и старших вожатых – не было ни возможности, ни времени, ни физических сил, чтобы вовлечь тимуровцев в ряды пионерии. Ведь существовал целый ритуал принятия в пионерскую организацию: школьник должен был тщательно подготовиться к вступлению, в торжественной обстановке давая торжественное обещание.

Пионеры-тимуровцы Хакасии, как и всей страны, в военные годы оказывали неоценимую помощь советским гражданам в тылу и на фронте. В условиях острого дефицита рабочих рук, вызванного мобилизацией взрослого населения на фронты войны, детская инициатива оказалась очень своевременной. А само тимуровское движение, возникшее стихийно, рассматривалось в обществе как проявление патриотизма детей в военных условиях, когда весь советский народ поднялся на борьбу с фашистскими захватчиками. Неслучайно историк А.Н. Балакирев подчеркивает, что «юные пионеры взяли на себя значительную часть тех титанических усилий, которые предпринимал советский народ для достижения победы над фашизмом» [Балакирев, 2014, с. 143].

В настоящее время, когда в исторической науке произошел отказ от партийных стереотипов в отношении детского тимуровского движения, изменились его оценки: от восторженного до критического. На определенном этапе началась эксплуатация Советским государством детского энтузиазма. Как справедливо пишет исследователь В.А. Кудинов: «...на заводах и фабриках работало свыше 3-х млн детей школьного возраста, в сельском хозяйстве – примерно 6 млн, в общей сложности 9 млн детей. На детей не распространялись положения о социальной защите: оплата больничных, увечье на производстве, выдача трудовых книжек» [Балакирев, 2014, с. 15]. В годы тяжелой войны привлечение школьников порой к очень тяжелому труду было распространенным явлением и в какой-то степени было оправданно. Но в послевоенный период пионеры и тимуровцы собирали металлолом, макулатуру, помогали с уборкой урожая и многое другое, по сути, выполняли народно-хозяйственный план. Колоссальное сокращение рабочих рук, вызванное массовыми репрессиями, людскими потерями в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, вынуждало Советское правительство искать источники бесплатной рабочей силы. «Поэтому обращались к энтузиазму молодежи, романти-

зируя трудные условия неквалифицированного труда. На бесплатный труд нацеливали и пионеров» [Кудинов, 1994, с. 196]. Учитывая просчеты в развитии тимуровского и пионерского движения, нельзя допустить, чтобы добровольный труд современных волонтеров был превращен в рутинную обязанность на безвозмездной основе, как это произошло с пионерами-тимуровцами.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в обстановке усилившегося культа личности Сталина, возобновившихся репрессий работа пионерских организаций замкнулась рамками школы, пионерская работа рассматривалась как часть учебной работы, что снижало интерес пионеров к общественно полезной деятельности. Произошли кардинальные изменения в статусе тимуровцев: их движение было официально объявлено «подвидом» пионерской деятельности и больше никогда не упоминалось как самостоятельное детское движение. Отныне деятельность тимуровского движения регламентировалась «Положением о Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина», тимуровцы руководствовались инструкциями, указаниями, решениями пленумов и съездов ЦК ВЛКСМ. Неслучайно в послевоенное двадцатилетие понятия «пионер» и «тимуровец» советскими людьми рассматривались как синонимы, в педагогической литературе, периодической печати теперь указывались только пионеры, из числа которых сложно вычленишь тимуровцев. По версии современных историков, у руководства партии и страны появились серьезные опасения по поводу того, что тимуровцы станут популярнее пионеров, что с идеологической точки зрения было недопустимо [Медведева, Федоров, 2019, с. 21–22].

В последующие годы тимуровское движение, являясь составной частью пионерского движения, становилось все более массовым, широким и по форме, и по содержанию. Коммунистической партией был выдвинут новый лозунг «Каждый пионер – тимуровец!». На практике это означало, что все пионеры, независимо от их желания, обязаны были стать членами тимуровских отрядов. К примеру, в 1978–1979 гг. в Аскизском районе Хакасии существовала 31 пионерская дружина, объединявшая 222 пионерских отряда и 4642 пионера, насчитывалось 147 тимуровских команд [Медведева, Федоров, 2019, с. 35]. Эти данные только по одному, отдельно взятому району Хакасии демонстрировали полную реализацию партийного лозунга «Каждый пионер – тимуровец!». Дружина имени Зои Космодемьянской Лесоперевалочной средней школы Аскизского

района брала на себя обязательство «Боремся за звание каждого отряда быть тимуровским». Такое обязательство становилось характерным для пионерских дружин во всех уголках Советского Союза.

В послевоенные годы тимуровцы Хакасии работали по разным направлениям, участвовали во всех всесоюзных акциях: «Пионерские рельсы – БАМу!» (сбор металлолома), «Поиск-75» – акция, приуроченная к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне и многие другие. Тимуровцы шефствовали над детскими садами: разучивали с детьми песни, стихи, танцы, игры. Но по-прежнему приоритетным направлением в их работе являлось оказание помощи ветеранам Великой Отечественной войны.

В настоящее время на смену пионерскому движению, деятельность которого прекратилась вместе с распадом СССР, пришло новое – волонтерское в соответствии с утвержденной в 2014 г. концепцией «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Медведева, Федоров, 2019, с. 5]. Наличие разработанных программ свидетельствует о том, что государственные структуры намерены всемерно поддерживать волонтерское движение в стране и регионах. О дальнейшей перспективе добровольческого движения свидетельствуют и данные социологических опросов: в стране количество граждан, вовлеченных в волонтерскую деятельность, увеличилось в два раза – с 20% в 2019 г. до 40% в 2021 г. Рост волонтерского движения связан с растущим числом социальных проблем, в решении которых волонтеры незаменимы. Спектр деятельности современных волонтеров существенно изменился по сравнению с советским периодом. Пандемия COVID-19 вывела волонтерскую деятельность на новый уровень: к ставшим уже традиционным видам деятельности добровольцев (экологическое волонтерство, «Волонтеры Победы», «Серебряные волонтеры» и др.) добавились волонтеры, оказывающие медицинскую и психологическую помощь людям, заболевшим коронавирусом. В современной России вновь появилась возможность использования позитивного опыта советских волонтеров. Как указывает исследователь А.В. Сычева: «Добровольчество в системе гражданского общества выступает помощником в фор-

мировании ценностных ориентаций молодежи, ориентиром для выбора способа участия в общественной жизни» [Сычева, 2016, с. 102].

В Республике Хакасия, как и по всей стране, используются различные формы волонтерского движения. Движение «Волонтеры Победы», оформившееся в 2015 г. накануне празднования 70-летней годовщины Великой Победы, на наш взгляд, является наиболее успешным в Хакасии. Штаб этого движения существует в 8 муниципальных образованиях республики. Традиционными акциями, в которых участвуют «Волонтеры Победы», являются «Георгиевская ленточка», «Свеча памяти», «День Героев Отечества» и др. В рамках указанных акций активисты волонтерского движения проводят большую просветительскую работу для населения, делая упор на патриотическое воспитание молодежи [Медведева, Федоров, 2019, с. 63–64].

Примером активного и успешного волонтера является Ольга Федоровна Бытотова, ведущий специалист по делам молодежи администрации Аскизского района. Вместе с 11 волонтерами из Хакасии она приняла участие в работе Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Сочи в 2017 г. По итогам работы Ольга Федоровна вошла в число 500 лучших волонтеров из 8000 добровольцев из разных регионов России. Она отмечена за творческий подход к обязанностям волонтера. Приобретенный опыт помогает ей успешно руководить развитием волонтерского движения в Аскизском районе [Медведева, Федоров, 2019, с. 70].

Таким образом, добровольческое движение в стране прошло в своем развитии через разные формы: от скаутизма, пионерского и тимуровского движения к волонтерству. В Хакасии пионерское движение совместно с тимуровским стало идейной основой современного волонтерства. Волонтерское движение в нашей стране становится более массовым и разнообразным по видам деятельности, по возрастному составу участников.

5 декабря в мире отмечается Международный день волонтерства, для России, по нашему мнению, днем волонтера может стать 19 мая, дата пока еще не забытая, как символ преемственности с советскими волонтерами.

Литература

- Балакирев А.Н.** Становление и развитие детского движения в Бурятии (1923–1991 гг.). Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2014. 194 с.
- Директивы** и постановления по вопросам пионерского движения. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1959. С. 13.
- Кудинов В.А.** Общественные движения и организации детей и молодежи в России в XX веке: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.01. Кострома, 1994. 366 с.
- Мамышева Е.П., Медведева Н.Н.** Дети войны – труженики тыла (на материалах Хакассской автономной области) // Феномен войны в историческом процессе: междисциплинарный дискурс: материалы Международной заочной научно-практической конференции (Абакан, 13–23 октября 2020 г.). Абакан: Изд-во Хакассского гос. ун-та, 2020. С. 142–147.
- Медведева Н.Н., Федоров И.В.** Волонтерство в Хакасии: история и современность (научно-популярное издание). Абакан: Изд-во Хакассского гос. ун-та, 2019. 100 с.
- Медведева Н.Н.** Советский опыт волонтерского движения (на примере Хакасии) // Известия Лаборатории древних технологий. Том 16. №3, 2020. С. 247–259.
- Сычева А.В.** Добровольчество как форма социально-политического участия молодежи в жизни общества / А.В. Сычева // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 4. С. 98–103.

References

- Balakirev A.N.** Stanovlenie i razvitie detskogo dvizheniya v Buryatii (1923–1991 gg.). Ulan-Ude: Buryatskii gos. un-t, 2014. 194 pp.
- Direktivy i postanovleniya po voprosam pionerskogo dvizheniya.** Moscow: Izd-vo Akademii ped. nauk, 1959. Pp. 13.
- Kudinov V.A.** Obshchestvennye organizatsii detei i molodyozhi v Rossii v XX veke: dissertatsiya na soiskanie uchyonoi stepeni doktora istoricheskikh nauk: 07.00.01. Kostroma, 1994. 366 pp.
- Mamysheva E.P., Medvedeva N.N.** Deti voyny – truzheniki tyla (na materialakh Khakasskoi avtonomnoi oblasti) / Fenomen voyny v istoricheskom protsesse: mezhdistsiplinarnyi diskurs: materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Abakan, 13–23 oktyabrya 2020 g.). Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta, 2020. Pp. 142–147.
- Medvedeva N.N., Fyodorov I.V.** Volontyorstvo v Khakasii: istoriya i sovremennost (nauchno-populyarnoe izdanie). Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta, 2019. 100 pp.
- Medvedeva N.N.** Sovetskii opyt volontyorskogo dvizheniya (na primere Khakasii). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. Tom 16. №3. 2020. Pp. 247–259.
- Sychyova A.V.** Dobrovol'chestvo kak forma sotsial'no-politicheskogo uchastiya molodezhi v zhizni obshchestva. *Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Gumanitarnye nauki*. 2016. Vyp. 4. Pp. 98–103.

ПАРТИЙНЫЕ КАДРЫ ГОРОДОВ И РАЙОНОВ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1960-е гг.

В. А. Печерский

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; <http://haknii.ru>; ORCID: 0000-0002-8969-0604

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием партийных кадров городов и районов Хакасии в 1960-е гг. В этот период шло омоложение номенклатурных кадров, инструкторами и секретарями парткомов становятся «дети войны», рожденные в 1930-е гг. Молодые партийные работники оживили деятельность КПСС, сумев преодолеть кризис второй половины 1950-х гг.

Ключевые слова: Хакасская автономная область, партийная номенклатура, кадровый вопрос, 1960-е гг.

PARTY PERSONNEL OF TOWNS AND DISTRICTS OF THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION IN THE 1960s

V. A. Pechersky

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; <http://haknii.ru>; ORCID: 0000-0002-8969-0604

The article considers issues related to the formation of party personnel of towns and districts of Khakassia in the 1960s. During this period, there was a rejuvenation of establishment – «children of war», born in the 1930s, became instructors and secretaries of party committees. Young party workers revived the activities of the Communist Party of the Soviet Union, having managed to overcome the crisis of the second half of the 1950s.

Keywords: Khakass Autonomous Region, party establishment, personnel issue, 1960s.

Шестидесятые годы – особая эпоха в истории нашей страны. Это было время надежд на лучшую жизнь, когда появилось поколение так называемых «шестидесятников», с оптимизмом смотревшее в будущее и определявшее общественное мнение того периода. Первая половина десятилетия была пиком хрущевской оттепели, когда процессы десталинизации набрали наивысшую силу. Вторая – начало брежневского «застоя», времени преодоления негативных тенденций предыдущей эпохи. Шестидесятые годы прошли под знаком принятой на XXII съезде КПСС Третьей программы КПСС, провозгласившей окончание строительства коммунизма к 1980 г. Достижение этой цели стало основной задачей партийной номенклатуры в исследуемую эпоху.

Изучению региональной номенклатуры в шестидесятые годы посвящены труды Ю.Г. Белоногова, А.С. Ващук, А.Б. Коновалова, С.В. Устинкина [Белоногов, 2013, с. 20–26; Ващук, 2018, с. 79–91; Коновалов, 2017, с. 150–155; Устинкин,

2012, с. 27–32]. В конце 1950-х гг. Коммунистическая партия Советского Союза переживала кризис, связанный с разоблачением «культа личности». Ниспровержение с политического Олимпа такой колоссальной фигуры, как И.В. Сталин, вызвало брожение умов, что выразилось в замедлении роста рядов партии. Названный кризис предстояло преодолеть партийным работникам в 1960-е гг.

После XX съезда КПСС был взят курс на демократизацию партийной жизни. Политика предусматривала широкое привлечение народных масс для участия в партийной работе. Так, в 1961 г. в Хакасском обкоме, горкомах и райкомах области работало 75 внештатных инструкторов, которые принимали участие в подготовке заседаний и вопросов, выносившихся на рассмотрение бюро и пленумов партийных комитетов. При горкомах и райкомах было создано 27 комиссий и экономических советов, в работе которых участвовало 296 человек. Например, при Таш-

типском райкоме были созданы промышленный и сельскохозяйственный отделы¹. При Абаканском горкоме было создано 10 советов (бригад и ударников коммунистического труда, по рационализации и изобретательству, по наглядной агитации и др.) и экономических комиссий (по промышленности, транспорту, строительству, торговле, по изучению и внедрению передового опыта по промышленности, строительству и транспорту и др.). В состав названных органов в Абакане входило 112 человек, из которых 48 были членами или кандидатами в члены партии.

Вовлечение в партийную деятельность значительного числа граждан, не являвшихся работниками парткомов, членами партии, положительно сказалось на росте численности партийных организаций. В 1962 г. в Хакасии было принято кандидатами в члены партии 801 чел., из них 458 – рабочих и колхозников, что составило 57,1 %. По сравнению с 1961 г. численность областной партийной организации в 1962 г. возросла на 717 чел., и к концу 1962 г. в Хакасии было 12 911 коммунистов и 1 103 кандидата в члены партии. На промышленных предприятиях, на транспорте, в строительстве, на предприятиях связи работало 5 983 коммуниста, или 42,7 % членов парторганизации области, в сельском хозяйстве трудилось 3 050 членов и кандидатов в члены партии, или 22 % всех коммунистов Хакасии. Женщин в составе облпарторганизации было 2 466, или 18 %. Коммунистов с высшим, неполным высшим и средним образованием было 4 207, или 30 %, число таковых увеличилось на 360 по сравнению с 1961 г.²

Партийные организации были заинтересованы не только в своем количественном росте, но и в качественном, что подразумевало, прежде всего, вовлечение в ряды партии рабочих и колхозников, которые в перспективе должны были стать коммунистами «первого сорта». Между тем с привлечением рабочих и колхозников в партийные ряды не все благополучно складывалось. В обкоме регулярно ставился вопрос о том, что отдельные партийные комитеты и первичные парторганизации не уделяют должного внимания отбору в члены партии животноводов и рабочих совхозов. К примеру, в Усть-Абаканском районе из 2 466 колхозников-коммунистов лишь 139 (5,6 %) были заняты в животноводстве, в Абазинском и Таштыпском совхозах на 180 рабочих-коммуни-

стов приходилось только 36 животноводов (20 %)³. В Хакасии животноводство, которым занималось преимущественно коренное население, было ведущей отраслью сельского хозяйства. В связи с этим обстоятельством вовлечение в состав партии животноводов – представителей хакасского этноса – приобретало характер важной пропагандистской акции, которая должна была свидетельствовать о положительных тенденциях в решении национального вопроса.

Не меньшее значение в структуре областной партийной организации придавалось росту образовательного и культурного уровня членов партии, в этой связи всячески поощрялось обучение коммунистов в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях.

Новые коммунисты были резервом для пополнения номенклатурных должностей. На 1 января 1964 г. в области было 2 должности первых секретарей горкомов – Абаканского и Черногорского, обе они были заполнены. Один был в возрасте от 36 до 40 лет, другой – 41–45 лет. Оба имели высшее техническое образование. В занимаемой должности один находился до 1 года, другой – от 1 до 3 лет. У одного общий стаж руководящей работы был от 5 до 10 лет, у другого – свыше 15 лет.

На эту дату также имелись в наличии 2 вторых секретаря горкомов. Один в возрасте 36–40 лет, другой – 46–50 лет. У одного было высшее педагогическое образование, у другого – неполное высшее. Один русский, другой украинец. Время пребывания в занимаемой должности у одного составляло от 1 года до 3 лет, у другого – от 3 до 5 лет. Общий стаж руководящей работы у одного от 5 до 10 лет, у другого свыше 15 лет.

Не столь опытны были секретари горкомов. Оба, находившиеся в возрасте 36–40 лет, занимали должность менее 1 года. Стаж руководящей работы у одного также не составлял и года, у другого – до трех лет⁴.

Таким образом, в исследуемый период кадры двух городских комитетов партии (Абаканского и Черногорского) в силу их малочисленности были укомплектованы полностью. Кадры были однородны по возрастному, демографическому и национальному составу.

Для районных комитетов КПСС, напротив, была характерна текучесть кадров. Архивные данные показывают, что, несмотря на полную кадровую укомплектованность в райкомах, секре-

¹ Национальный архив Республики Хакасия (далее – НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2771. Лл. 30–31.

² Там же. Лл. 35–36.

³ Там же.

⁴ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2991. Лл. 2–6.

тари недолго пребывали на своих должностях. Так, на 1 февраля 1965 г. 6 вакантных должностей первых секретарей райкомов ХАО были заняты. В возрасте 31–35 и 41–45 лет было по одному первому секретарю райкомов, по 2 – в возрасте 36–40 лет и 1 – 41–45 лет. Три руководителя парторганизаций районов были русские, 1 – украинец, 1 – хакас. У пяти первых секретарей было высшее образование, у одного – неполное высшее. Кроме того, четверо получили высшее партийное образование. Стаж руководящей работы во всех отраслях у одного секретаря составлял 5–10 лет, у двоих – свыше 15 лет, у троих – 10–15 лет. При этом все шестеро занимали данную должность менее 1 года¹.

Из 6 вторых секретарей райкомов на эту же дату были замещены все должности, в том числе две – женщинами. Три вторых секретаря принадлежали к возрастной категории 36–40 лет, два – 41–45 лет, один – 46–50 лет. Пять человек, занимавших эту должность, по национальности были русские, один – хакас. Высшее образование было у пяти вторых секретарей, у одного – неполное высшее, дипломами о высшем партийном образовании обладали три, в процессе получения такового был один. Стаж руководящей работы у двух составлял от 5 до 10 лет, у четырех – 10–15 лет. Все до одного вторые секретари, подобно своим руководителям, находились в должности менее 1 года².

Заполнены были и все вакансии секретарей райкомов, которых также было 6. 3 были в возрасте 31–35 лет, 2 – 36–40 лет, 1 – 40–45 лет. Все 6 секретарей были мужчинами, 4 – русские, 2 – хакасы. Высшее образование имели 3, неполное высшее – 2, среднее специальное – 1. Кроме этого, высшее партийное образование получили 3, неполное высшее партийное – у 1. На руководящей работе двое были от 5 до 10 лет, четверо – от 10 до 15 лет. Все пребывали в должности до 1 года³.

Во второй половине 1964 г. и в первой половине 1965 г. происходила смена партийных кадров. Эти процессы были вызваны снятием с должности Первого секретаря Н.С. Хрущева, произошедшим 14 октября 1964 г. на пленуме ЦК КПСС. Секретари райкомов Хакасии также попали под эту кампанию.

Новые руководители партийных организаций районов и их заместители, как видно из приве-

денных выше данных, были людьми достаточно образованными и имевшими опыт руководящей работы. К подбору партийных кадров подходили весьма ответственно.

Год спустя партийные кадры в Хакасии стабилизировались. На 1 февраля 1966 г. были заполнены все 7 вакансий первых секретарей райкомов. Шестеро из них занимали должность от 1 до 3 лет, и за прошедший год никто из руководителей районных партийных организаций не сменился.

Из 7 должностей вторых секретарей райкомов наличествовали все, среди них была одна женщина. В занимаемой должности 3 были менее одного года, 4 – от 1 года до 3 лет. За предыдущий год сменилось 2 вторых секретаря, 1 – получил более высокую должность, 1 – освобожден по семейным обстоятельствам, по болезни или уходу на пенсию.

Не было свободных вакансий и среди секретарей райкомов, из семи секретарей было 3 женщины, 2 – находились в должности до 1 года, 5 – от 1 года до 5 лет. За год сменился один секретарь⁴.

Если первые секретари не сменялись в течение года, то их заместители не могли столь же успешно закрепиться в должности. Зачастую второе-третье место в иерархии райкома было лишь очередной ступенью в карьере.

В обоих хакасских горкомах к 1 февраля 1966 г. секретарские должности также не пустовали. Из 2 первых секретарей один был в возрасте 36–40 лет, 1 – 41–45 лет. У одного общий стаж руководящей работы составлял 10–15 лет, у другого – свыше 15 лет. Оба имели высшее техническое образование. В занимаемой должности один находился от 1 до 3 лет, другой – 3–5 лет⁵.

Оба руководителя городских партийных организаций пребывали в должности относительно недавно, однако они были опытными, хорошо образованными руководителями, что позволяло им успешно справляться со своими обязанностями.

Из вторых секретарей один был в возрасте 31–35 лет, другой – 36–40 лет. У одного было высшее образование, у другого неполное высшее. Кроме этого, один уже имел высшее партийное образование. А другой находился в процессе получения такового. Один имел стаж руководящей работы 10–15 лет, другой – свыше 15 лет⁶.

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3070. Л. 9.

² Там же. Лл. 13–13 об.

³ Там же. Л. 14.

⁴ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3157. Лл. 8–10.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Лл. 3–3 об.

Особенностью корпуса секретарей горкомов было то, что обе должности занимали женщины. Одной было от 36 до 40 лет, другой – 41–45 лет. Одна получила высшее сельскохозяйственное образование, у другой было неполное высшее педагогическое. Обе пребывали в должностях от 1 до 3 лет, а общий стаж руководящей работы у обеих был 10–15 лет¹.

Поскольку численность городского населения в 1960-е гг. росла, численность сельского же, напротив, уменьшалась, городские партийные комитеты играли все большую роль в социально-экономической и общественной жизни области. Сменяемости кадров горкомов следует уделить особое внимание.

Таблица 1

Укомплектованность и сменяемость инструкторов Абаканского горкома КПСС с 1962 по 1967 г.*

Дата	Всего должностей	В т. ч. женщин	До 35 лет	36–40	41–50	Старше 50
01.12.62	7	4	-	3	2	–
01.12.63	10	4	3	1	6	–
01.12.65	10	4	3	2	5	–
01.12.66	10	4	1	1	7	1
01.12.67	10	4	1	1	7	1

* НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3232. Л. 1.

Таблица 2

Уровень образования инструкторов Абаканского горкома КПСС с 1962 по 1967 г.*

Дата	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное
01.12.62	3	2	1	1	–
01.12.63	6	1	2	1	–
01.12.65	7	1	1	1	–
01.12.66	5	1	4	-	–
01.12.67	5	1	4	-	–

* НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3232. Л. 1.

Таблица 3

Опыт работы в должности инструкторов Абаканского горкома КПСС с 1962 по 1967 г.*

Дата	До 2 лет	3–5 лет	6–10 лет	11–20 лет
01.12.62	1	3	1	2
01.12.63	3	2	2	3
01.12.65	2	3	2	3
01.12.66	3	5	1	1
01.12.67	3	5	1	1

* НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3232. Л. 1.

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3157. Лл. 4–4 об.

Таблица 4

Причины сменяемости инструкторов Абаканского горкома КПСС с 1962 по 1967 г.*

Годы	На большую работу	На аналогичную работу	На учебу	Освобожден как не справившийся	Освобожден как скомпрометированный	По здоровью	По другим причинам
01.12.62	—	—	—	—	—	—	—
01.12.63	2	—	1	—	—	—	—
01.12.65	—	—	—	—	—	—	—
01.12.66	—	—	—	—	—	—	—

* НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3232. Л. 1.

Рост числа штатных должностей инструкторов Абаканского горкома от семи на 1 декабря 1962 г. до десяти к 1 декабря 1963 г. изменил возрастной состав представителей низших должностей номенклатуры. В штате Абаканского горкома нашлось место 3 молодым людям в возрасте 31–35 лет. Успешно работавшие инструкторы довольно быстро могли быть назначенными на более высокую должность, в 1966 г. в горкоме работал инструктор старше 50 лет. Назначение на эту должность столь возрастного сотрудника свидетельствовало о достаточно высокой текуще-

сти и, как следствие, дефиците кадров. Данную тенденцию подтверждали и средняя продолжительность работы в должности представителей низшего звена номенклатуры.

Образовательный уровень инструкторов горкома был достаточно высок. Высшее и неполное высшее образование, начиная с 1963 г., имели уже больше половины инструкторов. Однако в 1966 г. в горком пришли новые сотрудники, чей образовательный уровень был ниже, чем в предыдущие три года.

Таблица 5

Укомплектованность инструкторов Черногорского горкома КПСС с 1962 по 1967 г.*

Дата	Всего должностей	В т. ч. женщин	До 35 лет	36–40 лет	41–50 лет
01.12.62	5	2	1	1	3
01.12.63	5	2	-	2	3
01.12.64	6	2	-	2	4
01.12.65	6	3	-	1	5
01.12.66	6	1	1	-	5
01.12.67	6	2	-	1	5

* НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3232. Л. 2.

Таблица 6

Уровень образования инструкторов Черногорского горкома КПСС с 1962 по 1967 г.*

Дата	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Специальное промышленное
01.12.62	—	—	1	—	—	4
01.12.63	—	—	—	—	—	5
01.12.64	2	—	2	—	—	2
01.12.65	3	—	2	—	—	1
01.12.66	2	—	2	—	—	2
01.12.67	3	—	1	—	—	2

* НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3232. Л. 2.

Таблица 7

Опыт работы в должности инструкторов Черногорского горкома КПСС с 1962 по 1967 г.*

Дата	До 2 лет	3–5 лет	6–10 лет	11–20 лет
01.12.62	4	1	–	–
01.12.63	4	1	–	–
01.12.64	5	1	–	–
01.12.65	6	–	–	–
01.12.66	4	2	–	–
01.12.67	3	3	–	–

* НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3232. Л. 2.

Таблица 8

Причины сменяемости инструкторов Черногорского горкома КПСС с 1962 по 1967 гг.*

Дата	На большую работу	На аналогичную работу	На учебу	Освобожден как не справившийся	Освобожден как скомпрометированный	По здоровью	По другим причинам
01.12.62	–	–	–	–	–	–	–
01.12.63	1	–	–	–	–	–	1
01.12.64	–	–	–	–	–	2	–
01.12.65	1	–	–	–	–	–	–
01.12.66	–	–	–	–	–	1	–
01.12.67	1	–	–	–	–	1	–

Специфической чертой инструкторского состава Черногорского горкома, существенно отличавшего его от Абаканского, был уровень образования инструкторов. Резервом формирования партийных кадров в Черногорске традиционно была горнодобывающая промышленность, именно поэтому большинство инструкторов городского парткомитета имели специальное техническое образование.

Кадры Черногорского горкома были подвержены высокой текучести. Мало кто из инструкторов задерживался в должности более 2 лет. Поскольку большинство из них были зрелыми людьми 41–50 лет, то многие после недолгого срока работы в горкоме выходили на пенсию, пользуясь льготами, предоставляемыми рабочим горнодобывающей промышленности.

В брежневскую эпоху, для которой была характерна стабильность как в экономике, так и в политике, не происходило значительных изменений в составе партийных органов. На 1 января 1967 г. были замещены все семь должностей первых секретарей райкомов, среди которых была единственная женщина. В возрасте 31–35 лет и 41–45 лет было по одному первому секретарю. У шести было высшее образование, у одного – неполное высшее. Высшее партийное образование

имели пять первых секретарей. Национальный состав руководителей районных партийных организаций был представлен следующим образом: 4 русских, 2 украинца и 1 хакас. Стаж руководящей работы в отрасли у трех первых секретарей составлял от 10 до 15 лет, по одному имели стаж от 1 до 3 лет, от 3 до 5 лет, от 5 до 10 лет и свыше 15 лет¹.

Возрастной состав семи вторых секретарей райкомов на 1 января 1967 г. был такой: один – 31–35 лет, три – 36–40 лет, три – от 41 года до 45 лет. Высшее профессиональное образование было у шести вторых секретарей, у одного неполное высшее. Пять работников имели и высшее партийное образование. Среди вторых лиц районных парторганизаций было шесть русских и один хакас. По 2 вторых секретаря имели стаж руководящей работы в отрасли от 3 до 5 лет, от 5 до 10 лет и от 10 до 15 лет, 1 – работал свыше 15 лет².

Среди 7 секретарей райкомов 2 человека имели возраст от 31 до 35 лет, 2 – от 36 до 40 лет, 3 – от 41 до 45 лет. 6 получили высшее профессиональное образование, из них 2 – сельскохозяйственное, 1 – педагогическое, 3 – прочие

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3238. Л. 5.

² Там же. Л. 4.

специальности. Трое имели высшее партийное образование, один – среднее специальное образование. 3 секретаря райкома были русские, 3 – хакасы, 1 – украинец. В занимаемой должности один секретарь пребывал менее 1 года (он заменил другого работника, получившего повышение), остальные 6 – от 1 до 3 лет¹.

При подъеме на каждую ступень служебной лестницы учитывался образовательный уровень занимавших ее секретарей, равно как и опыт руководящей работы, и средний возраст, что подтверждает высокие требования к номенклатурным кадрам.

Небольшая численность секретарей горкомов позволяла не испытывать этой категории номенклатурных работников серьезных кадровых потрясений. На 1 января 1967 г. оба первых секретаря горкомов были мужчинами в возрасте от 36 до 40 лет. Оба имели высшее профессиональное образование, а один из них – еще и партийное. По национальности один был русский, другой – украинец. У одного из них стаж руководящей работы в отрасли составлял от 3 до 5 лет, у другого – 10–15 лет. В занимаемой должности один находился менее одного года (он заменил работника, получившего повышение), другой – от 3 до 5 лет².

Два вторых секретаря горкомов были русскими мужчинами 36–40 лет. Оба получили высшее профессиональное образование, а один из них – партийное. Опыт руководящей работы в партийных органах у одного составлял до 3 лет, у другого – 10–15 лет. За 1966 г. сменился один второй секретарь горкома, он был направлен на учебу³.

Секретарями горкомов были две русские женщины, обе в возрасте 41–45 лет. Одна имела высшее педагогическое образование, другая обучалась в педагогическом институте. Стаж руководящей работы в партийных органах у одной составлял от 3 до 5 лет, у другой – 5–10 лет. В должности одна трудилась от 1 года до 3 лет, другая – 5–10 лет⁴.

Состав секретарского корпуса горкомов отражал население городов Хакасии в 1960-е гг. Абакан и Черногорск населяли в основном русские, занимавшиеся промышленным производством, а также занятые в сфере культуры и образования, из них и формировались руководящие кадры.

Особенностью городских парторганизаций было и то, что третий по значению пост фактически закрепили за женщинами. В районах женщины реже занимали ответственные должности, поскольку в деревне все еще сохранялись пережитки патриархального общества. На 1 февраля 1968 г. на 8 первых секретарей райкомов была одна женщина.

Возрастной состав первых секретарей выглядел следующим образом: один был в возрасте 36–40 лет, 1 – в возрасте 51–55 лет, 2 – в возрасте 41–45 лет, 4 – в возрасте 46–50 лет. Семь человек имели высшее образование, из них один имел сельскохозяйственное образование, 1 – педагогическое, 5 – прочие специальности. Шесть человек имели диплом о высшем партийном образовании. У 1 было неполное высшее педагогическое образование. Национальный состав руководителей районных партийных организаций был стабильным: 5 – русских, 2 – украинца, 1 – хакас. Стаж руководящей работы в партийных органах выглядел следующим: 1 – от 3 до 5 лет, 1 – от 5 до 10 лет, двое трудились свыше 15 лет, 4 – от 10 до 15 лет. В занимаемой должности 1 работал до 1 года (он заменил руководителя райкома, покинувшего должность по болезни, семейным обстоятельствам или уходу на пенсию), 2 – от 1 до 3 лет, 5 – от 3 до 5 лет⁵.

Значительно большей была текучесть среди вторых секретарей райкомов, из которых шесть были в возрасте 36–40 лет, 2 – в возрасте 41–45 лет. Семеро имели высшее профессиональное образование, 1 – неполное высшее, 6 – дополнительно высшее партийное. Национальный состав не отличался от состава первых секретарей горкомов: 6 – русские, 2 – хакасы. С 1 февраля 1967 г. по 1 февраля 1968 г. сменилось 5 вторых секретарей райкомов, 2 из них были назначены на более высокую должность, 2 – были освобождены по семейным обстоятельствам, состоянию здоровья или уходу на пенсию, 1 – по прочим причинам⁶.

Не менее значительные изменения произошли в составе секретарей райкомов, из которых 4 были в возрасте 31–35 лет, 3 – 36–40 лет, 1 – 41–45 лет. 7 секретарей имели высшее профессиональное образование, из них 1 – техническое, 2 – сельскохозяйственное, 3 – педагогическое, 1 – по другой специальности. У 1 секретаря было общее среднее образование. 2 получили высшее партийное образование. Третью по значению должность в райкомах занимали 5 хакасов, 2 русских, 1 украинец.

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Лл. 9–9 об.

⁵ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3321. Лл. 5–5 об.

⁶ Там же. Лл. 6–6 об.

За год до 1 февраля 1968 г. сменилось 5 секретарей райкомов. Все 5 бывших секретарей получили более высокую должность¹.

Освобождение от должности такого количества вторых секретарей райкомов открыло дорогу на следующую ступень служебной лестницы номенклатурным работникам, занимавшим более низкие должности. В райкомах произошло как перемещение их секретарей, так и тех, кто занимал прочие места.

Так, с 1 февраля 1967 г. по 1 февраля 1968 г. сменилось 3 из 8 заведующих организационно-инструкторских отделов райкомов – подразделений, занимавшихся учетом членов и кандидатов в члены партии. 1 – бывший зав. орготделом получил более высокую должность, другой был освобожден от должности по семейным обстоятельствам, болезни или выходу на пенсию, третий – по неизвестной причине.

В результате этих перемен состав заведующих организационно-инструкторскими отделами райкомов представлял собой следующее: по 1 из них было в возрасте 31–35 лет и 46–50 лет, остальным 6 – 41–45 лет. По национальности 4 заведующих были русскими, по 2 хакасами и украинцами. Лишь у одного было высшее образование, по 3 имели неполное высшее и среднее специальное. Стаж руководящей работы в отрасли у 1 – 10–15 лет, у 3 – 3–5 лет, у 4 – 5–10 лет. В занимаемой должности трое работали менее года, 4 – от 1 до 3 лет, 1 – 10–15 лет².

Оба заведующих организационно-инструкторскими отделами горкомов на 1 февраля 1968 г. работали в должности от 3 до 5 лет, стаж их руководящей работы в отрасли у 1 составлял 5–10 лет, у другого – 10–15 лет. Один был в возрасте 41–45 лет, другой – 46–50 лет. Оба имели среднеспециальное техническое образование. По национальности 1 был русский, другой украинец.

Заведующие организационно-инструкторскими отделами не отличались высоким уровнем образования. Как правило, рекрутировались на эту должность руководители производственных партийных организаций, которые своим рабоче-крестьянским чутьем должны были выявлять благонадежных людей для принятия их в ряды партии и всевидящим оком следить за низовыми парторганизациями.

Другим резервом для пополнения секретарских должностей были заведующие отделами пропаганды и агитации. Из 8 заведующих агит-

пропами районов на 1 февраля 1968 г. были 4 женщины. По национальности все 8 были русские. По возрастным группам 31–35 лет, 36–40 лет, 41–45 лет, 2 – 46–50 лет заведующие распределялись ровно по 2. Высшее образование было у 6, из них у 4 педагогическое, у 2 – неполное высшее. Кроме этого, высшее партийное образование было у 2. Стаж руководящей работы в отрасли у 4 был от 1 до 3 лет, по 2 имели таковой стаж от 3 до 5 лет и от 10 до 15 лет. В занимаемой должности по 3 были до 1 года и от 3 до 5 лет, 2 работали от 10 до 15 лет. С 1 февраля 1967 г. по 1 февраля 1968 г. 3 заведующих районными агитпропами получили более высокую должность³.

Из 2 заведующих отделами агитации и пропаганды горкомов была одна женщина. Оба заведующих по национальности были русские. 1 заведующий был в возрасте 31–35 лет, другой – 36–40 лет. Оба имели высшее профессиональное образование. Опыт руководящей работы в отрасли у обоих насчитывал от 5–10 лет, а в должности заведующего городским агитпропом оба находились 3 до 5 лет⁴.

Должность заведующего отделом пропаганды и агитации требовала хороших знаний и навыков в гуманитарной сфере, поэтому на этом посту было много специалистов с гуманитарным педагогическим образованием, имевших навык публичных выступлений и создания текстов.

В 1960-е гг. в Хакасии быстрыми темпами росло промышленное производство, вследствие этого все большее значение приобретали промышленно-транспортные отделы парткомов. Таковые на 1 февраля 1968 г. имелись в 3 районах. 1 из них был в возрасте 31–35 лет, 2 – 41–45 лет. У всех троих было среднее специальное образование. Все по национальности были русские. Стаж руководящей работы в отрасли у всех 3 был от 1 до 3 лет. В занимаемой должности 2 были менее 1 года, 1 – от 1 до 3 лет. За год до 1 февраля 1968 г. сменился 1 заведующий по неизвестным причинам⁵.

Из 2 заведующих промышленно-транспортными отделами горкомов на 1 февраля 1968 г. 1 был в возрасте 31–35 лет, другой – 36–40 лет. У 1 было высшее образование, у другого – среднее специальное. Оба по национальности были русские. Стаж руководящей работы в отрасли у одного насчитывал от 1 до 3 лет, у другого – 3–

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3321. Лл. 7–7 об.

² Там же Лл. 11–11 об.

³ Там же. Лд. 12–12 об.

⁴ Там же. Лл. 13–13 об.

⁵ Там же. Лл. 14–14 об.

5 лет. В занимаемой должности оба пребывали от 1 до 3 лет¹.

Так же как и руководители орготделов, заведующие промышленно-транспортными отделами приходили в основном с производства, что было вполне естественно, учитывая специфику их деятельности. Изъять же в то время с производства высококвалифицированного инженера было достаточно проблематично, поэтому на работу в парторганы призывались в основном специалисты со средним профессиональным образованием.

Перемещения партийных работников происходили в большинстве случаев в рамках тех же районов. Так, бывший заведующий организационно-инструкторским отделом Таштыпского района А.М. Данковцев в апреле 1967 г. был избран секретарем того же райкома. Его путь повторил заведующий отделом агитации и пропаганды Алтайского района А.Г. Шадрин, который в апреле 1967 г. стал секретарем в том же райкоме. А глава такого же отдела Аскизского райкома С.Н. Топоев на сессии райсовета был избран

заместителем председателя Аскизского райисполкома. В январе 1968 г. должность заместителя председателя Таштыпского райисполкома занял М.Г. Федянин, до того бывший заведующим отделом агитпропа в Таштыпском райкоме.

По состоянию здоровья в сентябре 1967 г. решением бюро райкома был снят с должности заведующий организационно-инструкторским отделом Бейского райкома. Глава такого же отдела Аскизского райкома С.И. Алтыков и начальник промышленно-транспортного отдела Таштыпского райкома И. Малахов в январе 1968 г. не были рекомендованы на свои должности отчетными партконференциями².

Перемещения бывших работников парткомов в райсоветы и райисполкомы было скорее передвижением по горизонтали, оно не являлось ни повышением, ни понижением для перемещенного работника.

На 1 января 1969 г. штаты работников горкомов и райкомов Хакасии представляли собой следующее (см. табл. 8).

Таблица 8

Штаты сотрудников горкомов и райкомов Хакассской автономной области на 1 января 1969 г.³

Партком	Ответственные работники	Технические работники	Секретари	Организационно-инструкторский отдел	Отдел агитации и пропаганды	Промышленно-транспортный отдел	Председатели партийных комитетов	Помощники секретарей	Освобожденные секретари партийных организаций
Абаканский	18	6	3	5	3	6	1	1	—
Черногорский	15	5	3	4	3	4	1	1	—
Алтайский	13	3	3	5	4	—	—	1	9
Аскизский	17	4	3	6	4	—	1	1	10
Бейский	14	3	3	4	5	—	1	1	6
Боградский	14	3	3	6	4	—	—	1	7
Орджоникидзевский	12	3	3	4	4	—	—	1	5
Таштыпский	14	4	3	5	5	—	1	1	5
Усть-Абаканский	17	4	3	6	4	2	1	1	10
Ширинский	16	4	3	5	4	2	1	1	6
Итого	150	40	30	50	39	14	7	10	63

¹ Там же. Лл. 15–15 об.

² Там же. Лл. 16–16 об.

³ Там же. Лл. 17–18.

Численность сотрудников парткомов не имела большого разрыва в различных городах и районах. Соответственно в Абакане и Черногорске или таком крупном районе, как Аскизский, на партийных работников ложилась куда большая нагрузка, нежели на их коллег из небольших районов.

Составить представление о партийных кадрах Хакасии в городах и районах в 1960-х гг. помогут данные о руководящих работниках исследуемого периода. В 1969 г. первым секретарем Абаканского горкома был А.И. Казак. Алексей Исидорович родился в 1913 г. и являлся членом партии с 1933 г. В 1958 г. он окончил Абаканский педагогический институт, получив там специальность учителя истории. По национальности он был украинцем. Абаканский горком он возглавлял с ноября 1966 г. Исполнять свои обязанности Алексею Исидоровичу помогал богатейший опыт руководящей работы, который к началу 1969 г. составлял 19 лет и 6 месяцев.

Вторым секретарем Абаканского горкома был В.А. Иванов, который родился в 1931 г. и вступил в ряды партии в 1958 г. Валерий Александрович имел высшее техническое образование, которое он получил в Томском политехническом институте. По национальности он был русским. На должность второго секретаря райкома он был назначен, как и А.И. Казак, в ноябре 1966 г. Несмотря на достаточно молодой возраст, стаж его руководящей работы составлял 12 лет.

Секретарем горкома была М.А. Чешева. Мария Александровна родилась в 1918 г., а членом партии стала в 1950 г. Она имела высшее педагогическое образование, получив в Красноярском педагогическом институте специальность учителя русского языка и литературы, по национальности она была русская. В должности секретаря Мария Александровна пребывала с марта 1967 г., а ее опыт руководящей работы составлял 7 лет и 6 месяцев.

Промышленно-транспортным отделом заведовал А.И. Резепов. Андрей Иванович родился в 1923 г., в партию он вступил в 1945 г. Он имел профессию учителя истории, которую получил в Абаканском педагогическом институте в 1963 г. И, чтобы лучше разбираться во вверенной отрасли, он поступил в Абаканский политехнический техникум, в котором к началу 1969 г. обучался на 3 курсе. Возглавлял промышленно-транспортный отдел с июня 1965 г., а опыт руководящей работы составлял 4 года и 6 месяцев. Под его началом работало 2 инструктора.

Отдел пропаганды и агитации Абаканского горкома возглавлял В.И. Надыкто. Виктор Иванович родился в 1933 г., а членом партии стал в 1959 г. В 1955 г. он окончил физико-математический факультет Абаканского педагогического института. В должности заведомла он находился с февраля 1963 г., в его подчинении был 1 инструктор¹.

По иным принципам происходило формирование партийной номенклатуры во втором городе Хакасии Черногорске. Первым секретарем горкома с января 1968 г. был В.М. Вершинин. Владимир Максимович родился в 1930 г. Членом партии он стал в 1952 г. У главы черногорских коммунистов было 2 высших образования: в 1954 г. он окончил Свердловский горный институт, а в 1966 г. – Новосибирскую высшую партийную школу. Стаж руководящей работы составлял у В.М. Вершинина 13 лет и 1 месяц.

Вторым секретарем Черногорского горкома с ноября 1965 г. был Ф.Н. Сорокин. Федор Николаевич родился в 1928 г., в партию он вступил в 1952 г. В 1966 г. он окончил горный техникум. Стаж руководящей работы у Федора Николаевича был 17 лет и 7 месяцев.

Должность секретаря в Черногорской партийной организации с января 1968 г. занимала К.И. Железова. Клавдия Ивановна родилась в 1927 г., а в партию вступила в 1952 г. В 1949 г. она окончила Красноярский педагогический институт, где получила специальность учителя истории. Стаж ее руководящей работы составлял 16 лет и 3 месяца.

Отделом пропаганды и агитации с января 1965 г. заведовала Л.П. Величкина, 1928 года рождения, член партии с 1956 г. Лина Петровна получила профессию учителя русского языка и литературы, окончив в 1961 г. заочное отделение в Абаканском пединституте. На руководящей работе она находилась 5 лет и 1 месяц. Под ее началом работали 2 инструктора.

Организационно-инструкторский отдел Черногорского горкома с августа 1963 г. возглавлял П.И. Шабашов, родившийся в 1926 г., ставший членом партии в 1955 г. Окончив вечернее отделение Черногорского горного техникума, Павел Иванович получил специальность техника-электрика. Стаж руководящей работы у П.И. Шабашова составлял 16 лет и 3 месяца. В его отделе работал 1 инструктор.

Выпускником Черногорского горного техникума был и заведующий промышленно-

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3321. Л. 20.

транспортным отделом с июля 1965 г. В.С. Ибрагимов, 1935 года рождения, член партии с 1960 г., в 1954 г. он получил там специальность горного техника. Также В.С. Ибрагимов обучался в заочной высшей партийной школе. В его подчинении был 1 инструктор¹.

Формирование партийных кадров происходило в двух главных городах Хакасии, исходя из специфики каждого из них. Поскольку Абакан был административным и культурным центром области, то там сотрудники горкома набирались из педагогов и служащих. Даже заведующий промышленно-транспортным отделом Абаканского горкома являлся бывшим учителем. Черногорск же был промышленным городом, и работники здешнего горкома в массе своей пришли на партийные должности с производства.

Свою специфику имели партийные кадры в районах. Так, первый секретарь Аскизского райкома был М.П. Барсугачев, 1924 года рождения, член партии с 1949 г., окончивший в 1963 г. Высшую партийную школу и имевший стаж руководящей работы 24 года и 2 месяца.

Вторым секретарем Аскизского райкома с января 1968 г. являлся А.Д. Потехин, родившийся в 1928 г., вступивший в КПСС в 1961 г. В 1951 г. он окончил Лесотехнический техникум. Стаж руководящей работы составлял у него 7 лет и 2 месяца.

Секретарем Аскизского райкома с января 1968 г. был А.Ф. Тугужеков, 1933 года рождения, член партии с 1964 г. В 1962 г. он, окончив Абаканский пединститут, получил специальность учителя истории. Стаж его руководящей работы составлял 9 лет и 6 месяцев².

Первым секретарем Богградского райкома с января 1965 г. являлся А.Ф. Шлапунов, родившийся в 1926 г. и ставший членом партии в 1948 г. Александр Филиппович имел многостороннюю профессиональную подготовку: в 1961 г. он окончил заочное обучение в Иркутской высшей партийной школе, в 1966 г. окончил Хакасский сельскохозяйственный техникум, получив профессию зоотехника, а в 1967 г. получил диплом учителя истории в Красноярском пединституте.

Вторым секретарем Богградского райкома с апреля 1968 г. был М.П. Дмитренко. Михаил Павлович родился в 1931 г., а в ряды КПСС вступил в 1961 г. В 1956 г. он окончил Омский сельскохозяйственный институт, став агрономом.

В должности секретаря райкома с апреля 1968 г. находилась О.Ф. Иванова. Ольга Филипповна родилась в 1924 г., членом партии стала в 1947 г., по специальности, которую она получила в Абаканском пединституте, была учителем истории³.

Первым секретарем Усть-Абаканского райкома с января 1965 г. был И.А. Капуста. Иван Андреевич родился в 1921 г., членом партии стал в 1943 г. В 1959 г. он окончил заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС, а в 1964 г. получил диплом зоотехника в Абаканском сельхозтехникуме.

На должности второго секретаря с января 1968 г. находился Б.А. Сафронов. Борис Александрович родился в 1929 г. Партийный билет он получил в 1952 г. В 1945 г. он окончил Абаканское педагогическое училище, а в 1960 г. – заочную партшколу.

Секретарем Усть-Абаканского райкома с января 1968 г. был З.А. Чебодаев. Захар Ананьевич родился в 1932 г., членом партии стал в 1961 г. В 1955 г. он закончил обучение в Красноярском лесотехническом институте, получив диплом инженера-технолога⁴.

В районах представители партийных кадров, в отличие от городов, могли иметь самые разные профессии. Так, среди них было достаточно специалистов сельского хозяйства, что было обусловлено спецификой экономики районов. Немало было среди них выпускников педагогического института, в основном исторического факультета, как и среди городских партийных работников, что было связано с возможностью получения такового, не выезжая за пределы области. А история в тот период была наиболее идеологизированной наукой. Многие из них имели и высшее партийное образование.

В 1960-е гг. в коммунистической партии в целом был преодолен кризис, вызванный разоблачением «культы личности» И.В. Сталина, численность коммунистов в области стала расти. Такое улучшение стало возможным благодаря деятельности нового поколения партийных работников, которые пришли в парткомы в 1960-е гг. Среди инструкторов и секретарей горкомов и райкомов все больше было тех, кто родился в 1930-е гг. Партийные работники, которым еще не исполнилось 40 лет, выросшие в советское время и не участвовавшие в Великой Отечественной войне, по-новому вели партийную работу. Над ними не

¹ Там же. Л. 23.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 39 об.

довлел страх репрессий, они с оптимизмом смотрели в будущее, по молодости лет еще не расставшись с жизненными иллюзиями. «Свежая кровь», влитая в жилы КПСС, помогла партии миновать трудности, связанные со сменой политического курса, и временно восстановить ее авторитет.

Литература

- Белоногов Ю.Г.** Генезис советской региональной элиты как группы интересов во внутриэлитных политических конфликтах 1950-х – 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (38): Ч. 1. С. 20–26.
- Ващук А.С.** Изучение образовательного уровня советской номенклатурной элиты как инструмент анализа социальной трансформации общества во второй половине XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том 10. № 1. С. 79–91.
- Коновалов А.Б.** Динамика качественных изменений в составе номенклатурных кадров аппарата городских и районных комитетов КПСС в Сибири (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) // Общество. Философия, история, культура. 2017. № 12. С. 150–155.
- Очерки истории** Хакасской областной организации КПСС. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1987. 359 с.

Устинкин С.В., Шунина А.А., Гинзбург Б.В. СССР в 1964–1985 гг. Партийно-советская номенклатура в условиях брежневской «кадровой стабильности» // Власть. 2012. № 7. С. 27–32.

References

- Belonogov Yu. G.** Genezis sovetsskoi regionalnoi elity kak gruppy interesov vo vnutrielitnykh politicheskikh konfliktakh 1950-kh – 1960-kh gg. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. №2 (38): Part 1. Pp. 20–26.
- Kononov A. B.** Dinamika kachestvennykh izmenenii v sostave nomenklaturnykh kadrov apparata gorodskikh i raionnykh komitetov KPSS v Sibiri (Vtoraya polovina 1960-kh – Pervaya polovina 1980-kh gg. *Obshchestvo. Filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2017. № 12. Pp. 150–155.
- Ocherki istorii khakasskoi oblastnoi organizatsii KPSS.** Krasnoyarskoye knizhnoe izdatelstvo: Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe kn. izd-vo, 1987. 359 pp.
- Ustinkin S.V., Shunina A.A., Ginzburg B.V.** SSSR v 1964–1985 gg. Partiino-sovetskaya nomenklatura v usloviyakh brezhnevskoi «Kadrovoy stabilnosti». *Vlast'*. 2012. №7. Pp. 27–32.
- Vashchuk A.S.** Izuchenie obrazovatel'nogo urovnya sovetsskoi nomenklaturnoi elity kak instrument analiza socialnoi transformatsii obshchestva vo vtoroi polovine XX veka. *Istoricheskaya i socialno-obrazovatel'naya mysl'*. 2018. Vol. 10. № 1. Pp. 79–91.

СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ТУВИНСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

С. В. Саая

Тувинский государственный университет, ул. Ленина, д. 36, г. Кызыл, 667000, Россия; email: saaja.caida@yandex.ru

В статье исследуется процесс становления международно-правового статуса Тувы в первой четверти XX в. На примере истории Тувы анализируется степень влияния политического фактора на процесс международного признания нового государства. В начале века, после распада Цинской империи и кратковременного периода самостоятельности, Тува включена в состав Российской империи. После распада Российской империи в результате самоопределения тувинский народ создал свое суверенное государство. Во второй половине 1920-х гг. международно-правовое признание тувинского государства оформлено заключением двусторонних договоров с двумя соседними государствами – СССР и МНР.

Ключевые слова: Тува, ТНР, МНР, СССР, суверенитет, международно-правовое признание.

FORMATION OF THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE TUVAN STATE IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY

S. V. Saaya

Tuvan State University, 36 Lenin Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: saaja.caida@yandex.ru

The article examines the process of formation of the international legal status of Tuva in the first quarter of the 20th century. On the example of the history of Tuva, the degree of influence of the political factor on the process of international recognition of the new state is analyzed. At the beginning of the century, after the collapse of the Qing Empire, and a short period of independence, Tuva was incorporated into the Russian Empire. After the collapse of the Russian Empire, as a result of self-determination, the Tuvan people created their own sovereign state. In the second half of the 1920s, the international legal recognition of the Tuvan state was formalized by the conclusion of bilateral treaties with two neighboring states – the Union of Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic.

Keywords: Tuva, TPR, MPR, USSR, sovereignty, international legal recognition.

В начале XX в. в орбиту геополитических процессов были вовлечены как империи, так и окраины этих государств, и как последствия радикальных изменений на политической карте мира распались империи, образовались новые государства. Международный статус новых государств определяется фактом их признания другими субъектами международных отношений. В свою очередь, признаком правосубъектности государства является суверенитет, который не зависит от степени участия других субъектов, а является результатом волеизъявления самого народа.

Так, тувинский народ, проживавший у северных границ Китая, в 1911 г., после распада Цинской империи, оказался перед историческим выбором путей дальнейшего развития. В процессе самоопределения, длившегося около десятилетия,

тувинскому народу удалось преодолеть ряд трудностей и провозгласить свой суверенитет.

Одним из переходных периодов на этом пути стало установление протектората России над Урянхайским краем в 1914 г. По мнению отдельных авторов, протекторат использовался для маскировки колониальных захватов и подготовки аннексии. Н. М. Коркунов считал, что «протекторат применяется главным образом к внеевропейским государствам, не усваивающим себе современную европейскую культуру. Слабость в них правительственной власти и необеспеченность юридического порядка, а также постоянные вооруженные столкновения с соседями побуждают европейские государства, сопредельные с ними или ведущие с ними торговлю, подчинить их своему протекторату для упрочения мирного

порядка и господства права» и что «протекторат есть собственно институт международного, а не государственного права» [Коркунов, 1899, с. 125].

Понятие «протекторат» (новолат., от *protector* – защитник, покровитель) означает помощь, оказываемую одним государством другому, менее могущественному. Протектор, как правило, присваивает себе такие сферы государственной деятельности, как внешние сношения, верховное военное командование, правосудие, взимание налогов, и все эти функции управления подотчетны постоянному резиденту протектора. Д. Н. Ушаков протекторат определяет как форму зависимости, при которой слабая страна, формально сохраняя все государственное устройство и некоторую самостоятельность во внутренних делах, фактически подчинена другой, более сильной державе [Толковый словарь русского языка, 2000]. Целью приобретения колоний метрополиями, кроме экономических (эксплуатация природных и людских ресурсов, транзит, монополизация мировой торговли) и социальных (оптимизация социального баланса), являлись внешнеполитические задачи и цивилизационная экспансия [Льюис, 1995, с. 53]. К признакам колоний относятся отсутствие у субъекта политической самостоятельности, закрепление его особого статуса, отличающегося от статуса полноценных административно-территориальных единиц государства-метрополии; географическая обособленность, т.е. отдаленность от центра метрополии; возможность экономической эксплуатации природных богатств, труда местного населения в пользу метрополии; этническое, конфессиональное, культурное отличие населения от жителей метрополии [Льюис, 1995, с. 56].

В истории Российской империи также была эпоха колониальных захватов, когда она выступала в качестве метрополии. Н. М. Коркунов, изучая правовой статус государств, состоящих под протекторатом России, еще в 1909 г. в своей знаменитой работе «Русское государственное право» отмечал, что «в русской истории нередки случаи подчинения отдельных, в особенности азиатских, государств власти России в форме протектората или покровительства... Россия осуществляла неоднократно протекторат над сопредельными с нею азиатскими государствами, переходившими затем мало-помалу в полное обладание ее, становившимися подчиненными частями ее территории» [Коркунов, 1899, с. 127].

Одной из территорий, находившейся под протекторатом России в 1914–1917 гг., являлся Урянхайский край. В апреле 1914 г. российский импе-

ратор Николай II на докладной записке министра иностранных дел С. Д. Сазонова по вопросу о принятии населения пяти хошунов Урянхайского края под российское покровительство начертал «Согласен», что означало установление протектората России над Тувой. Известный исследователь В. А. Дубровский добавлял к понятию «протекторат» понятие «покровительство» [Создание суверенного государства... 1991, с. 3]. Край был включен в состав Енисейской губернии с передачей ведения в Туве политических и дипломатических дел Иркутскому генерал-губернатору. Известие об этом было передано секретной телеграммой в Иркутск, а оттуда письмом комиссару Усинского пограничного округа, а он уже в июле 1914 г. рассылал извещение-объявление об установлении покровительства непосредственно по хошунам и брал с нойонов «ручательство» о том, что они не будут иметь никаких самостоятельных сношений с Монголией и другими иностранными государствами. Урянхайский край управлялся комиссаром – представителем генерал-губернатора и Министерства иностранных дел России. По данному вопросу В. А. Дубровский основной причиной такого шага считал то обстоятельство, что «для России было важно в то время, после поражения в Русско-японской войне 1904–1907 гг., любым способом поднять свой авторитет как сильной державы мира... слабая в экономическом и политическом отношении, с малочисленным населением до 50 тысяч человек Тува, находившаяся между полукапиталистическо-полуфеодальной Россией и полуфеодально-полупатриархальной Монголией, не могла рассчитывать на настоящую зависимость и самостоятельное проведение внешней политики» [Создание суверенного государства... 1991, с. 4]. Период протектората закончился для Тувы с установлением советской власти в России, провозгласившей право народов на самоопределение, что было закреплено в июне 1918 г. заключением договора между тувинским народом и русским населением края.

Спустя три года, в августе 1921 г., произошло провозглашение Всетувинским Учредительным Хуралом суверенитета тувинского народа [Создание суверенного государства... 1991, с. 87], сразу же встал вопрос о признании и установлении дипломатических отношений, прежде всего с соседними государствами – с Советской Россией и Монголией. Авторы учебника по истории международных отношений считают, что «на фоне военных успехов большевиков в Урге произошло установление революционного режима

в населенном тувинцами Урянхайском крае, расположенном "клином" между Монголией и Россией, считавшейся правительством Китая китайской вассальной территорией. Горстка местных революционеров, объединившиеся при содействии Москвы в Тувинскую народно-революционную партию, захватила власть и провозгласила создание независимого государства Танну-Тувинской Народной Республики. В 1926 г. она была переименована в Тувинскую Народную Республику и оставалась формально независимой до 1944 г., когда она "добровольно" присоединилась к Советскому Союзу. С момента создания это государство, как было записано в его конституции, находилось "под покровительством" Советской России. Москва не пыталась менять статус Тувы, так же как и Монголии, опасаясь, что это помешает нормализации ее отношений с Китаем и спровоцирует возражения Японии» [Установление покровительства... 1994, с. 17].

Действительно, руководство Советской России, следуя принципам, провозглашенным в своих первых декретах, в обращении к тувинскому народу от 14 сентября 1921 г. *de-facto* признало суверенитет тувинского народа. Однако советское правительство не торопилось с юридическим оформлением своих дипломатических отношений с правительством только созданного тувинского государства. В теории международного права признание *de-facto* – неполное и неокончательное признание, и при таком признании дипломатические отношения не могут быть установлены, однако заключаются двусторонние торговые, финансовые, образовательные и другие соглашения.

Так, фактическое существование политических, военных и торговых связей между Советской Россией и Тувой [Саая, 2000, с. 123] позволяет говорить о признании *de-facto*, и, несмотря на данное обстоятельство, заключение советско-тувинского договора состоялось только в 1925 г. Подобную позицию можно объяснить неопределенностью перспектив советско-китайских отношений и отсутствием информации у советской стороны о позиции Китая по «тувинскому вопросу». Вследствие чего советское правительство заняло выжидательную позицию и не торопилось с оформлением своих отношений с тувинским государством *de-jure*. Правительство Народной Монголии по отношению к новому тувинскому государству заняло принципиально отличную от советской позицию. Хотя на Все-тувинском Учредительном Хурале правительство Народной Монголии представляли члены мон-

гольской миссии в Урянхае – Шагдаржап, Боровиков, председатель Дальневосточного секретариата Коминтерна Цевенджапов [Создание суверенного государства... 1991, с. 87]. И каких-то явных попыток протестовать монгольские представители не проявили. Такое поведение со стороны монгольской делегации можно назвать признанием факта суверенитета тувинского народа *ad-hoc*. В международном праве признание *ad-hoc* – разовое временное признание, когда такой акт носит вынужденный характер для того, чтобы разрешить конкретные вопросы между государствами, которые официально не желают признавать друг друга.

Последующие события позволяют оценивать позицию монгольского правительства как противоположное признанию, тем более что сама Монголия нуждалась в международно-правовом признании. Так, акт, противоположный признанию, именуется протестом и выражает несогласие с правомěrностью того или иного действия. Международному праву известны случаи отказа от признания. Существенное юридическое значение приобретают признание или протест в отношении таких событий, как появление национально-освободительного движения и т.д., как в случае с тувинским и монгольским народами. Вместе с тем монгольское правительство должно было выяснить намерения Китая по отношению к новому статусу и Тувы, и Монголии, с чем приходилось считаться даже Советской России. В данном вопросе также необходимо учитывать, что на изменение позиции Монголии в «тувинском вопросе» повлияли и внутривполитические события. В Монголии, как и в Советской России, Туве, шел процесс становления нового государства и формирования его внешнеполитических ориентиров. Некоторые авторы склонны усматривать в действиях Монголии в начале 1920-х гг. по отношению к Туве попытку Китая вновь вернуть себе свою бывшую провинцию [Льюис, 1995, с. 23]. Насколько эти намерения были серьезными, судить сложно, так как гоминдановский Китай был занят внутривполитическими проблемами, а не расширением своей территории. И ее отношение к Внешней Монголии (здесь же китайцы подразумевали Урянхай, так как эти вопросы рассматривались всегда вместе) оставалось неопределенным и запутанным [Саая, 2009, с. 58].

Соответственно, одобренное неопределенностью позиции Советской России и заявлениями представителей Сиббюро РКП(б) и Коминтерна, монгольское руководство приступило

к реализации своего варианта решения «тувинского вопроса».

Вышеприведенные факты позволяют сделать вывод, что, несмотря на усилия советского представителя, вследствие нежелания монгольских представителей вступать в прямой контакт в тот период вопрос о признании суверенитета тувинского народа со стороны Монголии остался открытым. Министерство иностранных дел ТНР периодически отправляло запросы в адрес монгольского правительства. На что, в свою очередь, правительство Монголии не давало ответов. Более того, в 1923 г. из Улан-Батора был получен ответ, где правительство Монголии отказывалось признавать суверенитет тувинского государства, обосновывая свою позицию тем, что «...Танну-Тува является составной частью Монголии» [Саая, 2003, с. 31–32], следовательно, Китая. Более того, 13 октября 1923 г. в г. Кызыл – столицу ТНР – из г. Улан-Батора пришел приказ правительства Монголии о назначении и отправке в Великий Хурал Монголии представителей от Танну-Туву. С этим не могли согласиться и тувинское, и советское правительства в лице своего представителя в ТНР. В свою очередь тувинское правительство, обсудив этот вопрос, высказалось, что «...казалось бы, и речи не может быть о неудовлетворении монгольского народного правительства по поводу создания народного правительства Танну-Тува. И все же очень сложно говорить о сохранении старого порядка в Туве» [Саая, 2003, с. 6]. Далее правительство констатировало, что Тува «...со своим народным правительством решает в законном порядке свои внутренние вопросы, как и монгольское правительство, поэтому нет необходимости посылать представителей в Монголию». Далее говорилось: «Если Монголия будет учитывать независимость ТНР, то мы согласны и можем сотрудничать с монгольским правительством об установлении дипломатических связей» [Саая, 2003, с. 6].

Необходимо отметить, что другим каналом попытки МНР оказать давление на тувинскую сторону стала партийная линия. В этом же году ЦК МНРП направляет в ЦК ТНРП ряд отношений о необходимости единения Монголии и Тувы, исходя из исторического опыта сосуществования в рамках Цинской империи. Тем не менее позиция тувинского правительства оставалась неизменной. И на очередное обращение монгольской стороны ЦК ТНРП ответил 17 сентября 1923 г. нотой, где подтверждалась позиция тувинского правительства и отмечалось, что: «В настоящий момент

урянхайский народ, объединенный общим стремлением для укрепления своей национальности на основе самоопределения, организовал свое народное правительство, которое признало Советская Россия, о чем было доведено до сведения МНРП. Тем не менее МНРП продолжает проводить по отношению к народу Танну-Тува старую империалистическую политику» [Саая, 2003, с. 6]. В ответ на такое резкое обвинение МНРП апеллировала к позиции СССР в тувинском вопросе: «...если общие стремления урянхайского народа будут направлены к организации самостоятельного государства и его народное правительство будет признано Советской Россией, то этому наша партия и народное правительство не будут противиться. Однако монгольскому правительству известно, что ввиду отсутствия единодушия Урянхай до сего времени не признан российским советским правительством» [Очерки истории... 1975, с. 6]. Без сомнения, это был весьма резкий аргумент, который напрямую задевал НКВД СССР. 26 декабря 1923 г. в отношении уполномоченного НКВД СССР в ТНР – Г. Фальского «О порядке дипломатических взаимоотношений Тувы с Монголией», адресованном тувинскому правительству, была изложена принципиальная позиция советского руководства по «тувинскому вопросу» [Саая, 2003, с. 32]. Другим основанием для такого резкого выступления явились провокационные действия монгольских властей в приграничных хошунах ТНР. Со своей стороны их действия советским представителем оценивались как вмешательство во внутренние дела Танну-Тува, в связи с чем говорилось, что «...отношения советского правительства и монгольского правительства таковы: оба эти дружественные государства отказываются от политики своих старых свергнутых правительств по отношению к Туве. Они отказываются от старой порабощательской политики и не считают Туву своей землей, находящейся под властью России и Монголии. Танну-Тува объявляется свободным и самостоятельным народом, долженствующим выработать свою государственную форму и избрать свое самостоятельное правительство. Никто из представителей и чиновников России и Монголии не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь Танну-Тува» [Очерки истории... 1975, с. 3]. Впредь советский представитель настаивал на ведении переговоров только с законным правительством ТНР, через своих законных представителей: СССР – Г. Фальского, Монголии – Ламит-Данчина. А требования Хатан-Батора к хемчикским ноянам, чтобы они

приехали в Монголию, советский представитель считал недоразумением. В случае возникновения подобной ситуации предлагалось обращаться к советскому представителю, так как «...советское правительство гарантировало, что если будет необходимо, советские войска, находящиеся в ТНР, уничтожат тех, кто посмеет вмешиваться в дела освобожденного народа Танну-Тувы» [Саая, 2003, с. 6]. Послание было отправлено правительству ТНР открытым текстом, видимо, для того, чтобы поставить в известность власти Монголии.

Соответственно, общая международная ситуация в центрально-азиатском регионе складывалась не в пользу тувинского государства, и, как следствие этого, в первые годы после провозглашения ТНР неоднократно ставился вопрос о суверенитете тувинского государства. Так, возникали различные варианты решения тувинского вопроса, который неизменно решался в пользу сохранения «status quo», т. е. в пользу сохранения самостоятельности тувинского государства. В некоторой степени такую неопределенность можно объяснить как процесс поиска Тувой определения внешнеполитических ориентиров и своей ниши в новой системе международных отношений.

К середине 1920-х гг., после активизации признания СССР другими государствами, международная ситуация изменилась. Советское правительство кардинально изменило свою позицию в «тувинском вопросе».

В свою очередь тувинское правительство, обеспокоенное усилением панмонгольских настроений в отдельных хошунах ТНР, всячески пыталось окончательно решить проблему. Ведь усиление таких настроений, несомненно, грозило суверенитету тувинского государства. В то время как такие тревожные сообщения поступали советской стороне по линии партии и Коминтерна, а также РСТК, стремившихся предотвратить проявления этих устремлений, иногда напрямую вмешиваясь во внутренние дела тувинского государства. Так, в марте 1924 г. в районе Хемчика начался вооруженный мятеж под руководством ламы (служителя буддийского монастыря) Сумунака, вызванный недовольством населения Хемчикского хошуна радикальной налоговой политикой тувинского правительства. Главным же требованием восставших было присоединение Тувы к Внешней Монголии. Ведь это был не единственный случай, с аналогичными требованиями выступали участники стихийно возникавших волнений в 1920 г. в Пий-Хемском, в 1923 г.

в Тес-Хемском, Салчакском хошунах. Из этого можно заключить, что даже после ликвидации хемчикского мятежа промонгольские настроения в Туве еще имели место и разделялись определенной частью населения ТНР. Со своей стороны сторонники такой внешнеполитической ориентации подкрепляли свои требования слухами о том, что советское правительство якобы также поддерживает это требование. Весьма примечательно, что эти идеи, смешанные с антисоветскими настроениями, разделялись иногда и частью русского населения Тувы.

В свою очередь, советские представители в ТНР, опровергая эти сведения, заявляли, что «советское правительство никогда подобных заявлений не делало. Вопрос о дальнейшем существовании Танну-Тувы (Урянхая) был поставлен открыто на переговорах Монголии с СССР и не получил окончательного разрешения» (здесь, скорее всего, речь идет о переговорах, имевших место в 1919–1920 гг.) [Саая, 2009, с. 57]. В заявлении снова подтверждалось, что «неизменной политикой СССР и его правительства является стремление к развитию сотрудничества и укрепление дружбы народов двух государств» [Саая, 2009, с. 59]. В данной конкретной ситуации тувинское правительство по настоянию ЦК ТНРП, члены которой догадывались о позиции монгольского правительства, вынуждено было обратиться к советскому правительству с просьбой выступить в разрешении конфликта в качестве арбитра. Советское руководство, идя навстречу, выступило с инициативой созвать тройственную международную конференцию представителей правительств СССР, ТНР и МНР для обсуждения возникшей проблемы [Очерки истории... 1975, с. 51].

Тувинскому правительству представилась возможность решить проблемы, связанные с позицией Монголии в вопросе о признании ТНР при содействии такой влиятельной стороны, как СССР. Перед самым созывом конференции в июле 1924 г. чрезвычайный полномочный представитель СССР в ТНР Я. Х. Давтян в отношении тувинскому и монгольскому правительствам сообщал: «Сообщения о том, что советское правительство договорилось с монгольским правительством срочно объединить Танну-Туву с монгольским народом, являются ложными слухами, распространяемыми монгольскими чиновниками. Мы разъясняем: наше советское правительство не делало подобных заявлений. В ходе переговоров между СССР и Монголией о дальнейшей судьбе Танну-Тувы ничего не

решили, не установили, более того, договорились сохранить как есть. Наше советское правительство всегда считало и считает, что воссоединение Урянхия с Монголией должно произойти не путем насильственного порабощения Монголией тувинского народа, а путем длительного сближения обеих народов и в их освободительно-революционной работе... а пока же преждевременно решать этот вопрос. Я не сомневаюсь, что уважаемое народное правительство Монгольской Республики через уполномоченного даст такую же гарантию. Дружественные отношения между Тувой и Монголией могут быть установлены по желанию аратов Тувы и правительства ТНР. Монголия должна бы помогать Туве всесторонне»¹. Копия этого письма была выслана председателю правительства Монголии Х. Маскаржаб. Разумеется, это был дипломатический прием советской стороны для оказания давления на монгольское правительство. Так, обсуждение спорных вопросов состоялось на международной тройственной конференции представителей правительств ТНР, СССР и МНР, проходившей с 26 июля по 15 августа 1924 г. в столице тувинского государства – г. Кызыле, созданной по инициативе тувинского правительства. Делегацию правительства Советской России возглавлял Я. Х. Давтян, который как влиятельный политик международного уровня отстаивал позицию советского правительства. Монгольское правительство на конференции представлял Х. Маскаржаб. В ходе этих встреч обсуждались назревшие проблемы международного положения тувинского государства: вопрос о ликвидации мятежа Сумунака, о позиции монгольских властей по данному поводу, задержании тувинских граждан, переезжающих в Монголию через границу без пропусков, и самый главный – вопрос о самостоятельном существовании тувинского государства.

На конференции представитель правительства Монголии Х. Маскаржаб заявил, что «...к этому времени Хемчикский, Тес-Хемский, Салчакский и Тоджинский хошуны ТНР подали заявление с просьбой о присоединении их к Монголии. Однако правительство МНР со своей стороны считает, что такие заявления являются неосновательными»². Несмотря на последнюю часть данного заявления монгольского представителя, многие местные власти в приграничных с ТНР территориях поддерживали панмонголь-

ские устремления части тувинского населения, особенно в южных и центральных хошунах Тувы, видя в них один из вариантов дальнейшего развития. В вышеупомянутом документе советского правительства говорилось, что отдельные монгольские чиновники не должны поддерживать и выслушивать участников контрреволюционного движения на Хемчике. Я. Х. Давтян подчеркнул: «Я уверен, что и монгольское правительство не одобряет подобных действий некоторых пограничных чиновников. Монгольские чиновники должны препятствовать переходу мятежников на монгольскую территорию и арестовывать их» [Саая, 2000, с. 43]. Весьма своевременно, с учетом изменившейся обстановки, советские представители взяли линию на сохранение независимости ТНР, на упрочение и усиление советского влияния в регионе. «...Присоединение к Монголии нам невыгодно, ибо лишит нас нашего влияния, а также ухудшит положение двенадцатитысячного русского населения», – подчеркивал Я. Х. Давтян. Тем временем среди руководителей ТНР также возникли разногласия. Председатель правительства ТНР Куулар Дондук, как это ни парадоксально, выступил за присоединение к Монголии. Впоследствии, когда выясняли обстоятельства, при которых он так высказывался, он объяснил, что «когда состоялось совместное совещание правительства с представителем СССР – Я. Давтян и Монголии – Х. Маскаржаб, я высказал свое мнение о присоединении Тувы к Монголии». А бывший гунноян, член правительства Талха-Сюрюн предлагал присоединиться к Монголии, утверждая, что «тувинский народ происходит из того племени, к которому принадлежат монголы. Отсутствие среди тувинцев энергичных и образованных людей, способных вести государственную работу, непосильные расходы по содержанию самостоятельных органов государственного управления приведут тувинский народ к обнищанию и вымиранию» [Ломакин, 1960, с. 152].

Соответственно, в подобной ситуации советская сторона всеми способами стремилась не допустить объединения Тувы и Монголии. В ходе разбирательства дела участников движения под предводительством ламы Сумунака вызвали в столицу для выяснения их позиций, затем ликвидировали. По заявлению восставших было решено, что «...в Туве образовано свое народное правительство, признанное правительствами СССР и МНР, и при решении этого вопроса были учтены интересы тувинского народа, и эти настроения не отражают настроения всего насе-

¹ Национальный архив Республики Тыва (далее – НАРТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.

ления данных хошунов, следовательно, вопрос не подлежит обсуждению» [Ломакин, 1960, с. 5]. В тот момент такое высказывание в целом отражало позицию руководства СССР.

В ходе конференции участники приняли совместную советско-монгольскую декларацию о невмешательстве во внутренние дела ТНР и уважении ее суверенитета [Очерки истории... 1975, с. 21]. В 1924 г. председатель правительства Монгуш Буян-Бадьргы и чрезвычайный полномочный представитель СССР в ТНР Я. Давтян в ходе неофициальных встреч в присутствии министра иностранных дел ТНР Оруйгу и консула СССР в ТНР Г. Фальского устно условились признать, что «...государственная граница между СССР и ТНР определяется линией, существовавшей до войны», т. е. по принципу *uti possidetis*, который сводится к преемству границ. Я. Х. Давтян в своем письме-ответе на отношение правительства ТНР к данному вопросу писал: «Таким образом, этот вопрос можно считать исчерпанным и нет оснований снова к нему возвращаться» [Саая, 2003, с. 70]. На конференции была принята декларация, подписанная представителями СССР и МНР «О невмешательстве во внутренние дела Танды-Тыва и уважении ее суверенитета»¹. Позиция советской стороны, которая стремилась сохранить *status quo* в вопросе сохранения суверенитета ТНР, имела для монгольского правительства решающее значение. Вследствие этого после консультаций и переговоров Монголия вынуждена была изменить свое решение по «тувинскому вопросу». Именно на этой конференции наметился перелом в советско-тувинских и тувинско-монгольских отношениях, подготовивший базу для установления дипломатических отношений между тремя государствами. Советская делегация заняла принципиальную позицию и руководствовалась в своих действиях ленинской национальной политикой, способствуя принятию решений, отвечающих интересам как МНР, так и ТНР [Очерки истории... 1975, с. 104].

Итак, после хемчикских событий советское руководство, опасаясь возникновения новых конфликтных ситуаций, направило усилия на изменение своей позиции в отношении к Тувинской Народной Республике. И советское государство приступило к конкретному решению тувинского вопроса. Логическим продолжением этого курса стало заключение советско-тувинского договора в 1925 г., определившего качественно новый этап развития отношений между СССР и ТНР.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что даже после провозглашения суверенитета тувинского государства возникали различные варианты решения «тувинского вопроса», который неизменно оставался в пользу сохранения «*status quo*» в Туве. В некоторой степени такую неопределенность можно объяснить как процесс поиска Тувой геополитических ориентиров и своей ниши в международных отношениях. При этом особо подчеркнем, что определяющую роль имело изменение позиции Советской России в «тувинском вопросе», который на данном историческом этапе был решен в пользу сохранения суверенитета тувинского государства.

В данном случае, несмотря на фактическое существование политических, военных и торговых связей, заключение советско-тувинского договора состоялось только в 1925 г. Подобную позицию можно объяснить неопределенностью перспектив советско-китайских отношений и отсутствием информации у советской стороны о позиции Китая по «тувинскому вопросу». Вследствие чего советское правительство заняло выжидательную позицию и не торопилось с оформлением своих отношений с тувинским государством *de-jure*. Основные критерии признания: независимость нового государства и самостоятельность в осуществлении государственной власти. Правила признания государств регулируются по большей части международно-правовым обычаем [Международное право... 2010, с. 358]. Однако некоторые критерии вытекают непосредственно из общих принципов международного права.

Так, позиция советской стороны была подтверждена *de-jure* договором между РСФСР и ТНР об установлении дружественных отношений от 22 июля 1925 г., подписанным в Москве. Данная форма признания – признание *de-jure* – полное официальное признание государств (государствоподобных субъектов международного права) или их правительств (установление либо поддержание дипломатических отношений всегда свидетельствует о таком признании). От имени правительства ТНР договор подписали Куулар Дондук – председатель правительства ТНР, Монгуш Буян-Бадьргы – министр иностранных дел, Нимажап и Далаа-Сюрюн – члены ЦК ТНРП, входившие в составе делегации. От правительства СССР – Б.Н. Мельников, Н.П. Колчановский, Г.С. Ягрин.

В последующем перед правительством ТНР стояла задача добиться дипломатического признания со стороны Монголии. В свою очередь, правительство Монголии не давало ответа на

¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 21.

официальные запросы, направляемые правительством ТНР. В 1923 г. был получен ответ, в котором правительство Монголии отказывалось признать ТНР, обосновывая свою позицию тем, что Танды-Тыва является частью Монголии, следовательно, Китая, что отражало двойственность его внешнеполитической позиции. Внешняя Монголия сама добивалась независимости от Китая, но в то же время не желала признавать суверенитет тувинского государства, провозглашенный Всетувинским Хуралом в 1921 г.

В ноябре 1925 г. II Великий Хурал Монголии принял постановление о признании суверенитета тувинского государства. Требовалось лишь юридическое оформление этого акта, и договор между государствами был подписан в Улан-Баторе 16 августа 1926 г. Со стороны правительства ТНР заключить договор была уполномочена комиссия в составе председателя правительства ТНР Куулар Дондук, министра иностранных дел ТНР Монгуш Буян-Бадьргы, секретаря Дарыма-Базыр и полномочного представителя ТНР в СССР Санджая.

Таким образом, право признания государств является суверенным правом государств и акт признания может быть совершен только от имени государства или его правительства. Советское правительство, следуя принципам, провозглашенным в своих первых декретах, в обращении к тувинскому народу от 14 сентября 1921 г. *de-facto* признало ТНР, что было подтверждено *de-jure* договором между РСФСР и ТНР об установлении дружественных отношений от 22 июля 1925 г. В ноябре 1925 г. II Великий Хурал Монголии принял постановление о признании суверенитета тувинского государства, в соответствии с которым договор между ТНР и МНР был подписан в г. Улан-Баторе 16 августа 1926 г. В соответствии с нормами международного права только признанное государство может в полной мере нести права и обязанности, основанные на нормах международного права, участвовать в полной мере в международных общениях и сотрудничестве. Соответственно, с этого момента тувинское государство стало полноправным субъектом международных отношений.

Литература

Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.

Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1 / под ред. и с доп. М.Б. Горенберга. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. 630 с.

Ломакин М.М. Борьба ТНРП за укрепление народно-демократического строя ТНР (1921–1929 гг.) // Ученые записки ТНПИЯЛИ. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1960. Вып. 18. С. 99–112.

Льюис Д. Тува в международных отношениях в период с 1914 по 1944 г. К вопросу о статусе ТНР // Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию ТНПИЯЛИ. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1995. С. 52–55.

Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. В. Тиунов. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 783 с.

Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1975. 405 с.

Саая С.В. Развитие внешнеэкономических связей между Тувой и Советским Союзом в 1920–1930 гг. // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сборник / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. Выпуск 3. С. 123–126.

Саая С.В. Россия – Тува – Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 гг. Абакан: Стрежень, издательские услуги, 2003. 199 с.

Саая С.В. Дипломатический корпус Тувинской Народной Республики по вопросу о взаимодействии с Советской Россией в 1920-х годах. Материалы Международной научно-практической конференции «Открытие и изучение орхоно-енисейской письменности» (к 115-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). 23–24 октября 2008 г. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2008. С. 177–182.

Саая С.В. Внешнеполитическая позиция Советской России в вопросе о международном статусе Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 54–60.

Создание суверенного государства в Центре Азии: Протоколы Хуралов 1921 г. Бай-Хаак, 1991.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, 2000. 1499 с.

Установление покровительства России над Тувой. Архивные документы. К 80-летию объявления протектората (покровительства) / состав. В.А. Дубровский. Кызыл: Типография Комитета по печати и массовой информации Республики Тыва, 1994.

References

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: A–Ya / RAN. In-t lingv. issled.; Sost., gl. red. kand. filol. nauk S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint, 1998. 1534 pp.

Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T.1. / Pod red. i s dop. M.B. Gorenberga. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1909. 630 pp.

Lomakin M.M. Bor'ba TNRP za ukreplenie narodno-demokraticheskogo stroya TNR (1921–1929 gg.). In:

- Uchenye zapiski TNIIYaLI. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo, 1960. Vyp. 18. Pp. 99–112.
- L'yuiz D.** Tuva v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v period s 1914 po 1944 gg. K voprosu o statuse TNR. In: Tezisy nauchnoi konferentsii posvyashchennoi 50-letiyu TNIIYaLI. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo, 1995. Pp. 52–55.
- Mezhdunarodnoe pravo** / Otv. red. G. V. Ignatenko i O. V. Tiunov. Moscow: Norma: Infra-M, 2010. 783 pp.
- Ocherki** istorii Tuvinskoi organizatsii KPSS. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo, 1975. 405 pp.
- Saaya S.V.** Razvitie vneshneekonomicheskikh svyazei mezhdru Tuvoi i Sovetskim Soyuzom v 1920–1930 gg. In: Ehtnosotsial'nye protsessy v Sibiri: tematicheskii sbornik. / Pod red. Yu. V. Popkova. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otd. Rossiiskoi akademii nauk, 2000. Vypusk 3. Pp. 123–126.
- Saaya S.V.** Rossiya – Tuva – Mongoliya: «tsentral'no-aziatskii treugol'nik» v 1921–1944 gg. Abakan: Strezhen': izdatel'skie uslugi, 2003. 199 pp.
- Saaya S.V.** Diplomatičeskii korpus Tuvinskoi narodnoi Respubliki po voprosu o vzaimodeistvii s Sovetskoj Rossiei v 1920-kh godakh. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-praktičeskoj konferentsii «Otkrytie i izučenie orkhono-eniseiskoi pis'mennosti» (k 115-letiyu deshifrovki orkhono-eniseiskoi pis'mennosti). 23–24 oktyabrya 2008 g. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 2008. Pp. 177–182.
- Saaya S.V.** Vneshnepoliticheskaya pozitsiya Sovetskoj Rossii v voprose o mezhdunarodnom statuse Tuvinskoi Narodnoi respubliki (1921–1944 gg.). *Vestnik Tyvinskogo gos. un-ta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*. 2009. № 1. Pp. 54–60.
- Sozdanie suverennogo gosudarstva v Tsentre Azii:** Protokoly Khuralov 1921 g. Bai-Khaak, 1991. 96 pp.
- Tolkovyj slovar' russkogo yazyka** / pod red. D.N. Ushakova. Moscow: Astrel', 2000. 1499 pp.
- Ustanovlenie pokrovitel'stva Rossii nad Tuvoi.** Arkhivnye dokumenty. K 80-letiyu ob"yaVleniya protektorata (pokrovitel'stva) / sostav. V.A. Dubrovskii. Kyzyl: Tipografiya Komiteta po pečhati i massovoi informatsii Respubliki Tyva, 1994.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В 1970–1980-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ХАКАСИИ И ТУВЫ)

Ю. К. Троякова

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, пр. Ленина, 92, Абакан, 655017, Россия;
email: troyackova.julia@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4559-8109*

В статье рассматриваются процессы, происходившие в среде творческой интеллигенции Хакасии и Тувы в 1970–1980-е гг. Изучены взаимоотношения литературно-художественной интеллигенции и властных структур. На основе архивных источников, газетных иллюстраций и научных публикаций раскрыта организационная и творческая работа хакасского и тувинского отделений Союза писателей СССР, его писателей, поэтов, критиков.

Ключевые слова: литературно-художественная интеллигенция, власть, Тува, Хакасия, творческие организации, Союз писателей СССР.

LITERARY AND ARTISTIC INTELLIGENCE AND POWER IN THE 1970–1980s (BY THE EXAMPLE OF KHAKASIA AND TUVA)

J. K. Troyakova

*Khakas State University named after N.F. Katanov, 92, Lenin avenue, Abakan, 655017, Russia;
email: troyackova.julia@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4559-8109*

The article deals with the processes that took place among the creative intelligentsia of Khakassia and Tuva in the 1970s and 1980s. The relationship between the literary and artistic intelligentsia and power structures has been studied. On the basis of archival sources, newspaper illustrations and scientific publications, the organizational and creative work of the Khakass and Tuvan branches of the Union of Writers of the USSR, its writers, poets, critics is revealed.

Keywords: literary and artistic intelligentsia, power, Tuva, Khakassia, creative organizations, union of Writers of the USSR.

Период 1970-х – начало 1980-х гг. в истории СССР довольно неоднозначно освещается в отечественной историографии. В литературе подчеркивается, что, несмотря на значительные достижения в экономике, социальной сфере, характерной особенностью очередных пятилеток явилось сохранение прежней модели общественно-политического развития, идеологических ориентиров и ценностей. В СССР оставался в целом неизменным и стиль руководства культурой с его цензурой и контролем над интеллигенцией.

В отечественной исторической науке достаточно много уделено внимания проблеме взаимоотношений власти и интеллигенции, однако на уровне региональных исследований данная тема требует новых изысканий. Целью статьи является изучение истории взаимоотношений литературно-художественной интеллигенции наци-

ональных регионов Южной Сибири (на примере Хакасии и Тувы) и властных структур.

Понятие литературно-художественной интеллигенции в данном случае трактуется довольно широко, включая в себя представителей основных групп творческой и организационной работы союзов писателей, литературных объединений, единоличную и коллективную деятельность поэтов, критиков, литературоведов и других работников интеллектуальной сферы.

В указанные годы отношения советской власти и представителей немногочисленной литературно-художественной интеллигенции сибирской провинции складывались сложно и неоднозначно. В отличие от центральных регионов страны местная интеллигенция не стала здесь «последним оплотом сопротивления политическому режиму». Это объясняется следующими факторами: «штучность» интеллигенции, специфика социально-

экономического развития региона, особенности природно-климатических условий, логическая труднодоступность, отдаленность от центра и др.

Система органов государственной власти в сфере литературы во многом определяла приоритеты проводимой в стране политики. На развитие литературного творчества в национальных районах Южной Сибири, формирование художественной интеллигенции повлияли также вышедшие в 1970–1980-е гг. постановления ЦК КПСС, Совета Министров РСФСР, во многом предопределившую консервативную политику местных властей. Решающую роль в деятельности литературно-художественной интеллигенции сыграли партийные установки и жесткие рамки господствующей идеологии.

Так, например, на деятельность творческих союзов повлияло постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972). Основная мысль этого документа заключалась в необходимости глубже использовать принцип научности советской художественной критики, развивать советское искусство, ориентируясь на разностороннее изучение проблем теории и методологии, противостоящих немарксистским взглядам, ревизионистским эстетическим концепциям, активизируя усилия ученых в исследовании современного художественного процесса. ЦК КПСС предъявил строгую требовательность к литературно-художественной критике, призванной быть посредником между писателем и читателем. В постановлении отмечалось, что некоторые критики отошли от актуальных проблем развития литературы, а некоторые руководствовались известным принципом: судить произведения писателя по законам, им самим установленным, что нередко вело к художественному произволу¹. ЦК КПСС рекомендовал ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС, ЦК ВЛКСМ разработать систему мер по дальнейшему улучшению идейного и профессионального воспитания творческой молодежи, руководствуясь принятыми положениями.

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972) было обсуждено в Хакасском обкоме ЦК КПСС совместно с представителями литературно-художественной интеллигенции. На собрании было отмечено, что, наряду с выдающимися произведениями литературы, в последнее десятилетие появились слабые низкохудожественные, а порой просто искажаю-

щие нашу действительность произведения, такие как «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицина, «Затоваренная бочкотара» В.П. Аксенова².

Учитывая отсутствие профессиональных критиков в хакасской писательской организации, было решено часть писателей отправить на обучающие семинары в г. Красноярск. В Москву тогда направили на семинар критиков кандидата филологических наук Анну Герасимовну Кызласову (1933–2007). На кафедре литературы в Абаканском пединституте провели собрание студентов, которые смогли бы писать статьи, рецензии³. С одной стороны, постановление ЦК КПСС оказало существенное воздействие на развитие литературной критики и литературоведения в области и хакасская писательская организация стремилась более активно, с партийных позиций воздействовать на ход литературного процесса. С другой стороны, организация не располагала критиками, литературоведами.

В феврале 1972 г. в Туве произошло обсуждение данного постановления ЦК КПСС в редакции газеты «Тувинская правда» [Савиных, 1972, с. 3]. За круглым столом собралась вся творческая интеллигенция республики – писатели, критики, художники, артисты, музыканты. Участники пришли к выводу о том, что поскольку республика испытывает дефицит в кадрах профессиональных критиков по литературе и искусству, художникам и писателям нужно активнее публиковать критические статьи в газете. Руководство редакции газеты решило создать специальный совет по разбору творческих произведений с участием писателей, приглашать профессиональных специалистов по критике. О воспитании собственных квалифицированных кадров критиков выступил председатель Союза писателей (СП) Тувы О.О. Сувакпит (1926–2002). Были высказаны замечания о плохой работе секции критики во главе с А.К. Калзаном, о работе редколлегии альманаха «Улуг-Хем» [Савиных, 1972, с. 3]. «К сожалению, альманах все еще работает без плана, нужно планировать, заказывать рецензии» [Савиных, 1972, с. 3], – выступил О.О. Сувакпит. Далее в своем выступлении председатель правления СП Тувы высказал о необходимости устных обзоров новых выпусков альманаха, бороться против «комплиментарности», «приевшихся» рецензий в «елейном тоне, без анализа» [Савиных, 1972, с. 3].

¹ Национальный архив Республики Хакасия (далее – НАРХ). Ф. Р. 589. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.

² Там же.

³ Там же. Л. 26.

Обсуждение данного постановления ЦК КПСС продолжилось и на совещании идеологических и творческих работников в Кызыле. В прениях выступили представители творческой интеллигенции. В числе предложенных мер были создание факультативной секции критики в педагогическом институте, выделить для статей ведущих советских критиков специальный раздел на тувинском языке в альманахе «Улуг-Хем» и др. [Козлова, 1972, с. 3]. Следует отметить, что в связи с выходом этого постановления ЦК КПСС при СП СССР в 1973 г. был основан литературно-критический журнал («Литературное обозрение»). На совещании выступил председатель правления СП Тувы Олег Одербеевич Сувакпит, подчеркнувший, что секция критики не должна «оставлять без внимания ни уже вышедшие из печати книги, например, первый сборник стихов Александра Даржая, новую повесть Михаила Пахомова, книгу стихов Алдын-оола Даржаа, ни произведения, нуждающиеся во внутреннем рецензировании и доработке» [Козлова, 1972, с. 3]. Докладчик, отметив «пессимистические тенденции» в новой книге стихов Монгуша Доржу, напомнил писателям о чеховском принципе: «Поменьше печатать, побольше работать» [Козлова, 1972, с. 3]. Кроме того, Сувакпит призвал к созданию запоминающихся образов (Тас-Баштыг из «Слова арата» С.К. Тока, Чечек из поэмы С.Б. Пюрбю и др.), к подробному изучению стиля и языка лучших произведений ведущих литераторов республики. Совещание не приняло конкретного решения, однако все присутствующие согласились с практическим использованием решений и постановлений партии.

В 1970-е гг. местные отделения Союза писателей национальных районов сибирской провинции осуществляли свою деятельность в русле основных направлений XXIV съезда партии, высказываний генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. В докладе Л.И. Брежнева обращалось внимание на плодотворное развитие литературы и искусства во всех республиках, на десятках языков народов СССР и «в ярком многообразии национальных форм» [КПСС во главе культурной революции в СССР, 1972, с. 331]. Собрания местных отделений Союза писателей Хакасии и Тувы всецело и полностью одобрили решение XXIV съезда КПСС. Основной задачей писателей национальных районов Южной Сибири явилось создание высокохудожественных произведений, отражающих величественный труд советских людей, воспитывающих их в духе преданности идеям коммунизма. Так, для улучшения творче-

ской работы хакасской писательской организации были разработаны мероприятия в свете решений XXIV съезда КПСС¹. Были запланированы поездки писателей в районы ХАО для встреч с читателями накануне XXIV съезда КПСС. В мае 1971 г. состоялось расширенное собрание с участием профессиональных писателей из г. Красноярска, посвященное улучшению творческой работы в союзе в свете решений XXIV съезда КПСС². Было решено улучшить переводческое дело и просить краевую писательскую организацию об оказании помощи в переводе произведений хакасских писателей.

22 февраля 1972 г. было опубликовано постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление вызвало новый этап творческой активности в хакасском отделении союза писателей РСФСР. В течение 1972 г. были проведены следующие мероприятия писателей в честь 50-летия СССР: выезд писателей на семинар молодых авторов в г. Красноярск; поездка писателей в Туву с целью проведения Дней дружбы литератур; участие писателя П.А. Троякова (1922–2001) в работе пленума писателей РСФСР, посвященного проблемам многонациональной литературы³. Было решено писательской организации вместе с редакциями газет и радио популяризировать произведения авторов и спектаклей театра, воспитывать высокую художественную культуру читателей и зрителей. А также выступать со статьями и художественными произведениями, отражающими тему дружбы народов и интернационализм.

Традицией стало взаимное проведение дней культуры, для участия в которых привлекались выдающиеся деятели культуры, известные художественные коллективы, в том числе и писатели. Например, в конце 1972 г. хакасская делегация писателей побывала в Запорожье [Доможаков, 1972, с. 3]. Ответным визитом стало проведение Недели украинской литературы в Хакасии в июне 1973 г. Делегация украинских писателей во главе с Петро Ребро побывала в с. Шушенском, встретила с работниками Абаканского мясоконсервного комбината, со строителями СШ ГЭС и работниками Богословского леспромпхоза [Викторова, 1973, с. 3]. Производственные коллективы слушали новые произведения запорожских писателей и поэтов, посвящен-

¹ НАРХ. Ф. Р. 589. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 33.

ных Хакасии. В августе 1973 г. в Шушенском прошла Неделя советской литературы «Енисейские встречи – 1973», которая была посвящена 70-летию II съезда РСДРП [Барабанова, 1973, с. 3]. Проведение дней, недель литературы и искусства способствовали развитию и укреплению творческих контактов, вдохновляли писателей на создание произведений о жизни народов братских республик и областей.

В конце 1973 г. были подведены итоги по работе хакасской писательской организации. На собрании, кроме писателей, присутствовали представители Хакасского областного комитета ЦК КПСС В.Г. Пахомов и М.И. Филимонова. Ими было отмечено, что в развитии хакасской литературы в целом, в творчестве отдельных писателей, в организационной работе союза все еще имелись серьезные недостатки. Писатели мало обращались к теме современности, бюро писательской организации и его секретарь П.А. Трояков недостаточно умело вели работу с авторами по оказанию помощи в решении идейно-творческих проблем. Не была активизирована деятельность критиков, мало повышался профессиональный уровень писателей. Не выполнены задачи писательской организации по вопросам переводов, изданию детской литературы¹.

«Надо отметить, – сказал В.Г. Пахомов, – что в дело культурного строительства достойный вклад внесли наши творческие работники – писатели, художники, деятели искусств. В этом отношении заслуживает внимание роман Н.Г. Доможакова "В далеком аале", раскрывающий величие идеалов и красоту социализма. К сожалению, на этом список произведений писателей Хакасии исчерпан»². В ходе дальнейшего обсуждения отчета по работе Союза писателей было указано, что писатели не проявили творческой активности и стремления «проникнуть в глубину жизни, плодотворно участвовать в создании правдивой и яркой летописи коммунистического строительства»³. Другим недостатком работы хакасского отделения писательской организации явился уход литературно-художественной интеллигенции от современных тем к темам прошлого. Главной задачей членов Союза писателей явилось отображение «сегодняшней кипучей жизни, воплощения в художественных образах нашего современника, его значительных дел»⁴.

По итогам обсуждения собрание приняло развернутое постановление, направленное на то, чтобы писатели Хакасии в своих произведениях полнее отражали сложный духовный процесс становления современника. Было решено, что писательская организация должна «проявлять больше деловой конкретности в решении очередных задач, особенно в области воспитания художников слова, молодой смены, в повышении идейного и художественного уровня создаваемых произведений»⁵.

На собраниях СП Хакасии и Тувы постоянно обсуждались вопросы, связанные с основными событиями общественно-политической и экономической жизни всей страны. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний СП. Так, например, в 1978 г. на очередном собрании был рассмотрен вопрос «О задачах писательских организаций страны по выполнению указаний и рекомендаций Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева, сделанных им во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока». Поездка по восточным районам страны имела значение для выполнения решений XXV съезда КПСС по комплексному освоению природных богатств и развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока [Марчук, 2007, с. 202]. Так как на десятую пятилетку для сибирской провинции был запланирован в полтора раза более высокий темп роста производства, чем в целом по стране, то здесь происходило интенсивное наращивание экономического потенциала.

О задачах писательских организаций и других постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР («О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения», 1977; «О мерах по дальнейшему развитию самостоятельного художественного творчества», 1978; «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», 1979) говорили на очередном совещании работников культуры и искусства в Кызыле в 1979 г. Было принято решение об оказании помощи коллективам художественной самостоятельности в формировании высокоидейного репертуара, развитии шефства творческих организаций над селом. На совещании руководство республики призвало всех представителей творческой интеллигенции, в том числе писателей, к более активному участию в художественно-эстетическом воспитании населения [Козлова, 1979, с. 3].

¹ НАРХ. Ф. Р. 589. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

² Там же. Л. 25.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 7.

В 1980-е гг. деятельность литературно-художественной интеллигенции национальных районов Южной Сибири по-прежнему руководствовалась принципами, заложенными XXVI съездом КПСС (1981). На пленуме ЦК КПСС, проходившем 24 мая 1982 г., было утверждено постановление «О проекте продовольственной программы СССР на период до 1990 года» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1987, с. 274]. Пленум утвердил представленные Политбюро ЦК постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленные на осуществление продовольственной программы. Среди которых особо выделяется постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1987, с. 275]. В указанном документе Министерство культуры СССР, советы министров союзных и автономных республик, крайисполкомы и облисполкомы должны были «обеспечить дальнейшее улучшение культурного обслуживания сельского населения», «активизировать работу по изданию книг, раскрывающих важные проблемы современного села» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1987, с. 339]. Данное постановление ЦК КПСС было незамедлительно рассмотрено представителями литературно-художественной интеллигенции национальных районов сибирской провинции и приняты соответствующие меры.

Обсуждению и претворению в жизнь постановления ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (1982) было посвящено прошедшее в декабре 1982 г. собрание тувинских писателей [Козлова, 1982, с. 3]. Постановление полностью опиралось на решения XXVI съезда КПСС, в нем критически была оценена работа литературно-художественных журналов. В частности, было отмечено, что «на страницах журналов появляются историко-литературные работы, авторы которых... обнаруживают путаницу, неумение рассматривать общественные явления исторически, с четких классовых позиций» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1987, с. 335].

С докладом, посвященным работе литературно-художественного альманаха «Улуг-Хем», выступил тогда председатель правления СП Тувы К. К. Кудажи (1929–2006). В своем выступлении он отметил, что «альманах должен быть, как и

любой журнал, точным и верным зеркалом, отражающим народные судьбы» [Козлова, 1982, с. 3]. Участвующие говорили о том, что альманах должен выходить не только на тувинском, но и чаще (более одного раза в год) на русском языке. Такая необходимость была вызвана популяризацией и пропагандой тувинской литературы не только среди местного населения, но и за ее пределами. Был также поднят вопрос о «неправильном восприятии многими писателями критических замечаний» их произведений [Козлова, 1982, с. 3]. Подводя итоги собрания, заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС А. К. Канзай призвал писателей «искать положительных героев современности в самой жизни, идти к народу, подмечать новые черты в его труде, быту» [Козлова, 1982, с. 3].

Образ положительного героя современности в тувинской литературе и искусстве вновь явился предметом встречи представителей творческих союзов за круглым столом в редакции «Тувинской правды» в 1982 г. В Тувинском книжном издательстве каждый год выходили 34 новых произведения художественной литературы, большинство из которых были посвящены современной тематике [Козлова, 1982, с. 3]. Среди недостатков в работе писателей председатель правления союза К. К. Кудажи отметил, что «о героях социалистического труда мы пишем мало; практически нет работ на рабочую тему, тем более что в республике построены два комбината, Новый Шагонар» [Козлова, 1982, с. 3].

Производственные темы современности, как этого требовали партия и правительство, местное руководство национальных районов Южной Сибири, должны быть воплощены в литературе, в произведениях писателей. Особенно на этом акцентировалось внимание в канун политических юбилеев партии, советской власти, государства. Например, накануне празднования 60-летия образования СССР в газете «Тувинская правда» вышла статья, где критиковалась деятельность творческих союзов республики. В статье отмечалось о наличии «примитивных произведений, искажающих действительность; показанных героев на низком идейно-художественном уровне» (речь шла о повести писателя М. Кожелдея «Позднее раскаяние») [Сапельцев, 1982, с. 3]. Упрекали писателей в отсутствии произведений в документально-историческом жанре. Автор статьи призывал использовать при написании художественных произведений архивные документы, приведя в качестве примера научный труд «История Тувы» [Сапельцев, 1982, с. 3].

Таким образом, литературно-художественная интеллигенция и власть, очевидно, находились в тесной взаимозависимости. Местная политическая элита активно использовала интеллигенцию как инструмент воспроизведения, распространения идеологии, тиражирования мировоззренческих догм, указаний. Важнейшим фактором, определившим развитие литературного процесса в Хакасии и Туве в указанные годы, являлась партийно-государственная политика. Взаимоотношения местных органов власти и литературно-художественной интеллигенции определялись очередными постановлениями ЦК КПСС, решениями партийных съездов и др. Областной комитет ЦК КПСС уделял пристальное внимание деятельности местных писательских организаций.

Литература

- Барабанова В.** «Енисейские встречи – 1973» // Советская Хакасия. 1973. 10 августа.
- Викторова В.** Неделя украинской литературы в Хакасии // Советская Хакасия. 1973. 22 июня.
- Доможаков Н.Г.** Сердца друзей // Советская Хакасия. 1972. 31 декабря.
- Козлова С.** Конкретность, глубина анализа, действенность // Тувинская правда. 1972. 18 мая.
- Козлова С.** Ответственность каждого // Тувинская правда. 1979. 20 марта.
- Козлова С.** Зеркало жизни народа // Тувинская правда. 1982. 30 декабря.
- Козлова С.** Главная тема творчества // Тувинская правда. 1982. 23 мая.
- КПСС во главе культурной революции в СССР.** М.: Политиздат, 1972. 376 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986).** Т. 14. 1981–1984. 9-е изд., доп. и исправ. М.: Политиздат, 1987. 639 с.
- Марчук Г.И.** Стратегия научного поиска // Российская академия наук. Сибирское отделение: Стратегия лидеров / сост. В.Д. Ермиков, Н.А. Притвиц, О.В. Подойницына. Новосибирск: Наука, 2007. С. 202–209. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/elibrary/2007str/202-209.ssi> (дата обращения: 10.05.2022).
- Савиных В.** Забота о критике – забота об искусстве // Тувинская правда. 1972. 20 февраля.
- Сапельцев В.** Призвание обязывает // Тувинская правда. 1982. 23 июля.
- Barabanova V.** «Eniseiskie vstrechi – 1973». In: Sovetskaya Khakasiya. 1973. 10 avgusta.
- Domozhakov N.G.** Serdtsa druzei. In: Sovetskaya Khakasiya. 1972. 31 dekabrya.
- Kozlova S.** Konkretnost', glubina analiza, deistvennost'. In: Tuvinskaya pravda. 1972. 18 maya.
- Kozlova S.** Otvetstvennost' kazhdogo. In: Tuvinskaya pravda. 1979. 20 marta.
- Kozlova S.** Zerkalo zhizni naroda. In: Tuvinskaya pravda. 1982. 30 dekabrya.
- Kozlova S.** Glavnaya tema tvorchestva. In: Tuvinskaya pravda. 1982. 23 maya.
- KPSS vo glave kul'turnoi revolyutsii v SSSR.** Moscow: Politizdat, 1972. 376 pp.
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898–1986).** T. 14. 1981–1984. 9-e izd., dop. i isprav. Moscow: Politizdat, 1987. 639 pp.
- Marchuk G.I.** Strategiya nauchnogo poiska. Rossiiskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Strategiya liderov / Sost. V.D. Ermikov, N.A. Pritvits, O.V. Podoinitsyna. Novosibirsk: Nauka, 2007. Pp. 202–209. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/elibrary/2007str/202-209.ssi> (data obrashcheniya: 10.05.2022).
- Savinykh V.** Zabota o kritike – zabota ob iskusstve. In: Tuvinskaya pravda. 1972. 20 fevralya.
- Sapel'tsev V.** Prizvanie obyazyvaet. In: Tuvinskaya pravda. 1982. 23 iyulya.
- Viktorova V.** Nedelya ukrainskoi literatury v Khakasii. In: Sovetskaya Khakasiya. 1973. 22 iyunya.

References

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ В 50-е – 80-е гг. XIX в.

В. К. Чертыков

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: chertyckov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1584-0606

Во второй половине XIX в. источниковедение Сибири добилось значительных успехов. Архивоведческая работа по России, в том числе и по Сибири, проводилась в Петербурге и Москве. Наиболее значимым достижением стало издание Археографической комиссией «Дополнений к Актам историческим» (тома 2–11). В Москве публикацией источников занимался Московский университет. В Сибири подобная работа проводилась в основном отдельными энтузиастами. В статье предпринята попытка выявить из общесибирского материала (опубликованных в 50-е – 80-е гг. XIX в.) те источники, в которых имеются сведения по Хакасско-Минусинскому краю до и после присоединения к России.

Ключевые слова: Сибирь, Хакасско-Минусинский край, Археографическая комиссия, публикация источников, сборники документов, «Памятные книжки».

PUBLICATION OF SOURCES ON HISTORY OF THE KHAKASS-MINUSINSK REGION IN THE 50s – 80s OF THE 19TH CENTURY

V. K. Chertykov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: chertyckov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1584-0606

In the second half of the 19th century, the source studies of Siberia achieved significant success. Archival work in Russia, including Siberia, was carried out in St. Petersburg and Moscow. The most significant achievement was the publication of «Additions to Historical Acts» (volumes 2–11) by the Archaeographic Commission. In Moscow, the publication of sources was made by Moscow State University. In Siberia, such work was performed mainly by individual enthusiasts. The article attempts to identify from the all-Siberian material (published in the 50s – 80s. 19th century.) those sources in which there is information on the Khakass-Minusinsk Region before and after joining Russia.

Keywords: Siberia, Khakass-Minusinsk Region, Archaeographic Commission, publication of sources, collections of documents, «Commemorative books».

Во второй половине XIX в. был достигнут прогресс в области источниковедения Сибири. Самым, пожалуй, значительным явлением здесь был общий поворот сибирской историографии в сторону массированного использования архивных материалов. Задача изучения внутренних процессов не могла быть решена без изучения первоисточников экономического характера, документов, отразивших в себе процессы переселения, колонизации, ее влияние на жизнь и быт «инородцев».

Все эти обстоятельства заставили обратить внимание на общее плачевное состояние сибирских архивов и приступить к работе по упорядочению и сохранности их фондов. На повестку дня встали вопросы архивоведения, составления архивных указателей и обзоров, публикаций

письменных источников, а также источниковедческих исследований [Мирзоев, 1970, с. 252].

Собственно архивоведческая работа по истории Сибири велась главным образом в столицах – Петербурге и Москве. Новый период отмечен, прежде всего, значительным развитием деятельности Археографической комиссии, возглавленной с 1853 г. Н. В. Калачовым (1819–1885), видным археографом, учеником П. М. Строева. В 1870-х гг. Археографическая комиссия завершила свое издание «Дополнений к Актам историческим» (12 томов). Сибирский материал, представленный в «Дополнениях», относится в основном к XVII в. Материалы по истории присоединения Хакасско-Минусинского края к России содержатся в IV, V, VII, VIII и XI томах «Дополнений» [ДАИ, 1851, 1853, 1859, 1862, 1869]. В царских указах, отписках

воевод, статейных списках, доездах, челобитных, сказках и др. документах повествуется о строительстве Томского, Кузнецкого и др. острогов, о вооруженных столкновениях русских служилых людей с енисейскими кыргызами, о взаимоотношениях с монгольскими правителями, об отправке послов в Китай, о торговле и др. Основу сибирского материала «Дополнений» составили копии документов, вывезенных Г.Ф. Миллером из сибирских архивов.

В Москве аналогичную работу по изданию архивных материалов развернуло Московское общество истории и древностей российских при Московском университете. В двух изданиях общества были опубликованы «Материалы для истории Сибири», подготовленные Г.Н. Потаниным (1866, 1867) [Материалы, 1866; Потанин, 1867. Кн. 1; Потанин, 1867. Кн. 2]. Потанин длительное время работал в Омском архиве, содержащем богатый материал по истории Сибири XVIII в. Сборники документов отличались новизной, выглядели достаточно свежими с учетом того, что ранее, до его «Материалов», публиковались в основном документы по истории Сибири XVI–XVII вв. В этих сборниках имеются документы, свидетельствующие о печальной участи хакасского населения, уведенного в начале XVIII в. на территорию Джунгарского ханства, подвергшегося впоследствии разгрому со стороны китайских войск.

В 70-х гг. XIX в. исследованием сибирских архивных источников много занимался сотрудник Главного архива Министерства иностранных дел М.П. Пуцилло. Решение вопроса о праздновании в 1882 г. 300-летнего юбилея присоединения Сибири подхлестнуло его энергию. Пуцилло составил «Указатель к делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому Главному архиву Министерства иностранных дел», изданный в 1879 г. Несмотря на отдельные недостатки, это был первый в своем роде справочник, значительно облегчивший работу исследователей.

Публикация сибирского актового материала имела место как в общих, так и в местных изданиях. Среди первых следует назвать «Русскую историческую библиотеку»: два ее тома (2-й и 8-й) содержат материалы по истории Кыргызской земли (Хакасии) XVII в. [РИБ, 1875, 1884]. Возможно, случайно два документа по истории русско-кыргызского противоборства в Южной Сибири оказались в «Сборнике князя Хилкова» (1879). В документе №99 говорится о посольстве томского сына боярского Григория Пущина

к джунгарскому Галдану контайше с требованием «унять» кыргызов и белых калмыков, чтобы они прекратили нападать на русские остроги [Сборник князя Хилкова, 1879, с. 303–308]. Второй документ (№100) под названием «Список похода томских боярских детей Романа Старова и Ивана Греченинова с служилыми людьми в Кыргызскую землю» повествует о неудачном походе русских ратников против кыргызов князя Иренака Ишеева в январе – феврале 1680 г. [Там же, с. 308–322].

Публикация материалов по истории Сибири XVIII в. была продолжена сборником документов «Памятники сибирской истории XVIII в.» (Кн. 1–2, СПб., 1882, 1885). Согласно Высочайше утвержденным правилам (1837) для руководства Археографической комиссии, издание памятников отечественной истории, относящихся к XVIII в., не входило в круг ее занятий, поэтому корреспондент Археографической комиссии А.И. Зост предложил комиссии издать за свой счет акты, относящиеся к сибирской истории XVIII в. Данная инициатива была поддержана Археографической комиссией. В сборник документов вошли материалы из портфелей Миллера, хранившихся в архиве Петербургской академии наук и Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Первую книгу (изданную в год празднования 300-летия присоединения Сибири) открывают многочисленные документы, рассказывающие о военных столкновениях русских с кыргызами в 1700–1701 гг.: о нападениях кыргызов и ойратов на Красноярский, Кузнецкий, Томский уезды, о жаловании служилым людям за их походы в Кыргызскую «землицу», переговорах о мире 1701 г. и др. [Памятники Сибирской истории XVIII в., 1882, док. №1–3, 6, 8–10, 13, 15, 19–23, 25–27, 29, 32, 33, 37, 39, 40, 58–60, 63]. Во второй книге имеются небольшие сведения по истории Хакасии (о бегстве в 1719 г. из-под Абаканского острога за Саянский камень к монголам койбалов Аргамака и Шуруктея «с товарищи» в 30 луках от угрозы крещения [Памятники Сибирской истории, 1885, док. №67], о самовольном (без отпуску) уходе в 1719 и 1720 гг. из-под Красноярска качинских, аринских, ястынских служилых и ясашных татар с женами и детьми и со скотом вверх Енисея реки и живущих в разных местах, где прежнее жили кыргызы [Там же, док. №68]).

Ценным документальным сборником является объемный труд «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год» архивоведа XVIII в. Николая Николаевича Бантыш-Каменского (1737–1814), одного из непосредственных преемников

Г.Ф. Миллера. В его основу были положены выписки из архивных документов, сделанные им на протяжении 37 лет. В 1792 г. он завершил и в том же году представил в Коллегию иностранных дел упомянутый труд, который, однако, не был удостоен внимания. В 1803 г. Бантыш-Каменский снова переправил это сочинение к графу Воронцову с посвящением рукописи императору Александру I, за что получил в награду бриллиантовый перстень, но не получил разрешение на печатание. Только в 1821 г. по ходатайству статс-секретаря графа Иоанна Каподистрии от Александра I было получено разрешение на издание за счет казны не только данного сочинения, но и других, подготовленных покойным Н.Н. Бантыш-Каменским. Но и тогда этот труд не был опубликован. Экземпляр издаваемой рукописи был приобретен в Петербурге в 1874 г. В.М. Флоринским и опубликован им в Казани в 1882 г. [Бантыш-Каменский, 1882, с. IX–XI]. В сборнике имеются документы о заключении Буринского пограничного трактата (в августе 1727 г. на р. Бура. – В. Ч.), по которому российско-китайская граница прошла по Саянам. Последний, 24-й пограничный знак на хребте Шабина Дабага должны были содержать сагайцы и бельтиры [Бантыш-Каменский, 1882, с. 362–363].

Верхневолжский археолог, этнограф и палеограф Андрей Александрович Титов (1844–1911) подготовил к публикации сборник «Сибирь в XVII веке», который был издан на средства мецената, красноярского купца Г. В. Юдина. Издание содержит в себе ценные публикации: сказание «О человецах незнаемых на восточной стране», «Историю о Сибири» Юрия Крижанича, «Сказание о великой реке Амуре» Н.Г. Спафария, «Описание новых земель, сиречь Сибирского царства», «Список с чертежа Сибирских земель» и др. Основу сборника составили рукописные тексты, извлеченные А.А. Титовым из Императорской публичной библиотеки и Румянцевского музея. В «Описании новых земель...» имеются небольшие географические и иные сведения о Томском городе, Кузнецком остроге, о ясачных людях и др. [Сибирь в XVII веке, 1890, с. 79–80].

В 1876 г. в Варшаве увидел свет «Сборник обычного права сибирских инородцев». Сам издатель высоко оценивал значение этого сборника. Д.Я. Самоквасов писал, что «предлагаемый сборник обычного права сидячих, бродячих и кочующих сибирских народов представляет собою драгоценнейший для науки материал, подобного которому по полноте и качеству не существует в литературе. В противоположность существу-

ющим сборникам обычного права первобытных народов, составленным по известиям путешественников, часто отрывочным, случайным, в которых действительность более или менее пострадала от субъективных воззрений авторов, предлагаемый сборник представляет собою полную систему первобытного права, составленную самими первобытными народами» [Сборник обычного права сибирских инородцев, 1876, с. IX].

Сборник включает в себя обычаи калмык и татар Бийского уезда, инородцев Кузнецкого округа, обычаи инородцев Тобольской губернии (вогул, остяков и самоедов, обычаи тунгусов Нерчинского ведомства и ведомства князя Гантимура), бурят различных ведомств, обычаи якутов, киргизов (казахов). В «Сборнике обычного права сибирских инородцев» нет сведений по хакасским степным думам (Кызыльской, Качинской, Койбальской, Соединенных разнородных племен), но есть раздел об обычном праве кузнецких татар. В XVIII – начале XIX в. часть населения из Кузнецкой земли (бирюсинцы) переселилась на территорию юга Хакаско-Минусинского края и вошла в состав Степной думы соединенных разнородных племен (Сагайской) Минусинского округа. Позже они стали именоваться сагайцами и стали частью хакасов.

Что касается местных изданий актового материала, то следует отметить, что из всех опубликованных сборников только «Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири» (Томск, 1890), изданные сибирским краеведом Иннокентием Петровичем Кузнецовым (1851–1916), содержат архивный материал по истории Хакаско-Минусинского края [Исторические акты XVII столетия, 1890].

Еще в 1850 г. в Географическом обществе возникла идея об издании на русском языке многотомного (19 томов) труда ««Землеведение в отношении к природе и истории человечества»» выдающегося немецкого географа Карла Риттера (1779–1859), посвященного географии Азии и Африки. Труд Риттера представлял в то время наиболее полное изложение географических данных об Азии. Содержание русского издания из-за недостатка средств должно было ограничиться переводом информации о тех частях Риттеровой Азии, которые относятся к России и странам, сопредельным с ней, т.е. к Китаю, Турану и Ирану, оставляя без перевода более далекие страны. Издание на русском языке предполагало не только перевод, но и дополнение изложения Риттера новыми данными, полученными наукой.

Первый том творения Риттера вышел в 1832 г., он был исполнен в русском переводе с большим успехом, поскольку в него были внесены значительные дополнения из новейшей литературы. Переводом и редакцией сначала занимались несколько лиц, но впоследствии основные усилия взяли на себя П. П. Семенов (1827–1914); раздел о Туркестане и Кабулистане был обработан В. В. Григорьевым (1816–1881), раздел об Иране – Н. В. Ханыковым (1822–1878), раздел о Сибири – П. П. Семеновым (с 1906 г. Тянь-Шанский) (1827–1914). Сначала дополнения помещались вслед за отдельными параграфами; но иногда они разрастались в целые тома [Пыпин, 1892, с. 292–293]. Материалы по Хакасско-Минусинскому краю (Саяно-Алтайская горная система) содержатся в томах: II (1859), III (1860) [Риттер, 1858, 1860]. По Саяно-Алтайскому региону с 1832 г. было проведено много новых изысканий и опубликовано так много литературы (Кастрена, Чихачева, Шварца, князя Кострова и др.), что пришлось готовить целый том дополнений (1877) по этому региону [Риттер, 1877]. К написанию этого тома П. П. Семенов привлек деятеля областнического движения Г. Н. Потанина, который находился в это время в ссылке в г. Никольске Вологодской губернии.

Другой вид публикаций составляют сочинения, заметки и мемуары о Сибири, составленные в разное время. Большое место в публикациях по Сибири заняли мемуары и письма декабристов, опубликованные в различных изданиях. В 1882 г. в Петербурге из-под пера Александра Петровича Беляева (1802–1887) вышли «Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом». Он вместе со своим младшим братом Петром в 1833 – марте 1840 г. находился на поселении в Минусинске. Братья поддерживали знакомство с известным хакасским скототорговцем Чиркой Каркиным, сын которого брал частные уроки у Беляевых. Автор воспоминаний описал хозяйственный быт местного богача [Беляев, 1882, с. 313–314].

Большим достижением для источниковедения Сибири стал выход в свет в 1884 г. (в выходных данных указана неправильная дата – 1883 г.) труда действительного члена Восточно-Сибирского отдела ИРГО Ивана Васильевича Щеглова (1855–1884) «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» [Щеглов, 1883]. Автор готовил свой труд к 300-летию юбилею Сибири. Щеглов был астраханский уроженец, выпускник историко-филологического института в Петербурге, был учителем в гимназии енисейской, потом иркутской, наконец, учителем в Тро-

ицкосавске и умер еще молодым человеком, не завершив до конца свой труд. Мечтая написать историю Сибири, Щеглов увидел, что для этого недостает еще многих предварительных работ, между прочим, правильно установленной хронологии событий сибирской истории. Он проделал огромную работу по составлению свода исторических данных о Сибири, начиная с первого занесенного в летописи известия о столкновении новгородцев с юграми (1032). Особо ценным является то, что каждую дату автор сопровождал ссылкой (иногда несколькими) на источник, что дает возможность, во-первых, отыскать более подробные сведения по дате и, во-вторых, оценить ее достоверность. В тех случаях, когда сведения взяты из малодоступных изданий, изложение фактов автором сопровождается довольно большими подробностями. В конце книги приведен перечень основных источников, которыми пользовался автор. К сожалению, в провинциальной глуши Щеглов не имел многих пособий, должен был нередко брать факты из вторых и третьих рук, что вынуждало его приводить устаревшие и неточные сведения. На первых порах из-за отсутствия опыта он приводил факты без указания на источники и только со временем понял необходимость оформления ссылок, которые не сумел восстановить полностью. В этой связи он заменил их списком пособий, которыми пользовался [Пыпин, 1892, с. 364–365]. В этом «Перечне» имеется большой материал по истории Хакасско-Минусинского края XVII в. и меньше – по XVIII и XIX вв. По мнению исследователей, даты и события, приведенные в книге, требуют дополнительной проверки на достоверность.

С 1850-х гг. в Сибири начали действовать статистические комитеты, по результатам работы которых с 1860-х гг. начали выходить местные «Памятные книжки» с различными статистическими сведениями по разным губерниям. По Енисейской губернии в рассматриваемый период в Петербурге вышли три издания: «Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год» [Памятная книжка... 1863], «Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы» [Вторая памятная книжка... 1865] и «Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год» [Памятная книжка... 1889]. Современники невысоко оценивали первые две «книжки», потому что составление таких памятных книжек не представляло особого труда, т. к. все сведения брались из ежегодно доставляемой волостной и полицейской статистики, а достоинство этого материала хорошо было известно специ-

алистам. Последнее издание (1889) представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с предыдущими. Кроме обширного справочного материала по всем округам Енисейской губернии, в нем имеются познавательные статьи, сведения о метеонаблюдениях и др. Так, заведующий Минусинским музеем Н.М. Мартьянов опубликовал «Краткий очерк Минусинского музея с 1877 по 1889 г.» [Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г., 1889, с. 313–323], анонимный автор опубликовал небольшую заметку «Записка о чуме на рогатом скоте в 1885, 1886 и 1887 гг.» [Там же, с. 272–278].

Известный ученый, путешественник Ричард Карлович Маак (1825–1886), подготовил к изданию и опубликовал в Петербурге статистический справочник под названием «Енисейская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года» [Енисейская губерния, 1864]. Здесь дается перечень и местоположение хакасских улусов, русских сел и деревень по округам губернии, численность населения и другие сведения. Это очень добротное и полезное издание.

Богатое устное народное творчество хакасов в первой половине XIX в. привлекло к себе внимание М.А. Кастрена, который записал несколько героических сказаний. Во второй половине века эта работа была продолжена. Н.Ф. Катанов, хорошо осведомленный в этом вопросе, в статье «Сказания и легенды минусинских татар» (1887) писал: «Записыванием и изданием богатырских былин, циркулирующих среди абаканских татар, занимались очень немногие. Кастрен записал 10 сказок в немецком переводе (2 с текстом тюркским), В. Титов записал в русском переводе 5 сказок, В.В. Радлов – 22 сказки с текстом и немецким переводом, И.И. Коротанов записал 2 сказки и Н.У. Попов – одну сказку в русском переводе. Кроме того, на основании сборников Кастрена и Титова академик А. Шифнер напечатал в 1858 г. особую статью в III т. *Melanges Asiatiques*, стр. 373–425, а через год переиздал все 15 сказок этих двух писателей, написав перевод по-немецки стихами хореического размера. Так как большинство русских читателей незнакомо с содержанием богатырских поэм минусинских татар, думаем, что небезынтересно будет сообщить в русском переводе некоторые из поэм. В этих поэмах или былинах найдется немало интересных фактов для разъяснения истории тюркских племен, хотя у минусинских татар сравнительно мало попадаете былин с историческим содержанием. С другой стороны, каждая былина может быть зеркалом, в котором отражаются понятия тюркского народа о религии, мироздании, могуществе языческих богов, о

замогильной жизни и пр. Первая из помещенных здесь былин записана нами у устья р. Абакан со слов качинца Ф.М. Кокова на качинском наречии тюркского языка в 1882 г., а вторая былина записана и переведена на немецкий язык почтенным академиком В.В. Радловым со слов одного сагайца на верхнем Абакане, около с. Таштыпа, и помещена в его сборнике «Образцов народной литературы тюркских племен», т. II, стр. 88–136, 1630 стихов» [Катанов, 1887, с. 218–219].

Здесь следует дать пояснения. В.Я. Титов в начале 1850-х гг. по р. Уйбат записал пять богатырских сказаний и в 1855 г. опубликовал их в русском переводе (с хакасского) в «Вестнике ИРГО» [Титов, 1855]. Эти пять сказаний (названные автором «поэмами») были изложены Титовым прозой, с некоторыми комментариями. В 1858 г. этот текст был переиздан в «Этнографическом сборнике» [Титов, 1858] по той причине, что у редакции сборника не было достаточного материала, чтобы «заполнить» этот выпуск. Спустя год, в 1859 г., академик А. Шифнер издал отдельной книгой свою стихотворную обработку на немецком языке богатырских эпических сказаний, собранных М.А. Кастреном (на хакасском языке, с переводом на шведский) и В.Я. Титовым «*Heldensagen der Minussinschen Tataren*» («Героические сказания минусинских татар») [Schiefner, 1859]. Сборник состоит из 10 «сказаний» Кастрена (в переводе составителя со шведского языка на немецкий) и 5 – Титова (с русского языка на немецкий). Книга начинается с довольно обширного введения, написанного А. Шифнером, куда он включил и небольшой глоссарий. К списку собирателей хакасского фольклора, представленных в статье Н.Ф. Катанова, следует добавить князя Н.А. Кострова, который записал и опубликовал «сказки» и «песни» минусинских татар [Костров, 1884].

Из опубликованных в 1850–1880-х гг. источников подавляющее большинство материалов относится к XVII – началу XVIII в. Это связано с тем, что присоединение Хакасско-Минусинского края продолжалось на протяжении 100 лет. За этот период накопилось значительное количество источников самого различного характера: о походах русских ратников в Кыргызскую землю (Хакасию), о вооруженных столкновениях с енисейскими кыргызами и джунгарами, об осаде русских острогов, о восстаниях местного ясачного населения, о торговле и др. После присоединения к России этот край перестал быть объектом пристального внимания и количество материалов значительно сократилось.

Литература

- Бантыш-Каменский Н.Н.** Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 годах Николаем Бантыш-Каменским. Издано в память истекшего 300-летия Сибири В.М. Флоринским с прибавлениями издателя. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1882. 565 с.
- Беляев А.П.** Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, 1805–1850. А. Беляева. СПб.: А.С. Суворин, 1882. 507 с.
- Вторая памятная книжка** Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. Издана Енисейским статистическим комитетом. СПб., 1865. XII, 344 с.
- Дополнения** к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. Т. IV. 436 с.
- Дополнения** к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. V. 540 с.
- Дополнения** к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. Т. VII. 400 с.
- Дополнения** к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. VIII. 372 с.
- Дополнения** к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. Т. XI. 332 с.
- Енисейская губерния.** Список населенных мест по сведениям 1859 года / обраб. Р. Маак. СПб., 1864. LXII. 74 с.
- Исторические акты** XVII столетия (1833–1699). Материалы для истории Сибири / собрал и издал Инн. Кузнецов. Томск: Типолиитография Михайлова и Макушина, 1890. VIII. 111 с.
- Катанов Н.Ф.** Сказания и легенды минусинских татар // Сибирский сборник: научно-литературное периодическое издание: приложение к «Восточному обозрению». СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1887. С. 218–234.
- Костров Н.А.** Очерки быта минусинских татар // Труды IV-го Археологического съезда 1877 г. Казань, 1884. Т. 1. С. 208–248.
- Материалы** для истории Сибири: 1. Состояние укреплений и войск. 2. Пограничные дела и положение инородцев / сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. 4, отд. II. С. 1–128.
- Материалы** для истории Сибири: 3. Цены на разные предметы. 4. Невольничество, кабала и полон. 5. Торговля и промышленность. 6. Беглые / сообщил Г.Н. Потанин // ЧОИДР. 1867. Кн. 1, отд. II. С. 129–230.
- Материалы** для истории Сибири: 7. Преступления. 8. Болезни и скотские падежи. 9. Заселение.
10. Разные известия. 11. Церковные дела / сообщил Г.Н. Потанин // ЧОИДР. 1867. Кн. 2, отд. II. С. 231–324.
- Мирзоев В.Г.** Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970. 391 с.
- Памятная книжка** Енисейской губернии на 1863 год. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1863. IV. 350 с.
- Памятная книжка** Енисейской губернии на 1890 год с адрес-календарем. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1889. 396+16 с.
- Памятники** сибирской истории XVIII в. 1700–1713 / под ред. А.И. Тимофеева. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1882. Кн. 1. 562 с.
- Памятники** сибирской истории XVIII в. 1713–1724 / под ред. А.И. Тимофеева. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1885. Кн. 2. 541 с.
- Пыпин А.Н.** История русской этнографии. СПб., 1892. Т. IV. Белоруссия и Сибирь. 488 с.
- Риттер К.** Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, т.е. Китайской империи, независимой Татарии, Персии и Сибири. Переведена по поручению ИРГО с дополнениями, служащими продолжением Риттерова труда на основании материалов, обнаруженных с 1832 года и составленные П. Семеновым, действ. чл. ИРГО. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1859. Т. II. Горная система Небесного хребта (Тянь-Шаня). – Пространство между Тянь-Шанем и Алтаем (Китайская и Русская Джунгария). – История открытия и заселения Южной Сибири (система Алтая, Саяна и Кентея). 350 с.
- Риттер К.** Землеведение Азии Карла Риттера... Т. III. Алтайско-Саянская горная система в пределах Русской империи и по китайской границе / пер. с нем. и сост. П. Семенова. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1860. 572 с.
- Риттер К.** Землеведение Азии Карла Риттера... Т. IV. Дополнение к тому III. Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской империи и по китайской границе, по новейшим сведениям, 1832–1876 года / составлен П.П. Семеновым и Г.Н. Потаниным. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1877. 695 с.
- Русская историческая библиотека**, издаваемая Археологической комиссией. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1875. Т. 2. 656 с.
- Русская историческая библиотека**, издаваемая Археологической комиссией. СПб.: Тип. Ф.Г. Елковского и комп., 1884. Т. 8. 700 с.
- Сборник** князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. 629 с.
- Сборник** обычного права сибирских инородцев / издание Д.Я. Самоквасова. Варшава: Тип. И. Носовского, 1876. XII, 282 с.
- Сибирь** в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. С приложением снимка со старинной карты

Сибири / сост. А. Титов. Издал Г. Юдин. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. XI, 216 с. + XII с.

Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар В. Титова // Вестник ИРГО. 1855. Ч. 15, кн. 5–6. С. 115–148, 187–226.

Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар // Этнографический сборник. 1858. Вып. IV. С. 83–154.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / сост. И.В. Щеглов; под ред. чл. отд. В. И. Вагина. Иркутск, 1883. 778 с.

Schiefner A. Heldensagen der Minussinschen Tataren. Rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner. St. Petersburg, 1859. LVII, 432 s.

References

Bantysh-Kamenskii N.N. Diplomaticeskoe sobranie del mezhdru Rossiiskim i Kitaiskim gosudarstvami s 1619 po 1792 g. Costavlennoe po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom Arkhive Gosudarstvennoi Kollegii Inostrannykh del, v 1792–1803 godu, Nikolaem Bantysh-Kamenskim. Izdano v pamyat' istekshego 300-letiya Sibiri V. M. Florinskim s pribavleniyami izdatelya. Kazan': Tip. Imper. un-ta, 1882. 565 pp.

Belyaev A.P. Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom, 1805–1850. A. Belyaeva. Saint-Petersburg: A. S. Suvorin, 1882. 507 pp.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdanye Arkheograficheskoi komissiei. Saint-Petersburg: Tip. Ehduarda Pratsa, 1851. T. IV. 436 pp.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdanye Arkheograficheskoi komissiei. Saint-Petersburg: Tip. Ehduarda Pratsa, 1853. T. V. 540 pp.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdanye Arkheograficheskoi komissiei. Saint-Petersburg: Tip. Ehduarda Pratsa, 1859. T. VII. 400 pp.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdanye Arkheograficheskoi komissiei. Saint-Petersburg: Tip. Ehduarda Pratsa, 1862. T. VIII. 372 pp.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdanye Arkheograficheskoi komissiei. Saint-Petersburg: Tip. Ehduarda Pratsa, 1869. T. XI. 332 pp.

Eniseiskaya guberniya. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859 goda / Obrab. R. Maak. Saint-Petersburg, 1864. LXII. 74 pp.

Istoricheskie akty XVII stoletiya (1833–1699). Materialy dlya istorii Sibiri / Sobral i izdal Inn. Kuznetsov. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhailova i Makushina, 1890. VIII, 111 pp.

Katanov N.F. Skazaniya i legendy minusinskikh tatar. *Sibirskii sbornik: nauchno-literaturnoe periodicheskoe izdanie: prilozhenie k «Vostochnomu obozreniyu».* Saint-Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1887. Pp. 218–234.

Kostrov N.A. Ocherki byta minusinskikh tatar. In: Trudy IV-go Arkheologicheskogo s"ezda 1877 g. Kazan', 1884. T. 1. Pp. 208–248.

Materialy dlya istorii Sibiri: 1. Sostoyanie ukrepleniya voisk. 2. Pogranichnye dela i polozhenie inorodtsev / Soobshchil G.N. Potanin. In: Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh. 1866. Kn. 4, otd. II. Pp. 1–128.

Materialy dlya istorii Sibiri: 3. Tseny na raznye predmety. 4. Nevol'nichestvo, kabala i polon. 5. Torgovlya i promyshlennost'. 6. Beglye / Soobshchil G.N. Potanin. In: CHOIDR. 1867. Kn. 1, otd. II. Pp. 129–230.

Materialy dlya istorii Sibiri: 7. Prestupleniya. 8. Bolezni i skotskie padezhi. 9. Zaselenie. 10. Raznye izvestiya. 11. Tserkovnye dela / Soobshchil G.N. Potanin. In: CHOIDR. 1867. Kn. 2, otd. II. Pp. 231–324.

Mirzoev V.G. Istoriografiya Sibiri (domarksistskii period). Moscow: Mysl', 1970. 391 pp.

Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1863 god. Saint-Petersburg: Tip. Iosafata Ogrizko, 1863. IV. 350 pp.

Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1890 god s adres-kalendarem. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya, 1889. 396+16 pp.

Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII v. 1700–1713 / pod red. A.I. Timofeeva. Saint-Petersburg: Tip. Min-va vnutr. del, 1882. Kn. 1. 562 pp.

Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII v. 1713–1724 / pod red. A.I. Timofeeva. Saint-Petersburg: Tip. Min-va vnutr. del, 1885. Kn. 2. 541 pp.

Pypin A.N. Istoriya russkoi etnografii. Saint-Petersburg, 1892. T. IV. Belorussiya i Sibir'. 488 pp.

Ritter K. Zemlevedenie Azii Karla Rittera. Geografiya stran, nakhodyashchikhsya v neposredstvennykh snosheniyakh s Rossieyu, t. e. Kitaiskoi imperii, nezavisimoi Tatarii, Persii i Sibiri. Perevedena po porucheniyu IRGO s dopolneniyami, sluzhashchimi prodolzheniem Ritterova truda na osnovanii materialov, obnarodovannykh s 1832 goda i sostavlennye P. Semenovym, deistv. chl. IRGO. Saint-Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp., 1859. T. II. Gornaya sistema Nebesnogo khrebt (Tyan'-Shanya). – Prostranstvo mezhdru Tyan'-Shanem i Altaem (Kitaiskaya i Russkaya Dzhungariya). – Istoriya otkrytiya i zaseleniya yuzhnoi Sibiri (sistema Altaya, Sayana i Kenteya). 350 pp.

Ritter K. Zemlevedenie Azii Karla Rittera... T. III. Altaisko-Sayanskaya gornaya sistema v predelakh Russkoi imperii i po Kitaiskoi granitse / Per. s nem. i sost. P. Semenova. Saint-Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp., 1860. 572 pp.

Ritter K. Zemlevedenie Azii Karla Rittera... T. IV. Dopolnenie k tomu III. Altaisko-Sayanskaya gornaya sistema v predelakh Rossiiskoi imperii i po kitaiskoi granitse, po noveishim svedeniyam, 1832–1876 goda / Sostavlen P.P. Semenovym i G.N. Potaniny. Saint-Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp., 1877. 695 pp.

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. Saint-Petersburg: Tip. brat'ev Panteleevykh, 1875. T. 2. 656 pp.

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. Saint-Petersburg: Tip. F. G. Elkovskogo i komp., 1884. T. 8. 700 pp.

Sbornik knyazyia Khilkova. Saint-Petersburg: Tip. brat'ev Panteleevykh, 1879. 629 pp.

Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev / Izdanie D.Ya. Samokvasova. Warsaw: Tip. I. Nosovskogo, 1876. XII, 282 pp.

Shcheglov I. V. Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannykh iz istorii Sibiri. 1032–1882 gg. / Sost. I. V. Shcheglov; pod red. chl. otd. V. I. Vagina. Irkutsk, 1883. 778 pp.

Schiefner A. Heldensagen der Minussinschen Tataren. Rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner. Saint-Petersburg, 1859. LVII, 432 pp.

Sibir' v XVII veke. Sbornik starinnykh russkikh statei o Sibiri i prilezhashchikh k nei zemlyakh. S prilozheniem snimka so starinnoi karty Sibiri / sost. A. Titov. Izdal G. Yudin. Moscow: Tip. L. i A. Snegirevykh, 1890. XI, 216 s.+ XII pp.

Titov V. Bogatyrskie poehmy minusinskikh tatar V. Titova. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 1855. Ch. 15, kn. 5–6. Pp. 115–148, 187–226.

Titov V. Bogatyrskie poehmy minusinskikh tatar. *Ehtnograficheskii sbornik*. 1858. Vyp. IV. Pp. 83–154.

Vtoraya pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1865 i 1866 gody. Izdana Eniseiskim statisticheskim komitetom. Saint-Petersburg, 1865. XII, 344 pp.

БЕЛОЕ ЧЕРЕМХОВО (ИЮЛЬ 1918 г.)

Г.И. Хипхенов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, 83, Иркутск, 664074, Россия; email: halifat76@mail.ru ; ORCID: 0000-0002-9798-8718

История Гражданской войны в России, за исключением отдельных эпизодов, исследована на ограниченном, выборочном (порой умышленно) объеме источников. В результате получается искаженное представление с огромными географическими, временными и персональными дырами-лакунами. Мы имеем не белые пятна в истории, а скорее весь наш объем познаний является лишь отдельными просветленными областями на темном полотне неизвестного и неизученного. Поэтому на современном этапе исследования особенно актуально изучение «вглубь» – детальная реконструкция событий и их участников. На Черемховских каменноугольных копях трудилось до 10 000 рабочих, в том числе значительная доля китайцев. С началом революции в 1917 г. Черемхово предсказуемо стал пролетарским центром, «сибирским Кронштадтом». Однако в истории Черемхово были не только рабочий класс, анархисты и красногвардейцы, но и офицеры, и белые добровольцы. Данная статья призвана предметно рассмотреть их военную роль и особенности начальной служебной деятельности. В конце мая 1918 г. на огромном протяжении от Пензы до Иркутска вдоль линии железной дороги произошло выступление Чехословацкого корпуса. В ходе последующих летних сражений по всей Сибири устанавливалась власть Временного сибирского правительства. Причем Черемхово белые 4 июля 1918 г. заняли без сопротивления. Обычно начальный период после смены любой власти остается малоизученным, поскольку документооборот либо еще не образовался, либо впоследствии не сохранился. Черемхово же повезло тем, что сохранились уникальные документы.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, Восточная Сибирь, Черемхово, 1918 г., офицеры, добровольцы, белые войска, гарнизон, документы.

WHITE CHEREMKHOVO (JULY 1918)

G.I. Hipkhenov

Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russia; email: halifat76@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9798-8718

The history of the Civil War in Russia, with the exception of individual episodes, has been studied on a limited, selective (sometimes intentionally) volume of sources. The result is a distorted representation with huge geographical, temporal and personal holes-lacunae. We do not have blank spots in history, but rather our entire body of knowledge is only separate enlightened areas on the dark canvas of the unknown and unexplored. Therefore, at the present stage of research, it is especially important to study “in depth” – the detailed reconstruction of events and their participants. Up to 10,000 workers, including a significant proportion of Chinese, worked at the Cheremkhovo Coal Mines. With the beginning of the Revolution in 1917, Cheremkhovo predictably became a proletarian center, so called “Siberian Kronstadt”. However, in the history of Cheremkhovo there were not only the working class, anarchists and Red Guards, but also officers, and white volunteers. This article is intended to consider in detail their military role and the features of the initial official activity. At the end of May 1918, performance of the Czechoslovak Corps took place on a huge stretch from Penza to Irkutsk along the railway line. During the subsequent summer battles, the power of the Provisional Siberian Government was established throughout Siberia. Moreover, on July 4, 1918, the Whites occupied Cheremkhovo without resistance. Usually, the initial period after the change of any government remains poorly studied, since the document flow has either not yet been formed, or has not been preserved subsequently. Cheremkhovo was lucky that unique documents were preserved.

Keywords: Russia, Civil War, Eastern Siberia, Cheremkhovo, 1918, officers, volunteers, white troops, garrison, documents.

Актуальность и постановка проблемы. В современной исторической науке существует некоторое пренебрежение к описательному (нар-

ративному) методу исторического исследования как к чему-то примитивному и ограниченному. Напротив, приветствуется генерирование неких

новых идей, теорий, переосмыслений, обобщений и выводов. Последнее, безусловно, является необходимым, но это не может быть одинаково применимо ко всем периодам истории. Данный подход более актуален к так называемым «мертвым» наукам, т.е. истории Древнего мира и Средних веков, где весь существующий объем письменных источников выявлен и введен в научный оборот. Относительно же Новейшей истории попытка «писать историю» построением идей и теорий (чем, собственно, и занималась советская историография) неизбежно превращается в проведение исследования на ограниченном круге источников со всеми вытекающими последствиями.

Возможно, это будет для кого-то откровением, но все огромное количество исследований по истории Гражданской войны в России (1917–1923) написано на основе лишь самой незначительной, причем в значительной степени мемуарной, части существующего массива документальных источников, хранящихся в многочисленных архивах России и за рубежом. Таким образом, вся история Гражданской войны в России, за исключением отдельных популярных эпизодов, исследована на ограниченном, фрагментарном, выборочном (порой умышленно) объеме источников. В результате получается искаженное представление о произошедших событиях с огромными географическими, временными и персональными (известные личности) дырами-лакунами в картине Гражданской войны в России. Проще говоря, мы имеем не белые пятна в истории, а скорее весь наш объем познаний является лишь отдельными просветленными областями на темном полотне неизвестного и неизученного.

При подобном состоянии исторической науки вызывает недоумение диктат идей и теорий над описательным методом исторического исследования, т.е. методом сбора информации и изложения результатов поисков. Как можно выдвигать идеи и теории, делать обобщения и выводы, когда еще не восстановлен даже весь событийный ряд, даже хронология, даже перечень персоналий, т.е. понимание, кто именно участвовал в тех или иных событиях и «кто есть кто». Таким образом, на современном этапе исследования Гражданской войны в России актуально изучение «вглубь», т.е. детальная реконструкция событий и их участников. Попытка же построения идей и теорий на ограниченном или выборочном объеме источников делает их лишь гипотетическими и бессмысленными. Также в случае умышленного подтасовывания выборочно взятых фактов под заданную идею мы неизбежно сползаем не в историю,

а в идеологию, которая, как известно, может быть разной. В этом свете описательная история, в том числе и краеведение, должна лишь приветствоваться и ни в коем случае не ущемляться диктатом идей и теорий, время которых еще не наступило...

Еще одним аспектом изучения Гражданской войны в России, мало затронутым историографией, является региональная история. И если на уровне областей и губерний таковая имеет место как в советский, так и в современный период [Новиков, 2005], то история уездов и волостей, можно сказать, осталась за бортом исторической науки. Историей Гражданской войны в «глубокой провинции» в СССР занимались лишь местные краеведы, основным источником которых служили воспоминания, зачастую устные, самих участников событий. Они печатались в местной прессе, в так называемых газетах-«районках», и обычно носили ярко выраженный идеологический характер. Но иначе и быть не могло, мысль о том, что проигравшие, белые, могли иметь свою правду и имели право бороться за нее, не допускалась. С изменением политического строя и идеологии ситуация изменилась. Современное российское общество приняло как раз те идеи, за которые боролись условные «белогвардейцы» (религия, частная собственность, национальная идея в противовес атеизму, общественной собственности и интернационализму). Таким образом, нужно признать, что представители Белого движения в Гражданской войне являлись равной стороной конфликта и не могут быть вычищены из истории как нечто чуждое и неправильное. Их имена должны быть найдены и восстановлены в народной памяти наравне с победителями – красными.

Уездный город Черемхово, центр каменноугольных копей, был одним из двух (второй – Бодайбо) центров Иркутской губернии с большим количеством рабочих. Всего на коях в разное время трудилось до 10 000 рабочих со значительной долей китайцев. С началом революции в 1917 г. Черемхово предсказуемо стал пролетарским центром, который даже называли «сибирским Кронштадтом». Здесь первой в губернии власть перешла к Советам, отсюда направлялись карающие отряды Красной и Черной гвардии на подавление контрреволюционных выступлений. Вполне логично в советской истории Черемхово стал олицетворением сибирского пролетариата, о чьей победе над старым миром офицеров, чиновников и мещан напоминает в Иркутске монументальное здание «Востсибугля» на месте

разрушенной Тихвинской церкви на одноименной площади (современный сквер Кирова). Однако, как свидетельствуют выявленные документы, в истории Черемхово были не только рабочий класс, анархисты и красногвардейцы, но и офицеры и белые добровольцы. Данная статья посвящена им.

* * *

В конце мая 1918 г. на огромном протяжении от Пензы до Иркутска вдоль линии железной дороги произошло выступление Чехословацкого корпуса. Чехословаки захватывали станции, города, объединялись с подпольными белогвардейскими организациями и свержали советскую власть. На территории Иркутской губернии подобный переворот был устроен в ночь на 28 мая 1918 г. в Нижнеудинске. Далее последовало образование Нижнеудинского фронта и попытка советских властей в лице Центросибири подавить восстание. Но пока большевики вели переговоры и собирали силы, время было упущено. К 20 июня 1918 г. чехобелые заняли уже всю территорию Западной и Средней Сибири и успели перебросить подкрепления в Нижнеудинск. В трехдневном сражении 24–26 июня 1918 г. восточнее Нижнеудинска красные потерпели поражение и в течение 10 дней отступили на 400 верст, практически не оказывая сопротивления. 6 июля на р. Белой состоялось следующее сражение, в котором войска Центросибири также не сумели остановить противника. В результате дальнейшего отступления 11 июля пал Иркутск, а в сентябре 1918 г. советская власть была свергнута на всем пространстве от Волги до Тихого океана. Наступил довольно длительный период власти сначала различных временных правительств, а затем Верховного правителя Колчака.

Смена власти в Черемхово произошла 4 июля 1918 г. без вооруженной борьбы. Через 40 лет черемховец П. Г. Кошкин так описывал прибытие белых: «Во второй половине дня в обезлюдевшем городе появились небольшие конные разъезды белогвардейцев. Они были одеты в синие диагональные брюки и коричневые рубашки. На фуражках – белые треугольники. На левой руке – широкие белые ленты. Расчистив забитую пробку, поздно вечером появились первые эшелоны мятежных чехословацких войск»¹.

Сами чехословаки пишут, что в Черемхово – известном оплоте большевизма – их встретили

так тепло и радушно, как нигде более [Za svobodu, 1926, р. 446]. Конечно, речь идет о тех черемховцах, что были рады избавлению от советской власти.

На угольных копиях оставались только китайцы и рабочие Комаровских копей и Механического завода. Часть рабочих покинула копи ранее, уклоняясь от мобилизации в Красную армию, часть – накануне прихода белых, опасаясь мести и расправ. Но следует отметить, что в целом черемховцы действительно являлись оплотом советской власти в Иркутской губернии. На Нижнеудинский фронт в июне 1918 г. они выставили не менее 1500 красногвардейцев (только документально подтвержденных), что дает высочайший процент участия в Гражданской войне с учетом общего количества русских рабочих на копиях около 6000 человек.

Постепенно многие бежавшие вернулись, но сокращение количества рабочих было налицо. Вместо работавших в октябре 1917 г. 7123 человек (4995 русских и 2128 китайцев) на 1 августа 1918 г. на копиях трудилось 4282 человека (2402 русских и 1887 китайцев)².

Не все советские комиссары успели эвакуироваться из Черемхово. Был пойман и казнен уездный военный комиссар Г. С. Бельков: «Поехал за семьей в деревню, где был арестован и закован в железное конское путо и препровожден в Черемхово, где на другой день был расстрелян прапорщиком Луценко»³. По некоторым данным, кроме Белякова, был расстрелян и председатель комиссии по борьбе с контрреволюцией Щеглов. Также известно о трех комиссарах, арестованных и увезенных чехобелыми: комиссар просвещения Макшаков, комиссар Козлов и комиссар заведующий помещениями совдепа Полонский⁴.

* * *

Сразу после занятия Черемхово чехобелыми началась организация местных вооруженных формирований. Обычно начальный период после смены любой власти остается самым малоизученным, поскольку документооборот либо еще не образовался, либо впоследствии не сохранился. В этом отношении Черемхово повезло. В архивах нашлись редкие документы этого периода.

² Сибирь. 1918. №20, 6 августа.

³ Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Оп. 1. Д. 513. Л. 147.

⁴ Иркутские дни. 1918. №25, 18 июля.

¹ Черемховский рабочий. 1958. №99, 17 августа.

История возникновения Черемховского гарнизона известна из рапорта и.о. начальника гарнизона прапорщика Д.М. Новикова от 17 июля 1918 г. Предписанием командующего Средне-Сибирским корпусом полковника А.Н. Пепеляева 5 июля начальником гарнизона г. Черемхово был назначен капитан Николаев. Тогда же был издан приказ по мобилизации, согласно которому все офицеры, военные чиновники, врачи, юнкера и кадеты старших классов, находящиеся в г. Черемхово и его окрестностях, были обязаны явиться к начальнику гарнизона до 12 часов 7 июля. По каким-то причинам уже 6 июля начальником гарнизона был назначен штабс-капитан Мачихин, а 9 июля – штабс-капитан Л.П. Кузнецов. Начальник гарнизона занимал помещение в доме Щелкунова и Метелева по ул. Большой.

Общее положение Черемховского района представлено прапорщиком Д.М. Новиковым в следующем виде: «Рабочий район (рабочих насчитывается до 18 тысяч [вероятно, вместе с семьями. – Г.Х.]), гнездо большевизма, даже при советской власти не считавшееся ни с чем, ни с какими указаниями и распоряжениями высшей власти. Район, преступность которого доведена до максимума, где и по сей время разбежавшиеся рабочие-красногвардейцы наводят ужас на безоружных и незащитных жителей. Район, где происходит масса недоразумений между бурятами и русскими поселенцами. Район, над которым, по моему мнению, нужно много и много поработать, чтобы окончательно с корнем вырвать весь преступный элемент как в моральном, так и в политическом смысле – это с одной стороны.

С другой стороны, в силу общественно-социальных условий составление добровольческого отряда идет крайне медленно (приложение лит. «В» [список добровольцев Черемховского района. – Г.Х.]). На основании личных указаний штабс-капитана Мачихина добровольческий отряд должен быть численностью в 50 человек. А до сего времени добровольцев у меня в гарнизоне числится 27, и за последние дни новые не прибывают. При таком печальном положении района крайне необходимо было всех призванных офицеров и военных чиновников временно, впредь до полного укомплектования добровольческого отряда, оставить при гарнизоне, о чем штабс-капитаном Мачихиным было выхлопотано от команд. 3-го Томского Сиб. полка. Кроме того, штабс-капитаном Мачихиным в штаб корпуса посылалась телеграмма, но ответа получено не

было. Формирование гарнизона продолжалось далее.

Обслуживание района выражается в следующем: суточный наряд (обыкновенный) – 38 человек, дежурный наряд – 20 человек. Кроме того, почти ежедневно приходится посылать летучие отряды в окрестности, которые постоянно нуждаются в вооруженной организованной силе. Таким образом, численность гарнизона мной исчисляется не менее чем в 125 человек. Все офицеры, военные чиновники несут гарнизонную службу»¹.

В конце июля 1918 г. военный эmissар штаба Восточно-Сибирского округа (вероятно, полковник А.И. Феофилов) объехал местные гарнизоны и составил специальный доклад об их состоянии. 28 июля он побывал в Черемхово и изложил свои впечатления: «В Черемхове гарнизон насчитывает 86 офицеров, 3 юнкеров, 7 военных чиновников и 37 добровольцев (из них 12 проходили строевую службу) – всего 133 человека. Вооружение: 160 винтовок, главным образом 3-линейки, 9 берданок, 21 револьвер. Патронов по 15 штук на винтовку. Во время моего пребывания в Черемхове вр. и.д. начальника гарнизона был прапорщик Новиков, человек дельный и прекрасно разбирающийся в черемховской обстановке. Последнее качество особенно необходимо здесь для начальника гарнизона, т. к. ему приходится иметь дело с темной массой рабочих, настроенных по отношению к новой власти пока недоверчиво. Гарнизон несет охрану не столько в самом Черемхово, сколько на ближайших копиях – Касьяновских, Гришевских и Комаровских. Кроме того, приходится высылать летучие отряды в уезд для борьбы и поимки бродящих банд. Так, при мне был отправлен отряд в 10 человек в с. Бохан, где, по словам жителей и арестованных, скрывался отряд вооруженных красноармейцев.

При вступлении Сибирских войск в Черемхово было издано обязательное постановление о сдаче населением оружия в однодневный срок. Эта сдача продолжается до сих пор. Все винтовки и револьверы казенных систем отбираются и отправляются в штаб Средне-Сибирского корпуса, взамен чего выдается на каждые 10 дворов по одной берданке для самоохранны. Такие самоохранны существуют в самом городе и в ближайших к копиям деревнях. Со временем, по словам начальника гарнизона и уездного комиссара, удастся организовать самоохранны и в более отдаленных местах. Милиция в Черемховском уезде пока

¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 82. Лл. 30–31.

еще окончательно не сформирована и состоит из 20 пеших и 15 конных, разбросанных по всему уезду. Состав милиции, несмотря на тщательную фильтрацию, не внушает полного доверия и может исполнять свои обязанности более или менее сносно только при наличии крепкого гарнизона»¹.

В августе 1918 г. в Черемхово был сформирован Отдельный Черемховский батальон под командованием подполковника И.С. Богатноу. Черемховский гарнизон, вероятно, в полном составе вошел в его ряды. В октябре 1918 г. чины Отдельного Черемховского батальона приняли самое активное участие в ликвидации остатков 3-й Советской дивизии под командованием Н.А. Каландаришвили, вышедших из Монголии через Саяны в пределы Черемховского уезда в районе с. Голуметь. Но это, как принято говорить, уже совсем другая история...

* * *

О некоторых чинах командного состава и рядовых офицерах Черемховского гарнизона обнаружена более подробная информация.

Начальник гарнизона **штабс-капитан Леонид Прокопьевич Кузнецов** родился в 1890 г., православный, холост (на 1919 г.), учился в Иркутской учительской семинарии и 1-й Иркутской школе прапорщиков. Участник I-й Мировой войны, «в походах и делах против Австро-Германии участвовал с 22 сентября 1915 г. по 6 декабря 1917 г.». С 16 августа 1918 г. командир 1-й роты Отдельного Черемховского батальона. В 1919 г. его непосредственный начальник полковник И.С. Богатноу дал Кузнецову следующую аттестацию: «Штабс-капитан Кузнецов командир 1-й роты. Службу знает и относится к ней добросовестно, но малоподвижен и недостаточно требователен к подчиненным; ротную отчетность знает удовлетворительно; но ведет ее недостаточно аккуратно. Лично храбр и отважен при выполнении боевых задач; но не умеет руководить отрядами в бою, как это имело место при ликвидации банды Карандашвили. Физически и умственно развит нормально. Добр и любим товарищами и подчиненными. Нравственности безукоризненной. Был до формирования батальона начальником гарнизона г. Черемхово. Общее заключение: хороший»².

Заместитель начальника гарнизона **прапорщик Дмитрий Максимович Новиков** родился в

1887 г., православный, женат (на 1919 г.), окончил «учительский институт» и Иркутское военное училище. Участвовал в «позиционной войне на Рижском фронте с 12 июля по 25 декабря 1917 г.». Согласно аттестации 1919 г., «прапорщик Новиков, младший офицер 1-й роты Отдельного Черемховского батальона, прекрасно знает строевую службу. Получив хорошее общее образование, развит. Неважно знаком с хозяйственной стороной военной службы. Обладает некоторой горячностью и отсутствием выдержки. Настойчив в исполнении отдаваемых им приказаний»³.

В приведенном ниже списке офицеров Черемховского гарнизона числится **поручик Нил Петрович Арский**. Он родился в 1888 г., православный, холост (на 1919 г.), учился в «Иркутском учительском институте» и Иркутском военном училище. В действующей армии с 1 декабря 1915 г., «в походах и делах против Австро-Германии с 4 марта 1916 г. по 8 февраля 1918 г.». С 23 сентября 1918 г. – адъютант Отдельного Черемховского батальона. В 1919 г. полковник И.С. Богатноу дал блестящий отзыв о своем подчиненном: «Поручик Арский, адъютант батальона, в высшей степени аккуратно и добросовестно относится к своим обязанностям. За отсутствием знающих писарей ведет всю канцелярию, работает непрерывно, не зная усталости. Физически и умственно развит. Прекрасные нравственные качества: скромный, не болтлив, пользуется большим уважением товарищей и подчиненных. Редкий труженик. Общее заключение: отличный командир Отдельного Черемховского батальона»⁴.

Напротив, другой офицер из того же списка Черемховского гарнизона **прапорщик Андрей Александрович Бернгардт** являлся довольно противоречивой личностью. В начале I-й Мировой войны пошел добровольцем на фронт. Прибыл в Иркутск в октябре 1917 г., эвакуированный по болезни. 8–16 декабря 1917 г., как опытный бомбометчик, участвовал в боях в Иркутске на стороне юнкеров и офицеров, за что впоследствии преследовался и дважды подвергался аресту. Весной 1918 г. поступил инструктором в Красную армию в п. Иннокентьевский, затем перешел в интернациональную кавалерию в команду связи. В мае дезертировал, уничтожив при этом телеграфные аппараты. После переворота вступил в ряды Черемховского гарнизона. В дальней-

¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 17. Л. 484.

² Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 558. Оп. 6. Д. 147. Л. 1.

³ ГАИО. Ф. 558. Оп. 6. Д. 2. Л. 1.

⁴ ГАИО. Ф. 558. Оп. 6. Д. 249. Л. 1.

шем на Бернгардта было возбуждено следственное дело за службу у большевиков².

* * *

Гораздо меньше сведений удалось найти об организации гражданских властей в Черемхово после занятия его частями Чехословацкого корпуса и Сибирского Временного правительства. Известно, что 28 июля 1918 г. делегация новых властей Черемхово (городской голова Насыров (или Носырев), председатель городской думы Яхонтов, председатель уездного земского собрания Багрянцев и начальник гарнизона Кузнецов) посетила в Иркутске губернского комиссара П. Д. Яковлева. На встрече обсуждалось текущее положение Черемховских угольных копей.

Все копи остаются пока национализированными. Сибирское Временное правительство посылает для ведения всех «копейских дел» уполномоченного комиссара инженера Щукина и назначило главным управляющим копиями инже-

нера Скопина. Рудничные комитеты остаются только как организации профессиональные, не имеющие права вмешиваться в дела управления.

Губернский комиссар П. Д. Яковлев заверил, что продовольствием Черемхово будет обеспечено, т.к. еще до переворота из Омска послано 45 000 пудов пшеницы и 6 000 пудов ржи. Для нужд копей в распоряжение инженера Щукина отпущен 1 миллион рублей и деньги будут получены, как только будут пополнены запасы денежных знаков в Государственном банке. Жалование рабочим будет уплачено за июнь и июль, причем рудничные комитеты получают деньги только за дни до переворота. Поскольку до сих пор уездный комиссар гражданин Волохов выполнял также обязанности начальника уездной милиции, теперь на место последнего назначается гражданин Калинин, а начальник городской милиции будет назначен отдельно...

Хозяйственная жизнь на копиях постепенно восстанавливалась. Уголь был жизненно необходим для экономики при любой власти.

* * *

**Список офицеров и военных чиновников Черемховского гарнизона на 17 июля 1918 г.
[РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 82. Лл. 35–36]**

№	Чины	Ф. И. О.	Возраст	Специальность	Сем. сост.	Время явки
1	2	3	4	5	6	7
1	Шт.-кап.	Кузнецов Леонид Прокоф.	28	Пехота	Сем.	6 / VII
2	Подпор.	Бобровников П. К.	23	Инженер. в.	Сем.	6 / VII
3	Воен. чин.	Колотилов Серг. Вас.	35	[неразборч.]	Сем.	6 / VII
4	Поруч.	Москвитин А. Г.	33	Пехота	Сем.	6 / VII
5	Прапор.	Луценко В. М.	32	Пехота	Сем.	6 / VII
6	-//-	Худницкий А. А.				9 / VII
7	-//-	Новиков Д. М.	29	Стр.	Сем.	6 / VII
8	Подпор.	Потапов В. В.	24	Пехота	Сем.	6 / VII
9	Врач	Чертков Б. Д.		Врач		6 / VII
10	-//-	Лучников С.		Врач		6 / VII
11	Кап. ген. шт.	Нарышкин А. Я.				9 / VII
12	Кап.	Федотченко А. Н.				10 / VII
13	Шт.-кап.	Булыгин И. И.	28	Пехота	Сем.	6 / VII
14	-//-	Савельев И. Е.	30	Пехота	Сем.	10 / VII
15	-//-	Звездин К. И.?	31	Пехота	Сем.	10 / VII
16	-//-	Макаров А.?				13 / VII

¹ ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 164. Лл. 1–2.

1	2	3	4	5	6	7
17	Поруч.	Радаев Н. Н.	26	Пулеметч.	Сем.	6 / VII
18	-//-	Алексеев П. А.				8 / VII
19	-//-	Одинцов Л. Н.				11 / VII
20	-//-	Арский Нил П.				9 / VII
21	Поруч.	Петухов	29	Пехота	Сем.	13 / VII
22	Подпор.	Бернгарт А. А.	22	Телефон.	Сем.	7 / VII
23	-//-	Волочнев И. П.				9 / VII
24	-//-	Кириллов Н. С.	39	Артил.	Сем.	7 / VII
25	-//-	Киселевич Д. П.				6 / VII
26	-//-	Петров В. Д.				9 / VII
27	-//-	Пономарев Н. М.				7 / VII
28	-//-	Сапрунов П. Т.	27	Пехота	Сем.	9 / VII
29	-//-	Чернышев К. Е.	34	-//-	Хол.	7 / VII
30	-//-	Горохов П. М.				10 / VII
31	-//-	Бауман Д. М.				6 / VII
32	-//-	Алексеев П. Ф.				10 / VII
33	-//-	Арский Т. П.	25	Инж. войск.	Сем.	9 / VII
34	-//-	Поляков М. М.				8 / VII
35	Прапорщ.	Бояринов Г. И.		Пехота	Сем.	7 / VII
36	-//-	Вареник Н. Т.		-//-	Сем.	7 / VII
37	-//-	Волочнев П. П.				9 / VII
38	-//-	Гусев Вяч. М.				7 / VII
39	-//-	Дрямин Мих. Ник.	33	Пехота	Сем.	10 / VII
40	-//-	Зетгенизев М.? Ив.	24	Пехота	Сем.	6 / VII
41	-//-	Ларин Пав. Ром.				11 / VII
42	-//-	Матвеев Гавр. Прок.				7 / VII
43	-//-	Мусатов А. Пав.				10 / VII
44	-//-	Невидимов Ив. Г.	30	Пехота	Хол.	11 / VII
45	-//-	Никитин А. Н.				7 / VII
46	-//-	Оширов А. Г.				8 / VII
47	-//-	Рангин В. В.	21	Пехота	Сем.	10 / VII
48	-//-	Сарапулов И. Н.				7 / VII
49	-//-	Скрабиков Я. П.				6 / VII
50	-//-	Соловьев П. Г.	28	Артиллер.	Хол.	8 / VII
51	-//-	Филатьев К. С.			Сем.	11 / VII
52	-//-	Чапоргин Н. Т.				10 / VII
53	-//-	Чемизов П. Ф.				8 / VII
54	-//-	Шабалов Ф. А.				10 / VII
55	-//-	Попов Андр. Конст.				13 / VII
56	-//-	Аббакумовский А. Я.				8 / VII
57	-//-	Торбин Ф. Иванов.	23	Пехота	Сем.	13 / VII
58	-//-	Петров Петр Кузьм.	25	Пехота	Сем.	12 / VII
59	-//-	Воронцов Серг.	21	Пехота	Сем.	14 / VII

1	2	3	4	5	6	7
60	-//-	Воронцов Ник.	23	Сл. связи	Сем.	14 / VII
61	-//-	Галинский Петр				13 / VII
62	-//-	Ясевич Семен Ив.	40	Пехота	Сем.	13 / VII
63	Юнкер	Ксенофонтов Н. А.	22	Юнк. пех.	Сем.	13 / VII
64	-//-	Никитин К. А.				7 / VII
65	Воен. чин.	Крутовских А. Ф.				10 / VII
66	-//-	Ловенецкий Ст. Ст.				7 / VII
67	-//-	Перетолчин М. К.	33		Сем.	7 / VII
68	-//-	Изотов П. А.	30		Сем.	8 / VII
69	-//-	Семенов И. А.	35	Делопр.	Сем.	10 / VII
70	Кол. рег.	Кортеневский Ив. Иос.	35	Врач	Сем.	9 / VII
71	Прапор.	Волиняк В. А.				15 / VII
72	Подпор.	Невидимов Пав. Алекс.	33	Нестр.	Сем.	15 / VII
73	Шт. кап.	Невидимов Вл. Сем.	35	Пехота	Сем.	15 / VII
74	-//-	Алешкин Т. М.	29	Пехота	Сем.	15 / VII
75	Прапор.	Грищенко Аф. Е.	26	Пехота	Сем.	15 / VII
76	-//-	Жерноков А. Г.	23	Пехота	Сем.	15 / VII
77	Подпор.	Иванов М. Я.	27	Пехота	Сем.	15 / VII
78	-//-	Мезенцев П. Т.	27	Пехота	Сем.	15 / VII
79	В. чин.	Трубников Н. И.	23	Делопр.	Хол.	15 / VII
80	Полков.	Иващенко-Луценко Л. А.			Сем.	15 / VII
81	Подполк.	Цытович А. А.				15 / VII
82	Шт. кап.	Смирнов М. Ал.				15 / VII
83	-//-	Дорохин В. К.	27	Стр. полк	Сем.	16 / VII
84	Подпор.	Маличенко Н. Г.				16 / VII
85	Поруч.	Моисеев М. Н.	33	Пехота	Сем.	16 / VII
86	Прапор.	Коврижных Ф. Ф.	37	Пехота	Сем.	17 / VII

**Список добровольцев Черемховского района на 17 июля 1918 г.
[РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 82. Л. 34]**

№	Звание	Фамилия и имя	Возраст	Сем. полож.	Время явки
1	Добровол.	Авилов Николай	23	Сем.	8 / VII
2	-//-	Арефьев Василий	46	Сем.	7 / VII
3	-//-	Белобородов Ал-р	20	Сем.	7 / VII
4	-//-	Гадибиров Николай	18	Хол.	7 / VII
5	-//-	Григусь Петр	24	-//-	12 / VII
6	-//-	Земляков Назар	20	Сем.	8 / VII
7	-//-	Загивный Ал-р	22	-//-	10 / VII
8	-//-	Исмаев Сергей	20	Хол.	7 / VII
9	-//-	Круленко Григорий	39	Сем.	10 / VII
10	-//-	Малагин Григорий	18	Сем.	8 / VII
11	-//-	Осипов Николай		Сем.	8 / VII
12	-//-	Педенко Иван		Хол.	8 / VII
13	-//-	Савицкий Николай	19	Сем.	8 / VII

14	-//-	Семенов Ал-р	40	Сем.	10 / VII
15	-//-	Суханов Афанасий	22	Сем.	7 / VII
16	-//-	Тимофеев Ал-р	18	Хол.	7 / VII
17	-//-	Трухин Василий	18	Хол.	8 / VII
18	-//-	Федоров Андрей		Сем.	8 / VII
19	-//-	Худяков Егор	38	Хол.	7 / VII
20	-//-	Цыпленков Михаил	18	Сем.	7 / VII
21	-//-	Чернов Алексей		-//-	7 / VII
22	-//-	Чернов Федор		-//-	7 / VII
23	-//-	Шешко Юлий	20	Сем.	7 / VII
24	-//-	Непомнящий Козьма	26	Сем.	16 / VII
25	-//-	Минин Пимон	21	Хол.	16 / VII
26	-//-	Степанов Степан	33	Сем.	15 / VII
27	Стар. писар.	Крупский Илларион	23	Сем.	7 / VII

P.S. Автор статьи Геннадий Хипхенов, выпускник исторического факультета ИГУ. Живет и работает инженером в г. Иркутске, соискатель кафедры истории и философии ИРНИТУ (научный руководитель П. А. Новиков). С 2016 г. занимается историей Гражданской войны в Иркутской губернии. На сегодняшний момент готовится к изданию его монография «Крушение Центросибири» о событиях 1918 г.

Литература

- Новиков П. А.** Гражданская война в Восточной Сибири. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 415 с.
- Za svobodu** (Obrázková kronika Československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920). Kniha třetí. Díl IV. Prague, 1926. 891 pp.

References

- Novikov P. A.** Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2005. 415 pp.
- Za svobodu** (Obrázková kronika Československého revolučního hnutí na Rusi, 1914–1920). Kniha třetí. Díl IV. Prague, 1926. 891 pp.

DOI 10.52782/KRIL.2022.4.36.012

УДК 94 (571)

КУЗЬМА МИХАЙЛОВИЧ ПАТАЧАКОВ: К 100-летию ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО

Т. А. Кискидосова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: tak_74@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1031-835X

В 2022 г. исполняется 100 лет со дня рождения одного из основоположников хакасской этнографии – Кузьмы Михайловича Патачакова. Статья посвящена его научной деятельности, представлены сведения об этапах жизненного пути, освещен вклад в хакасскую этнографию, историю Хакасии. Уделено внимание основным аспектам научно-исследовательской работы ученого. Показано, что, наряду с научной работой, он активно популяризировал историю и занимался культурно-просветительской деятельностью.

Ключевые слова: К. М. Патачаков, этнограф, Хакасия, культура, быт, хакасы.

KUZ'MA MIKHAILOVICH PATACHAKOV: ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FAMOUS SCIENTIST

T. A. Kiskidosova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: tak_74@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1031-835X

In 2022, it is the 100th anniversary of the birth of one of the founders of Khakass ethnography – Kuz'ma Mikhailovich Patachakov. The article is devoted to his scientific activity, provides information about stages of his life, covers his contribution to Khakass ethnography and the history of Khakassia. Attention is paid to the main aspects of the scientist's research work. It is shown that along with scientific work, he actively popularized history and was engaged in cultural and educational activities.

Keywords: K. M. Patachakov, ethnographer, Khakassia, culture, everyday life, Khakass.

Кузьма Михайлович Патачаков родился 28 июня 1922 г. в улусе Политов Нижнетейского сельского совета Аскизского района в многодетной семье крестьянина-середняка, где с малых лет детей привлекали к сельскому труду. После окончания Политовской начальной школы он продолжил обучение в школах Кызласа и Аскиза. Получив семиклассное образование, выпускник школы поступил в кузницу местных учительских кадров того времени – педагогическое училище. В 1940 г., получив диплом учителя, К.М. Патачаков приступил к работе в Мало-Монокской начальной школе. В дальнейшем молодой специалист планировал поступление в высшее учебное заведение. Однако начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война не позволила

ему, как и миллионам советских граждан, осуществить намеченные планы. В начале войны Кузьма Михайлович был мобилизован в ряды Красной армии. После окончания курсов младшего комсостава Томского артиллерийского училища его направили на Северо-Западный фронт в должности командира орудия. В 1942 г. во время разведывательной операции он получил тяжелое ранение от осколков противопехотной мины. После госпиталя его направили на Южный фронт в качестве топографа. В 1943 г. Кузьма Михайлович вновь получил тяжелое ранение, несколько месяцев находился на лечении в госпитале в Уфе и в 1944 г. был демобилизован из рядов Советской армии [Табает, с. 180–181].

Возвращение домой с фронта подвигло его реализовать ранее задуманный план – получить высшее образование. В сентябре 1945 г. К. М. Патачаков поступил в Абаканский педагогический институт на историческое отделение. После окончания института в 1947 г. молодой специалист приступил к работе учителя истории в областной национальной средней школе. Спустя два года, в 1949 г., руководство Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, испытывая острую потребность в перспективных специалистах, пригласило Кузьму Михайловича на работу в качестве научного сотрудника. Вся дальнейшая его жизнь и деятельность были непосредственно связаны с этим институтом. Проработав три года в ХакНИИЯЛИ, в 1952 г. он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР [РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 76. Л. 1]. Его научным руководителем был крупный специалист по этнографии народов Южной Сибири Леонид Петрович Потапов. В 1955 г. состоялась защита диссертации К. М. Патачакова на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.)» [Сунчугашев, с. 189]. Таким образом, Кузьма Михайлович стал первым профессионально подготовленным этнографом в Хакасии.

После аспирантуры он вернулся в ХакНИИЯЛИ, где проработал до 1988 г. На протяжении всего времени Кузьма Михайлович занимал разные должности: заведующий сектором истории, ученый секретарь, председатель Комитета профсоюза. Его научная работа успешно сочеталась с общественной. Он избирался депутатом Хакасского областного совета народных депутатов

и выполнял другие общественные работы [Сунчугашев, с. 189].

За время работы в институте К. М. Патачаков подготовил около 80 научных работ и более 100 научно-популярных статей по истории и этнографии хакасов. Вышли в свет его книги: «Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.)» (1958), «Очерки материальной культуры хакасов» (1982), «Наа чуртас үчүн» («За новую жизнь») (1990). Он принял активное участие в написании коллективных научных трудов: «250 лет вместе с великим русским народом» (1958), «Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг.» (1963), «История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.» (1993) (главы «Развитие капитализма в Хакасии (1860–1900) и «Культура и быт населения Хакасии при капитализме»). Кузьма Михайлович являлся постоянным членом редакционных коллегий по выпуску сборников научных трудов ХакНИИЯЛИ по истории и этнографии Хакасии: несколько выпусков «Ученых записок ХакНИИЯЛИ»; сборников: «Проблемы истории Хакасии» (1977), «Вопросы этнографии Хакасии» (1981), «Вопросы древней истории Южной Сибири» (1984) и др. Он был активным членом ученых советов ХакНИИЯЛИ, участвовал в работе Хакасского областного краеведческого музея: оформлении этнографических экспозиций, пополнении его фондов.

На протяжении всей работы в институте К. М. Патачаков занимался сбором архивного и этнографического материала. Он принимал участие в этнографических и археологических экспедициях, которые проводились ХакНИИЯЛИ и Хакасским областным краеведческим музеем. Результаты его исследований были апробированы на научных конференциях разного уровня. Ученый принимал участие в организации и проведении конференций ХакНИИЯЛИ, являлся пропагандистом общества «Знание» [РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 76].

В области этнографии ученый специализировался на материальной и духовной истории хакасов, включавшей охоту, рыбалку, одежду, религиозные обряды, музыкальные инструменты и т. д. [РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 466; Д. 335; Д. 924]. В сферу его интересов входили: исследование родового строя хакасов и влияния общественной жизни на изменение семейного быта, семейно-родственные отношения и религиозно-бытовые пережитки хакасов [РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 925]. Он собрал материалы о художественном ремесле хакасов

с иллюстрациями и фотографиями [РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 923; Д. 921].

В поле зрения исследователя оказалась история Хакасии советского периода. В 1970-е гг. К.М. Патачаков занимался сбором материалов о быте, хозяйстве, уровне жизни, доходах жителей с. Аршаново [РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 1139]. Ученый отмечал важность изучения развития благоустройства села, ссылаясь на политику КПСС, направленную на улучшение материальной и культурной жизни советского народа. Кузьма Михайлович подробно описал жилища и обстановку аршановцев. В этнографических материалах большое внимание обращено на внутреннее убранство сельских квартир, которые по внешнему виду мало отличались от городских. На основе собранного материала исследователь оценил уровень быта сельчан и пришел к выводу, что домашний быт сельских жителей имел схожие черты с горожанами [Кискидосова, с. 119].

Отдельной темой исследования К.М. Патачакова были хакасские ученые, просветители и политические деятели. Он внес большой вклад в популяризацию научного наследия Николая Федоровича Катанова. Его творческому наследию и жизненному пути Кузьма Михайлович посвятил серию статей в периодической печати. Исследователь подготовил ряд публикаций для периодики о М.И. Райкове, Т.А. Сайлотове, А.Т. Казанакове, П.Т. Штыгашеве, И.М. Киштееве, К.К. Самрине, Я.А. Балахчине и др.

К.М. Патачаков сделал много для возобновления встреч хакасских родов, он стал одним из инициаторов возрождения хакасских праздников. Например, возрождение в 1980 г. хакаского народного праздника Тун пайрам (Тун айран) – праздник первого айрана [Чертыков, с. 104]. Кузьма Михайлович много лет сотрудничал с газетой «Хызыл аал», с 1959 г. – «Ленин чолы», в 1992 г. – «Хакас чирі». К.М. Патачаков сотрудничал с журналом «Ах тасхыл», опубликовав серию публикаций, посвященную декабристам, историческим деятелям и др. Неоднократно публиковался в газете «Советская Хакасия» и был хорошо известен читательской аудитории [Карачакова, с. 191–206]. В результате в прессе им освещались вопросы современной сельской жизни, сообщения о научных конференциях, отзывы на книги по истории и этнографии, заметки о старинных обычаях и обрядах и др. [Табаев, с. 183].

Как участник Великой Отечественной войны Кузьма Михайлович активно участвовал в военно-

патриотическом воспитании молодежи. Он был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, юбилейными медалями, многими медалями и почетными грамотами [Сунчугашев, с. 190]. В 1988 г. К.М. Патачаков ушел на пенсию по возрасту и состоянию здоровья. Однако он продолжал сотрудничать с институтом, в 1994 г. ученый вернулся на некоторое время с целью завершить некоторые планы и замыслы [РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 76].

Кузьма Михайлович Патачаков проявил себя как серьезный и скрупулезный исследователь, внесший существенный вклад в историческую науку. Ученый подробно исследовал хакасскую этнографию и историю Хакасии. В широких кругах он был известен как популяризатор истории и культуры родного края. В памяти коллег К.М. Патачаков остался как образец настоящего ученого и порядочного человека.

Литература

- Карачакова И.Е.** Хронологический указатель опубликованных работ и рукописей К.М. Патачакова // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. Абакан: УПП «Хакасия», 1995. С. 191–206.
- Кискидосова Т.А.** Этнографические материалы К.М. Патачакова о быте жителей с. Аршаново // Советы и социально-экономическое развитие территории. Абакан: Бригантина, 2016. С. 112–120.
- Личное дело** К.М. Патачакова // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Д. 76. 101 л.
- Материалы** к истории жителей села Аршаново. Фото-иллюстрации к «Очеркам истории Хакасии». Собиранье К.М. Патачаков // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1240. Б/л.
- Патачаков К.М.** Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом XVIII–XIX вв. // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 466. 175 л.
- Патачаков К.М.** Личный архив. Описание этнографических коллекций хакасов, хранящихся в государственном музее этнографии народов СССР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 926. 92 л.
- Патачаков К.М.** Некоторые сведения о художественном ремесле хакасов // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 923. 28 л.
- Патачаков К.М.** Религиозно-бытовые пережитки у хакасов и пути их преодоления // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 925. 167 л.
- Патачаков К.М.** Современный быт хакаского села // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1139. Б/л.

- Сунчугашев Я. М.** Кузьме Михайловичу Патачакову – 70 лет // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. Абакан: УПП «Хакасия», 1995. С. 189–190.
- Табаев В. А.** Кузьма Михайлович Патачаков (1922–1999) // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Хакасия: история и современность. Вып. XXI. Новосибирск: Наука, 2000. С. 181–184.
- Чертыков В. К.** Кузьма Михайлович Патачаков (28.06.1922–24.05.1998) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 4. С. 103–105.

References

- Chertykov V. K.** Kuzma Mikhailovich Patachakov (28.06.1922–24.05.1998). *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya*. 2018. № 4. Pp. 103–105.
- Karachakova I. E.** Khronologicheskii ukazatel opublikovannykh rabot i rukopisei K. M. Patachakova. In: *Khakasiya v XIX veke: khozyaistvennoye i sotsialnoye razvitiye*. Abakan: UPP «Khakasiya», 1995. Pp. 191–206.
- Kiskidosova T. A.** Etnograficheskiye materialy K. M. Patachakova o byte zhitelei s. Arshanovo. In: *Sovety i sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye territorii*. Abakan: Brigantina, 2016. Pp. 112–120.
- Lichnoye delo** K. M. Patachakova. In: *Rukopisnyi fond KhakNIYaLI*. D. 76. 101 l.
- Materialy** k istorii zhitelei sela Arshanovo. Fotoillyustratsii k «Ocherkam istorii Khakasii». Sobiratel K. M. Patachakov. In: *Rukopisnyi fond KhakNIYaLI*. F. I-3. Op. 1. D. 1240. B/l.
- Patachakov K. M.** Kultura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazei s russkim narodom XVIII – XIX vv. In: *Rukopisnyi fond KhakNIYaLI*. F. I-3. Op. 1. D. 466. 175 pp.
- Patachakov K. M.** Lichnyi arkhiv. Opis etnograficheskikh kollektsii khakasov, khranyashchiyesya v gosudarstvennom muzeye etnografii narodov SSSR. F. I-3. Op. 1. D. 926. 92 pp.
- Patachakov K. M.** Nekotoryye svedeniya o khudozhestvennom remesle khakasov. In: *Rukopisnyi fond KhakNIYaLI*. F. I-3. Op. 1. D. 923. 28 pp.
- Patachakov K. M.** Religiozno-bytovyye perezhitki u khakasov i puti ikh preodoleniya. In: *Rukopisnyi fond KhakNIYaLI*. F. I-3. Op. 1. D. 925. 167 pp.
- Patachakov K. M.** Sovremennyy byt khakasskogo sela. In: *Rukopisnyi fond KHakNIYaLI*. F. I-3. Op. 1. D. 1139. B/l.
- Sunchugashev Ya. M.** Kuzme Mikhailovichu Patachakovu – 70 let. In: *Khakasiya v XIX veke: khozyaistvennoye i sotsialnoye razvitiye*. Abakan: UPP «Khakasiya», 1995. Pp. 189–190.
- Tabaev V. A.** Kuzma Mikhailovich Patachakov (1922–1999). In: *Uchenyye zapiski KHakNIYaLI. KHakasiya: istoriya i sovremennost*. Vyp. XXI. Novosibirsk: Nauka, 2000. Pp. 181–184.

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ
SAYAN-ALTAY SCIENTIFIC REVIEW

№ 4 (36) 2022

История / History

Редактор *Е. В. Чезыбаев*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Корректор *К. В. Кулумаева*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: (3902) 244-354, 243-039
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 13.10.2022.
Формат 60х84 1/8. Печ. л. 12,5.
Усл. печ. л. 11,62.
Тираж 300 экз. Заказ № 415.
Дата выхода в свет 26.10.2022.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.